

15 октября 1930 г.

Octobre 1930.

Цѣна номера 5 фр. во Франціи.

Prix du Numéro : 5 francs en

№ 7

РОССІЯ

№ 7

(MENSUEL)

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Е. Д. КОНОВАЛОВЪ

Directeur : E. Konovaloff

Rédaction et Administration : 5, rue Béliador, 5

PARIS (17)

Посвящается Кубанскому Казачьему Войску

Кубанскіе Казаки

Т Н О = Л Е = Н И

Кондитерская

Гастрономический Магазинъ

129-bis, rue de la Pompe, Paris-16°. Tél. : Passy 12-69.

Фирма существ. 10 лѣтъ

А. КАПРЕЛИАНЪ.

М. Петросянъ

Оптовый складъ :

И К Р А

сеѣжная сернистая (бѣ-
лужья, осетровая и се-
врюжья), паюсная, Ачуев-
ская, банковская и кетов.

БАЛЫКИ

Бѣлорыбій, осетровый и
«saumon fumé»

СЕМГА

Малосольная, Двинская,
печерская, и лососина

РЫБА

Осетрина, навага, стер-
лядь, форель и судакъ

КОНСЕРВЫ

Стерлядь судака, осетри-
на и друг

РЫБЕЦЪ,

шемая

ГРИБЫ,

соленые и маринованные

КОНСЕРВЫ

овощные, перецъ,
баклажаны и др.

57, place St-Charles, Paris 15. Tél.: Vaugirard 27-77.

Métro: Beaugrenelle.

Ресторанъ „ДЖИГИТЬ“

19, Bd EDGAR QUINET, PARIS, (14), (Montparnasse).

Ресторанъ открытъ съ 12 ч дня.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КУХНЯ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Съ 8 час. вечера музыкальная и артистическая программа

МЕДВѢДЬ

PLACE DUPLEIX — PARIS (XV).

РЕСТОРАНЪ ОТКРЫТЬ ОТЪ 12 ЧАС. ДНЯ
ДО 12-2 ЧАС. НОЧИ. — ЕЖЕДНЕВНО СВѢ-
ЖІЕ ПРОДУКТЫ. — ЛУЧШІЯ ВИНА. —
ОТДѢЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНИЕ ДЛЯ ПОДПИС-
НЫХЪ ОБЪДОВЪ, — МУЗЫКА, ТАНЦЫ.

ОТКРЫТИЕ

Рюмка водки
БЕЗПЛАТНО

Столовая „СТРѢЛКА“

15, rue Beaugrenelle, PARIS (15-е)

Обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ 7 фр.
Дежурное блюдо 4 фр.

Холодныя и горячія закуски

БУФЕТЪ

СТОЙКА

РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ

A L'ESTURGEON

Подъ личнымъ наблюдениемъ владѣльца, б. придворнаго шефа
Ө. Д. КОРНИЛОВА

3, rue Clauzel (уголь rue des Martyrs). Nord-Sud: St.-Georges. Tél.: Trud. 08-46

КРЫМСКІЙ ДОМИКЪ

РЕСТОРАНЪ НА МОНПАРНАССѢ.

131, Bd RASPAIL

(entrée, 10, rue S-te Beuve).

Prix fixe et à la carte.

ЧЕБУРЕКИ И ШАШЛЫКИ.

ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНО - ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

Chez les Cosaques

48, rue Vercingetorix, Paris, 14-е, métro: Edgar Quinet

Къ осеннему и зимнему сезонамъ заготовлена извѣстнымъ специалистомъ
крупная партія соленыхъ огурцовъ и капусты.

Продажа оптомъ и въ розницу. Цѣны внѣ конкуренціи.

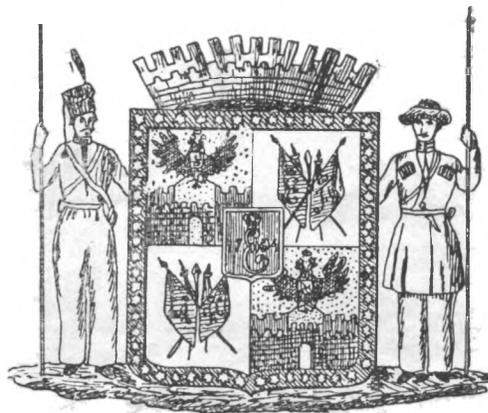
РУССКІЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИНЪ

„MARO“

Всѣ русскіе и французскіе продукты.

20, RUE DE LA TOUR, PARIS (16).

Métro: Passy.

Гербъ Черноморскаго Войска и города Екатеринодара, утвержденный 14 сентября 1849 года.

Войсковой гимнъ Кубанскаго Казачьяго Войска

Ты Кубань, Ты наша Родина,
Вѣковой нашъ богатырь,
Многоводная, раздольная,
Разлилась Ты вдоль и вширь.

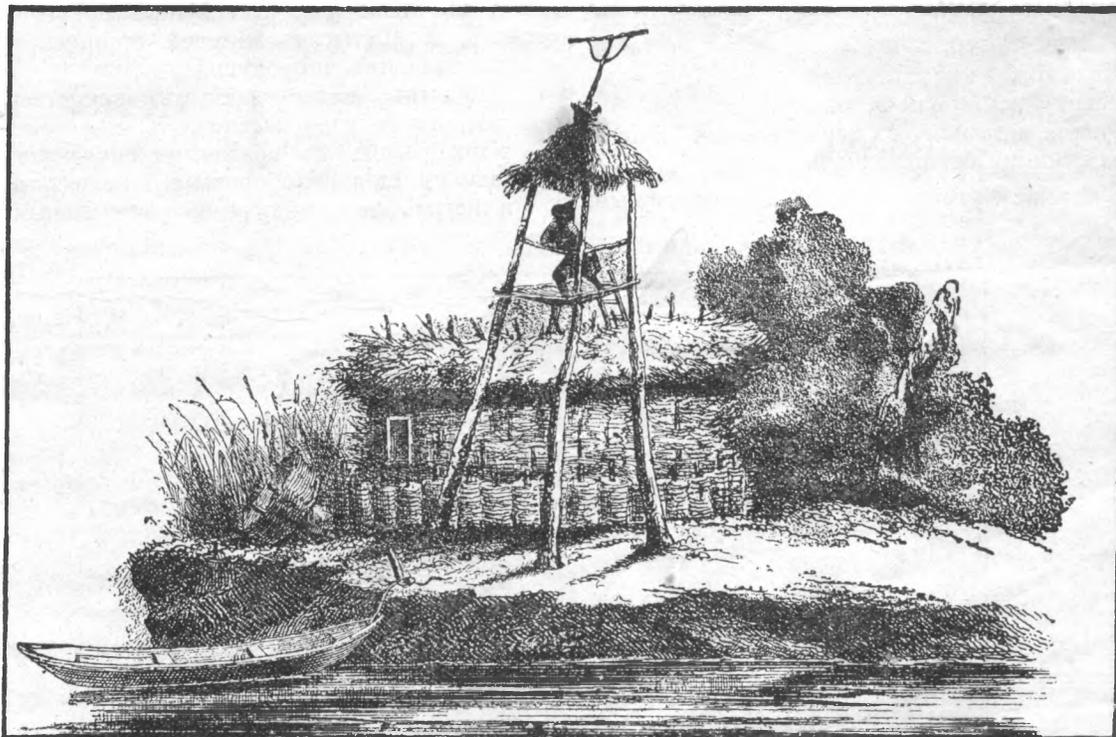
Изъ далекихъ странъ полуденныхъ,
Изъ Турецкой стороны,
Бьемъ челомъ Тебѣ, родимая,
Твои вѣрные сыны.

О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Пѣсни дружно мы поемъ
Про Твои станицы вольныя,
Про родной отцовскій домъ.

О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Какъ о матери родной,
На врага, на басурманина,
Мы идемъ на смертный бой.

О Тебѣ здѣсь вспоминаючи,
За Тебя ль не постоять,
За Твою ли славу старую,
Жизнь свою ли не отдать!

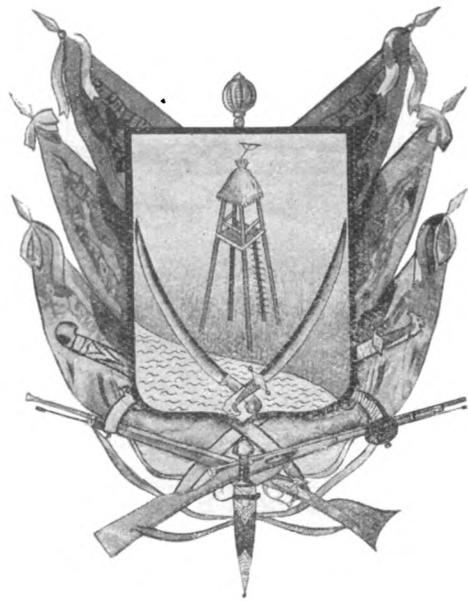
Мы, какъ дань свою покорную,
Отъ прославленныхъ знаменъ
Шлемъ Тебѣ, Кубань родимая,
До сырой земли поклонъ.

Казачья сторожевая вышка на Кубани

Гербъ Кубанскаго Войска, утвержденный 31-го янв. 1874 года.

Войсковой гербъ 1919 года.
(одинъ изъ вариантовъ)

Кубанское Казачье Войско

(краткій очеркъ)

Казачество, въ своемъ поступательномъ движеніи, связано съ рѣками. Онѣ служили и водными путями и пограничными рубежами. Такъ на р. Кубани сложилось Кубанское Казачье Войско.

Рѣка Кубань беретъ начало съ горы Эльбруса и впадаетъ въ Черное море.

Кубань судоходна до столицы Войска Екатеринодара. Вправо отъ нея, — къ сѣверу отъ средняго ея теченія, верстъ на 150, раскинулась плодороднѣйшая, пересѣкаемая широкими балками, равнина, на которой, давая обильный урожай, произрастаютъ пшеница, ячмень, жито, овесъ, просо, подсолнухи, кукуруза и пр.

Среди цѣлаго моря золотистыхъ полей, нарядными оазисами раскинулись свѣже-зеленыя бакши съ аппетитными арбузами и дынями, съ характерными “куріями” и историческими “бакшевниками - дідами”...

Нижнее течение Кубани загромождено обширными

лиманами — плавнями съ величественными камышами и кугою; верхнее течение прорѣзываетъ цѣлую серію горъ, чтобы свободно выйти въ эту равнину, а лѣвый берегъ, хвативъ по среднему теченію къ югу на 120 верстъ, вплоть до города Майкопа, также неисчерпаемою по богатству равниною, — за рѣкою Бѣлою рѣзко переходитъ въ горный Кавказскій кряжъ, сплошь покрытый строевымъ лѣсомъ, гдѣ водятся всевозможныя породы звѣря, до прекрасной лани и зубра включительно.

По всей этой равнинѣ, на разстояніи 15-20 верстъ другъ отъ друга, раскинулись богатая многонаселенная, до 40 тысячъ жителей, станицы, залитыя садами, съ казачьимъ добродушнымъ гостеприимнымъ и трудолюбивымъ, хозяйственнымъ, воинственнымъ и широкимъ по веселію населеніемъ, многосемейнымъ и патриархальнымъ, съ красивыми смуглыми синеокими казачками, съ длиннородыми и величавыми “стариками” и щегольскими, пѣвучими, почтительными къ старшимъ

Казачи въ пикетѣ на Кубани

Памятникъ Запорожцамъ въ Тамани. Мѣсто 1-й высадки.
Открытъ въ 1912-мъ году.

и задиристыми между собою парубками...

На Кубани каждое казачье семейство заботливо обрабатывало свой казачий паевой надѣлъ земли и свои вольготные тѣнистые сады, заранѣе зная и готова каждого казака-подростка къ военной службѣ.

Кубань — житница Россіи, — вывозившая до войны одного хлѣба за границу, черезъ свои порты, ежегодно, до 100 милліоновъ пудовъ.

Кубань, это — цѣлая административная единица, имѣвшая свое особое отъ другихъ русскихъ губерній управленіе, свои исключительно казачьи строевые части войскъ, свои войсковыя богатства, войсковую казну, школы, училища, казачью музыкальную и пѣвческую капеллы, цѣнный историческій музей, архивы.

У казаковъ совершенно обособленная повседневная казачья форма одежды и весь укладъ жизни, особый войсковой, свои обычаи, нравы, вѣковыя традиціи, — своя гордость войсковая...

Кубанское Казачье Войско, славившееся культурнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, Войско, гдѣ въ послѣдніе довоенные годы американскія дисковые сѣялки и сноповязалки были чуть ли не у каждого хозяина — эта единица площадью своею равная одной лишь губерніи (95,487 квадратныхъ километровъ), съ казачьимъ населеніемъ въ 1.400.000 чел. обоего пола — въ мирное время выставяла на собственный счетъ одиннадцать первоочередныхъ конныхъ полковъ, шесть пластунскихъ баталіоновъ и пять конныхъ полевыхъ батарей, имѣя на льготѣ кадры 2-й очереди этихъ полковъ и баталіоновъ. Въ Міровую же войну, когда честь и достоинство Родины требовали наивысшаго жертвеннаго

Первый Войсковой Соборъ (бревенчатый) Черноморскихъ Казачковъ въ Екатеринодарѣ. Заложень въ 1800-мъ году и построенъ по типу Запорожской сѣчевой церкви. Снесенъ въ 1909 году и на его мѣстѣ построенъ каменный.

Церковь, рада и курени Запорожцевъ въ 1773 г. В Екатери-

напряженія, Войско Кубанское также на собственный счет выставило 37 конных полковъ, 2 полка конныхъ горцевъ, 4 бригады знаменитыхъ пластуновъ, 9 конныхъ батарей, 36 отдѣльныхъ конныхъ сотенъ и 17 запасныхъ (11 конныхъ и 6 пластунскихъ). Кромѣ того, оно имѣло свою солидную Войсковую школу прапорщиковъ всѣхъ родовъ оружія и много мелкихъ мѣстныхъ командъ, обслуживавшихъ внутреннюю жизнь Войска. Стойкость ея строевыхъ частей, ихъ врожденная воинская сноровка, наѣздничество, удалъ молодецкая и красота ихъ кавказской формы одежды — все это настолько выдѣляло кубанцевъ изъ среды всѣхъ войскъ Великой Русской Арміи, что изъ нихъ былъ сформированъ Собственный Конвой Русскихъ Императоровъ, опредѣлявшійся передъ Великою войною, вмѣстѣ съ Терскими казаками, силою въ 4 сотни.

Начало ему заложили Казаки Черноморскаго Войска въ 1811 году.

Кромѣ того, для представительства, въ Западномъ краѣ, Войско выставило конвой Варшавскаго генералъ-губернатора — двѣ конныхъ сотни — конвой намѣстника на Кавказѣ, съ Терскими казаками, численностью въ одну конную сотню.

Напряженность службы Войска была доведена до послѣдней стези.

Извѣстный военный профессоръ генералъ Головинъ, въ своемъ трудѣ о Великой войнѣ указалъ, что изъ многомилліонной Русской Арміи казаки, въ боевомъ отношеніи стояли на первомъ мѣстѣ, имѣя выбывшими изъ строя отъ кровавыхъ потерь 94 % и плѣнными лишь 6 %, превысивъ на полѣ брани молчаливою жертвенностью и боевымъ упорствомъ даже поистинѣ доблестное русское офицерство, давшее выбывшими изъ строя отъ кровавыхъ потерь 87 % и плѣнными 13 %.

Изъ 12-ти Казачьихъ Войскъ — Кубанское по богатству, численности и мощи, послѣ Донскаго Войска, было первымъ.

Вотъ какова была Кубань, — этотъ цвѣтушій край казачій — земледѣльческій и служилый — гдѣ, среди казачьяго населенія никогда не было нищихъ и гдѣ слово война не пугало людей.

**

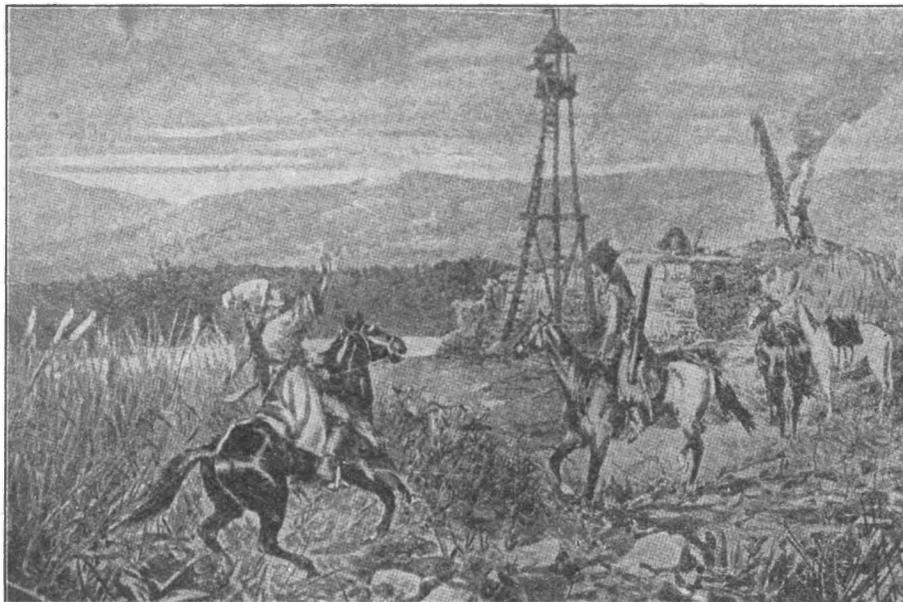
Кто же до казаковъ жилъ здѣсь на берегахъ многоводной и раздольной Кубани и каковъ былъ тогда этотъ край?..

Казаки Кавказскаго Линейнаго Войска 1850-го года.

Научныя изслѣдованія, легенды и мифы дали матеріалы о существованіи здѣсь челоуѣчества еще задолго до Рождества Христова.

Прилегая къ великому историческому пути, по которому въ теченіе многихъ вѣковъ шли народы изъ Азіи въ Европу, и изобилуя прекрасными пастбищами и прѣсною водою, этотъ край всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе кочевниковъ. Здѣсь обитали, покоряя и завоеывая одинъ другого, скифы, готы, гунны, хозары, печенѣги, половцы, а знаменитый своею воинственностью русскій князь Святославъ, покоривъ потомковъ киммерійцевъ (черкесскія племена) и овладѣвъ нынѣшнимъ

Телеога на Кавказской линіи при набѣгѣ горцевъ

Таманскимъ полуостровомъ, въ X столѣтїи образовалъ здѣсь Тмутараканское княжество.

Берега же Чернаго и Азовскаго морей были доступны и культурнымъ народамъ древняго міра, главнымъ образомъ, грекамъ, которые въ IV вѣкѣ до Рождества Христова образовали Босфорское царство, частью своею занимавшее тотъ же Таманскій полуостровъ.

Всѣ кочевые народы были здѣсь хозяевами временными, безъ насиженныхъ мѣстъ, но приморскіе города цвѣли, вели оживленную торговлю, покорялись, разрушались и, до переселенія сюда запорожцевъ, лишь своими развалинами говорили о быломъ ихъ величіи...

А степь, настоящая Кубанская область, она пустовала. На ней паслись громадныя гурты скота кочевниковъ, лилась кровь междуусобія воинственныхъ полудикарей, тянулся въ высь богатырскій камышъ безконечныхъ плавней - лимановъ, а саженная трава, неиспользованная — ложилась долу и вѣковымъ своимъ гніеніемъ усиливала и безъ того тучный черноземъ, готовя благодатную земледѣльческую ниву для новыхъ смѣлыхъ поселенцевъ — колонистовъ.

Послѣ долгихъ войнъ съ могущественной тогда Турціей, когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, а прикубанскія татарскія и ногайскія орды присягнули на вѣрность ей — по Кучукъ-Кайнарджійскому миру въ 1783 г., рѣка Кубань стала номинально пограничнымъ рубежомъ между Россіей и закубанскими горцами, пользовавшимися активнымъ протекторатомъ Турціи.

И вотъ, для прочнаго закрѣпленія всей этой степной равнины, лежавшей къ сѣверу отъ Кубани, Русскому правительству, нужны были смѣлые колонисты.

Войсковой Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Ѳеодоръ Яковлевичъ Бурсакъ.
1799 - 1816

Коренной запорожець, поступившій въ Сѣчь въ 1764 г., знавшій лучшія времена сѣчевого казачества, пережившій разрушеніе запорожскаго коша и участвовавшій во всѣхъ войнахъ съ турками вплоть до переселенія на Кубань.

Въ генералы произведенъ въ 1807 г. при немъ, въ 1803 г. было открыто 1-е Войсковое училище для казачьихъ дѣтей и войсковыя заводы, — конскій и овчарный. Послѣ него наказными атаманами черноморскаго войска были полковники Григорій Кондратьевичъ Матвѣевъ (1816-1827) и знаменитый своими геройскими подвигами генераль маіоръ Алексѣй Даниловичъ Безкровный (1827-1830 г.); ихъ портреты не сохранились.

Безкровный участвовалъ въ Отечественной войнѣ подъ Можайскомъ, Бородинымъ, отстаивалъ Москву и преслѣдовалъ противника.

Въ бою подъ Лейпцигомъ былъ раненъ въ грудь, команду эскадрономъ лейбъ-гвардіи черноморскихъ казаковъ. Онъ былъ красивъ, виденъ собою и столько разъ былъ раненъ, что казаки называли его не Безкровнымъ, а Безсмертнымъ.

**

Колонисты нашли: то были Запорожскіе казаки.

Въ ночь на 4-е іюня 1775 года, русскими войсками, подъ начальствомъ генерала Теккели, была окружена Сѣчь и буквально разрушена со всѣми постройками до основанія. Войсковая казна, Войсковыя регалїи и всѣ земли — отобраны, казаки распылены и обращены въ крестьянъ, а войсковая старшина, въ лицѣ кошевого атамана Петра Кальнишевскаго, войскового судьи Павла Головатаго и войскового писаря (начальника штаба) Ивана Глоба — была арестована, закована въ кандалы и въ тотъ же день отправлена въ Москву.

Часть же казаковъ, численностью въ пять тысячъ человекъ, избравъ себѣ кошевымъ атаманомъ одного изъ полковниковъ, по прозванію Ляха, и захвативъ съ собою запрестольный образъ сѣчевой церкви Покрова Пресвятой Богородицы, часть войсковыхъ регалїй и боевые припасы, въ ту же ночь, украдкою, на лодкахъ бѣжала внизъ по Днѣпру въ Турцію, и образовала новую

Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго Войска
Генераль-отъ-кавалерїи
Николай Степановичъ Завадовскій.
1830 - 1852

Родился въ 1888 г. На службу поступилъ двѣнадцати лѣтъ, а въ 1828 г. произведенъ въ генералы. Талантливый ге-

Петръ Семеновичъ Верзилинъ.

Первый Наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго войска.
1832-1837г.

Родился въ 1791 г. За время службы командовалъ Волгскимъ коннымъ полкомъ; потомъ Горскимъ. Чисто боевой генералъ. Происхожденія не казачьяго.

Сѣчь въ устьяхъ Дуная, подъ протекторатомъ турецкаго султана, съ сохраненіемъ всѣхъ вольностей казачьихъ. Всѣхъ же запорожцевъ къ этому времени было въ Сѣчи — 8.000 ч.

Судьба послѣдняго кошевого атамана Запорожскаго Войска, Петра Кальнишевскаго, была жестока. Заточенный, на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкій монастырь, онъ пробылъ подъ строгимъ надзоромъ ровно 25 лѣтъ. Сидѣлъ онъ въ темномъ погребѣ и только 3 раза въ году ему разрѣшалось быть въ церкви и на монастырской трапезѣ, но безъ права разговаривать съ посторонними. На 110 году жизни, въ 1801 году, онъ былъ помилованъ императоромъ Александромъ I, но уже не захотѣлъ воспользоваться свободою и умеръ тамъ же, въ монастырѣ, въ рубищѣ монаха - схимника 13 октября 1803 года на 112 году жизни, испивъ полную чашу страданій за всѣ вольные и невольные грѣхи своихъ собратьевъ-казаконъ, за все свое Войско низовое Запорожское...

Онъ былъ однимъ изъ выдающихся и уравновѣшенныхъ кошевыхъ атамановъ бурливаго Запорожскаго Казачества и настолько популяренъ среди казаконъ, что, на рѣдкость въ Запорожьѣ, проатаманствовалъ 10 сроковъ подрядъ. Онъ умеръ тогда, когда его бывшие соратники прочно осѣли на Кубани и становились уже регулярнымъ казачьимъ войскомъ.

Судьба была къ нему сурова, какъ и ко многимъ другимъ истымъ казачьимъ атаманамъ...

Могила его извѣстна: въ періодъ гражданской войны, нѣкоторые офицеры сѣверной арміи видѣли въ Соловкахъ могилу его съ намогильною каменною плитою, съ датами — фамиліей и званіемъ. — какъ бывшаго кошевого атамана.

Немного раньше умерли въ Сибири, также въ монастырѣ, войсковые судья и писарь — Павелъ Головатый и Иванъ Глоба...

Такова судьба вождей послѣднихъ Запорожцевъ.

**

Черезъ 12 лѣтъ, въ 1787 г., начавшаяся война съ Турціей побудила русское правительство использовать остатки запорожцевъ въ этой же войнѣ. Черезъ видныхъ старшинъ — Сидора Бѣлаго, Захарія Чепігу и Антона Головатого — главнокомандующій князь Потемкинъ обратился къ казаконъ съ призывомъ собираться въ волонтерныя команды.

Истомленные въ батрачествѣ, казаки широко откликнулись на призывъ. Въ виду громаднаго наплыва запорожцевъ, изъ нихъ было образовано Войско изъ трехъ родовъ оружія — пѣхота, конница и флотилія. Оно въ теченіе четырехъ лѣтъ жертвенно сражалось противъ турокъ подъ именемъ "Войска вѣрныхъ казаконъ", названныхъ такъ въ противовѣсъ "невѣрнымъ", то-есть, ушедшимъ въ Турцію.

Въ этой войнѣ, въ морскомъ бою подъ Очаковымъ 16 июня 1787 г. казаки потеряли смертельно раненымъ своего доблестнаго кошевого атамана Сидора Бѣлаго.

Новымъ кошевымъ атаманомъ былъ избранъ на-

**Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго Войска
Генераль-лейтенантъ
Степанъ Степановичъ Николаевъ.
1837 - 1848**

Родомъ донской казакъ. Родился въ 1789 г.; на службу поступилъ рядовымъ казаконъ въ 1803 г.; произведенъ въ офицеры въ 1811 г. и въ генералы въ 1831 г.

Большую часть своей службы провелъ въ Войскѣ; 6 лѣтъ командовалъ Донскимъ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ; въ 1836 г. былъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на кавказской линіи.

Участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ 1814 г. принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Парижа.

Умный и даровитый генералъ и отличный администраторъ.

Похороненъ въ церкви станицы Михайловской (теперь село возлѣ Ставрополя).

чальникъ всей конницы казаковъ — Захарій Чепіга и утвержденъ главнокомандующимъ княземъ Потемкинымъ.

За несравненную доблесть, проявленную запорожцами въ этой войнѣ, они получили массу наградъ, имъ пожалованы были знамена и возвращены старые войсковыя регалии, отобранныя у нихъ при разрушеніи Сѣчи.

По окончаніи войны, запорожцы были поселены у Кинбурнской Косы, но потомъ, чувствуя непрочность своего положенія и боясь новаго “разрушенія”, они просили дать имъ неизвѣданныя земли на Тамацкомъ полуостровѣ. Депутація, посланная въ Петербургъ къ царицѣ во главѣ съ войсковымъ судьей Антономъ Головатымъ, — этимъ замѣчательнымъ казачьимъ воиномъ - дипломатомъ, пѣвцомъ - поэтомъ и бандуристомъ, — послѣ долгихъ и томительныхъ хлопотъ, наконецъ получила разрѣшеніе на эти земли, и 30 іюня 1792 г. былъ изданъ императрицею Екатериною II указъ о пожалованіи Черноморскому войску въ вѣчное владѣніе земель на Тамани и далѣе по Кубани до устья Лабы.

На черноморцевъ была возложена задача охра-

И. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Яковъ Герасимовичъ Кухаренко.
1852 - 1856

Былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ, назначеннымъ изъ коренныхъ казаковъ Черноморскаго Войска.

Родился въ 1799 г. на службу поступилъ пятнадцати лѣтъ; 9 лѣтъ числился урядникомъ; въ офицеры произведенъ въ 1823 г. и въ генералы — 1853.

Въ 1801 г. былъ и. д. наказнаго атамана Азовскаго Казачьяго Войска и оттуда переведенъ наказнымъ атаманомъ роднаго Черноморскаго Войска.

Въ теченіе 38 лѣтъ онъ прошелъ всѣ ступени казачьей военной и гражданской службы въ Войскѣ и умеръ въ плѣну у горцевъ 26 сентября 1862 г., недалеко отъ г. Майкопа, захваченный ими 19 сентября между станицами Казанской и Кавказской.

Тѣло его было выкуплено и предано землѣ въ Екатеринодарѣ.

И. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго Казачьяго Войска
Генераль-лейтенантъ
Григорій Антоновичъ Рашпиль.
1844 - 1852

Родился въ 1801 г. Тринадцати лѣтъ поступилъ на службу, двадцати лѣтъ произведенъ въ офицеры и въ 1841 г. въ генералы.

Съ 1842 по 1852 былъ начальникомъ штаба Черноморскаго Войска и исп. об. наказнаго атамана.

При немъ въ Екатеринодарѣ учреждена учебная конная часть для подготовки урядниковъ въ офицеры и вновь открыта войсковая гимназія, а для насажденія женскаго образованія учреждена Маріинская женская пустынь.

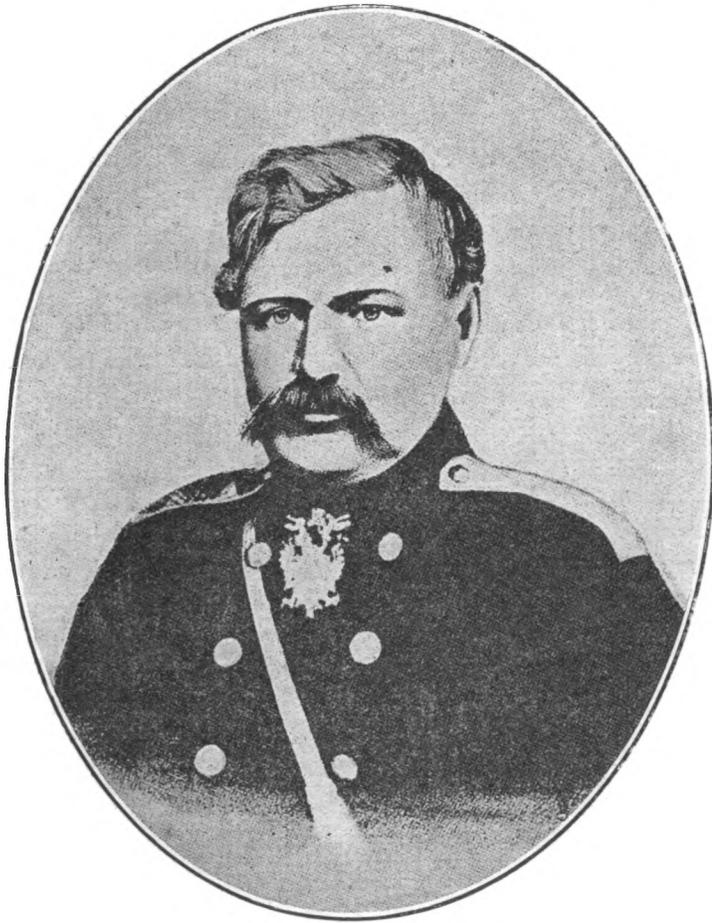
нять границу отъ набѣговъ закубанскихъ горцевъ.

За два года — 1792-93 гг. — морскимъ и сухимъ путемъ запорожцы перешли на новыя мѣста, вооруженными кордонами заняли линію по правому берегу рѣки Кубани до нынѣшней Усть-Лабинской станицы, и куренями своими, въ количествѣ 38 — раскинулись по всей необъятной степи. Войско по мѣсту новой дѣятельности было названо — “Черноморскимъ казачьимъ Войскомъ”

Въ 1794 г. былъ заложенъ городъ Екатеринодаръ, названный такъ въ честь императрицы, гдѣ были построены, по типу разрушенной Сѣчи — церковь, крѣпость и курени (казармы) для такъ называемой казачьей “сіромы” (холостяки) и здѣсь же была установлена резиденція Войска съ кошевымъ атаманомъ.

Давшіе начало этой новой эрѣ въ жизни обездоленнаго Запорожскаго Казачества ихъ старшины — Сидоръ Бѣлый; Захарій Чепіга и Антонъ Головатый состоятъ шефами на стоящихъ кубанскихъ полковъ: Полтавскаго, Екатеринодарскаго и Уманскаго.

Переселившихся было всего лишь около 20.000 человекъ обоого пола, но преобладали холостяки и они сразу же отъ себя выставили 20 пятисотенныхъ полковъ, изъ коихъ — 10 конныхъ и 10 пѣшихъ. Цыфры эти говорятъ за то, что въ строй стало абсолютно все

Генераль-лейтенантъ
Григорій Ивановичъ Филипсонъ.

Первый наказный Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска не изъ казаковъ. (1856-1860 г.)

Родился въ 1805 г., происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи.

Высоко-образованный офицеръ генеральнаго штаба. Оставилъ въ Войскѣ о себѣ добрую память, какъ просвѣщенный и заботливый начальникъ.

Генераль-маіоръ
Левъ Ивановичъ Кусакъ.
(Портрета не сохранилось)

Родился въ 1803 г., на службу поступилъ въ 1818 г., произведенъ въ офицеры въ 1819 и въ генералы въ 1854 г.

До назначенія атаманомъ — съ 1857 г. былъ начальникомъ штаба Войска; затѣмъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго Казачьяго Войска.

При немъ оно переименовано въ Кубанское. Происхожденія не казачьяго.

мужское населеніе, способное держать въ рукахъ оружіе.

Съ этого момента и до 1864 г., то-есть, до полнаго покоренія Кавказа, ровно на протяженіи 70 лѣтъ, безконечною рѣкою лилась кровь и слезы черноморскаго казачества въ борьбѣ противъ храбрыхъ и дерзкихъ Закубанскихъ горцевъ. Насколько жестока была борьба съ ними, можно судить по тому, что одинъ изъ черноморскихъ войсковыхъ атамановъ, генераль Кухаренко, былъ захваченъ черкесами въ плѣнъ и умеръ тамъ, а атаманъ, генераль Безкровный, въ одномъ изъ своихъ закубанскихъ набѣговъ, въ конной схваткѣ, выручая свои пушки, глубоко врѣзавшись въ ряды противника и потерявъ подъ собою убитымъ коня, окруженный горцами, рѣшившими взять его живымъ въ плѣнъ, — выстрѣломъ изъ пистолета сразилъ ихъ предводителя, извѣстнаго вождя горцевъ, Цоко-Моко, двухъ черкесовъ закололъ пикой, а когда пика была мгновенно изрублена шашками, обороняясь саблею, — ранилъ еще нѣсколькихъ человекъ. Раненый въ грудь, голову и пле-

чо и истекая кровью, атаманъ былъ выхваченъ отъ смерти нѣсколькими казаками, прорубившимися сквозь ряды горцевъ къ нему на выручку. Они подхватили его на крупъ лошади и безчувственнаго отъ потери крови умчали въ безопасное мѣсто.

Легко только сказать — Войскою Атаманъ, генераль и командующій Войсками — самъ въ конной атакѣ, впереди всѣхъ и... съ пикой.

Это было 100 лѣтъ тому назадъ, 29 января 1829 года.

Атаманъ же Кухаренко былъ захваченъ въ плѣнъ гораздо позже.

**

Одновременно съ переселеніемъ на Кубань запорожцевъ, на нѣсколько лѣтъ раньше, шло заселеніе казаками Кавказской линіи.

Наказный Атаманъ Линейнаго Казачьяго Войска
Генераль-маіоръ
Феликсъ Антоновичъ Крюковскій.
1848-1852 г.

Въ 1840 г. командовалъ Горскимъ коннымъ полкомъ; въ 1842 принялъ Хоперскій конный полкъ; въ 1848 г. произведенъ въ генералы и назначенъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго Казачьяго Войска.

18 января 1852 г. "заговоренный отъ пули, атаманъ", въ бою съ чеченцами былъ убитъ пулею.

Тѣло его похоронено въ родномъ ему Горскомъ полку въ церкви станицы Екатеринодарской Терскаго Войска.

О знаменитомъ героѣ командирѣ и атаманѣ до сихъ поръ вспоминаютъ казаки - атаманы. О немъ сложены пѣсни, и распространенная изъ нихъ среди Хоперскаго, Лабинскаго, Кубанскаго и Кавказскаго полковъ:

— Вдругъ ударилъ громъ изъ тучекъ
Три дня сряду дождикъ лиль,
Подъ завалы подступали
Самъ Крюковскій съ нами былъ...

Пѣлось именно про него.

Наказный Атаманъ Черноморскаго Казачьяго Войска.
Генералъ-маіоръ
Князь Григорій Романовичъ Эристовъ.
1852-1855 г.

Родился въ 1812 г.; въ 1829 г. поступилъ на службу; рано произведенъ въ генералы и до атаманства командовалъ Горскимъ коннымъ полкомъ.
Родомъ — изъ Грузинскихъ князей.

Въ 1777-79 гг. съ верховьевъ Донскаго Войска, съ рѣки Хопра, впадающей въ рѣку Донъ въ районѣ нынѣшняго г. Ставрополя, былъ переселенъ I Хоперскій полкъ, который въ 1826 году былъ вновь переселенъ въ самое верховье р. Кубани и образовалъ новыя станицы. По Хоперскому полку числится старшинство Кубанскаго Казачьяго Войска съ 1696 г. Въ этомъ году, хоперскіе казаки, вмѣстѣ съ донскими казаками, подъ руководствомъ царя Петра Великаго, участвовали во взятіи турецкой крѣпости Азова. Послѣ Азова хоперскіе казаки участвовали подъ Полтавою въ бояхъ противъ Шведскаго короля Карла XII и, когда прибыли къ себѣ на родину, ихъ городки были снесены правительствомъ за участіе оставшихся тамъ казаковъ въ возстаніи атамана Кондратія Булавина.

Послѣ этой жестокой расправы цѣлое полстолѣтіе съ лишнимъ хоперскіе казаки подвергались всевозможнымъ ущемленіямъ со стороны центральной власти, вплоть до принудительнаго переселенія ихъ на Кубань.

Въ 1794 году, насильственнымъ путемъ на Кубань переселяются донскіе казаки изъ старовѣровъ и своимъ станицами занимаютъ среднее теченіе рѣки, образуя собою Кубанскій конный полкъ пятисотеннаго состава.

Въ 1803 году на Кубань добровольно переселилась часть казаковъ Екатеринославскаго Войска и, размѣстившись станицами между Черноморскимъ Войскомъ и Кубанскимъ полкомъ — образовали Кавказскій конный полкъ. По старому запорожскому обычаю, они избрали себѣ командира и офицеровъ изъ своей же среды.

Въ 1832 году, для болѣе радикальнаго управленія этими отдѣльными полками и полками старой линіи въ борьбѣ съ горцами — изъ нихъ образуется Кавказское линейное войско.

Съ 1841 по 1860 г., горцевъ оттѣсняють въ горы и станицами заселяется линія по рр. Лабѣ, Чамлыку, Урупу и образуются Лабинская и Урупская бригады. Станицы эти образовались изъ выходцевъ Донскаго и Линейнаго Войскъ, Малороссійскихъ русскихъ солдатъ, приписанныхъ въ казаки. Эти бригады также вошли въ составъ Кавказскаго Линейнаго Войска.

Въ 1860 г., когда русскимъ войскамъ сдался имамъ Дагестана, свѣтскій и духовный глава всѣхъ горцевъ, Шамиль — Кавказское линейное войско было разбито на три части: восточная часть, съ волжскими и гребенскими казаками образовала Терское Казачье Войско. Станицы небольшой средней части были переименованы въ села и причислены къ Ставропольской губерніи. Западная же часть, въ составѣ шести бригадъ — Хоперской, Урупской, Лабинской, Кубанской, Ставропольской и Кавказской, была соединена съ Черноморскимъ Войскомъ и образовала собою Кубанское Казачье Войско.

Съ 1860 по 65 годъ отъ горцевъ очищается вся мѣстность по рѣкѣ Бѣлой и заселяется новыми станицами. Дальше идетъ постепенное и упорное очищеніе всей мѣстности вплоть до Чернаго моря. Сюда переселяются черноморскіе и донскіе казаки, оказываются государственные крестьяне и переселяется Азовское Казачье Войско, которое вернулось изъ Турціи въ 1828 году съ

Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго Войска.
Генералъ-маіоръ
Николай Александровичъ Рудзевичъ.
1855-1860 г.

Родился въ 1810 г. Сынъ одного изъ героевъ Отечественнаго войны, генерала Рудзевича, взявшаго съ боя высоты Монмартра и тѣмъ рѣшившаго сдачу Парижа.

Считался хорошимъ администраторомъ. По его ходатайству срокъ службы линейныхъ казаковъ съ 25 лѣтъ сокращенъ до 15.

Послѣдній атаманъ Кавказскаго линейнаго войска, которое, сведенное съ Черноморскимъ Войскомъ въ 1860 г., стало называться Кубанскимъ.

Происхожденія не казачьяго.

кошевымъ атаманомъ Гладкимъ, пробывъ подъ протекторатомъ турецкихъ султановъ ровно 53 года (со дня разрушенія Запорожской Сѣчи въ 1775 г.).

Этимъ періодомъ и заканчивается полное заселеніе настоящей Кубанской области.

Такъ, на протяженіи семидесяти лѣтъ, долгой и упорной борьбы съ природою и воинственными горцами, на крови и костяхъ казачьихъ, заселяется полудикая Кубанская равнина и предгорье, образуется наше родное и кровное, цвѣтущее богатствомъ и мощью Кубанское Казачье Войско, главною своею массою населенія черпающее историческое начало въ глубинѣ вѣковъ отъ славнаго Казацкаго Войска Запорожскаго.

**

Только съ окончательнымъ замиреніемъ Западнаго Кавказа начинается періодъ мирнаго строительства Войска.

Тучный черноземъ, дивныя пастбища и сѣнокосы, трудолюбіе и хозяйственность казаковъ — естественно, вели къ улучшенію ихъ экономическаго благополучія.

Въ долгой и постоянной службѣ казакъ черпалъ грамотность, жизненный опытъ, сноровку.

Участіе во многихъ военныхъ походахъ за предѣлами Войска, позволяло каждому казаку, при' его живомъ умѣ, врожденной смѣлкѣ и наблюдательности, — знакомиться со всѣмъ тѣмъ, что, такъ или иначе, могло быть полезно въ его станичномъ быту.

Дома же, на льготѣ, состоя до сороколѣтняго возраста въ служиломъ составѣ и одновременно участвуя въ общественной станичной жизни — казакъ постоянно варился въ соку долга и труда.

Эта вѣчная напряженность жизни создавала въ казакѣ волевой и терпѣливый элементъ, вдумчивый и серьезный, вѣчно стремящийся впередъ, — къ свѣту, къ прогрессу.

**

Культурная Кубань пестрѣла цѣлою сѣтью разныхъ школъ и училищъ.

Кубанское Войско, эта маленькая часть Великой Россіи, территоріей своею равная одной лишь губерніи, съ населеніемъ въ 3 милліона душъ (казаки, горцы, иногородніе) — къ 1920 году, на 400 крупныхъ населенныхъ пунктовъ — имѣла: низшихъ школъ — 2.200, высшихъ начальныхъ и городскихъ — 183, классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ — 120. Цыфры школъ и училищъ — сами по себѣ говорятъ за постановку грамотности въ Войскѣ. Неграмотнымъ быть — считалось стыднымъ на Кубани.

Коренное и основное занятіе казаковъ — было земледѣліе. Но въ послѣдніе годы — промышленность шагнула впередъ гигантскими шагами. Къ этому же 20-му году фабрикъ и заводовъ въ краѣ насчитывалось около 8.000; изъ нихъ въ виду повсемѣстнаго земледѣлія, первое мѣсто занимали мельницы и маслобойни. Молотѣба хлѣба шла только паровыми молотилками. (Это ли не показатель богатства?!). Скотоводство шло параллельно съ земледѣліемъ. Въ краѣ насчитывалось до милліона лошадей, болѣе двухъ милліоновъ рогатаго скота, болѣе трехъ милліоновъ тонкорунныхъ овецъ, до пятисотъ тысячъ свиней и много др. животныхъ. Если мы сопоставимъ эти цыфры съ количествомъ всего населенія, выходитъ, что на каждую душу, даже и на городского жителя, на вновь рожденнаго ребенка и на дряхлаго старика, приходилось до трехъ животныхъ. Это, весьма не бѣдно, если принять во вниманіе, что въ центральныхъ русскихъ губерніяхъ, сплошь и рядомъ, въ крестьянскихъ семействахъ до десяти душъ, наблюдалась одна лошадь и одна корова съ телкомъ...

Край цвѣлъ и развивался и сулилъ еще большее благополучіе трудолюбивому и добросовѣстному казачьему населенію, но... грянулъ разрушительный громъ коммунизма и все разрушилъ...

И вотъ грамотное, богатое, культурное, съ чувствомъ собственного достоинства, казачье населеніе въ періодъ гражданской войны, когда русскій крестьянинъ шель въ красную армію или, по меньшей мѣрѣ, держалъ нейтралитетъ, — поголовно взялось за оружіе и, въ противовѣсъ надвигающемуся коммунистическому разрушенію, въ охраненіе своего казачьяго лица и достоинства, выставило: три пластунскихъ отдѣльныхъ бригады, шесть конныхъ дивизій, три отдѣльныхъ бригады, черкескую конную дивизію, Карачаевскую Конную бригаду, 24 артиллерійскихъ батареи, — имѣя въ тылу: два военныхъ училища, учебные артиллерійскій дивизионъ, пластунскій баталіонъ, конный дивизионъ, запасный конный полкъ, 11 запасныхъ конныхъ сотенъ и 6 запасныхъ пластунскихъ.

Въ самые тяжкіе и острые моменты борьбы съ коммунистами — Кубань выставила до 110.000 бойцовъ, составляя почти 80% всѣхъ силъ Русской Добровольческой Арміи.

Таковы вкратцѣ историческія и цыфровыя данныя, указывающія на то, что такое Кубань, наше родное, кровное и дорогое

Кубанское Казачье Войско.

Полковникъ Елисѣевъ.

КУБАНСК'И ВОЙСКОВОЙ АТАМАНЪ
Генеральнаго Штаба Генераль-маіоръ
Вячеславъ Григорьевичъ НАУМЕНКО.

Казакъ ст. Петровской Таманскаго острѣла Кубанскаго Казачьяго Войска.

Родился 4 марта 1883 года. Окончилъ Воронежскій кадетскій корпусъ, Николаевское кавалерійское училище въ Петроградѣ и Николаевскую Военную Академію Генеральнаго Штаба въ 1914 году.

По производствѣ въ офицеры вышелъ въ I Полтавскій полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Въ Гражданскую войну: Начальникъ Штаба Кубанскаго Войскового отряда, выступившаго въ Кубанскій (ледяной) походъ; командиръ Корниловскаго коннаго полка К. К. В.; Командиръ бригады I конной дивизіи; Походный Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска и командиръ 2 Кубанскаго коннаго корпуса.

На постъ Кубанскаго Войскового Атамана избранъ Кубанской Краевой Радой на о. Лемносъ (Греція) 4 декабря 1920 года.

Отрывокъ изъ воспоминаній

2 августа 1918 года Корниловскимъ полкомъ Кубанскаго Войска была занята столица Кубани — Екатеринодаръ. Большевики отступили за Кубань. На слѣдующій день въ Екатеринодаръ вступили радостно встрѣченныя жителями части войскъ Юга Россіи.

Послѣ короткой передышки, Корниловскій полкъ, въ составѣ 1-й конной дивизіи, былъ переброшенъ за Кубань для дальнѣйшаго наступленія вверхъ по ея теченію. Генераль Деникинъ направилъ пѣхоту вдоль Владикавказской дороги на Армавиръ, куда должна была наступать и 1-й конная дивизія.

Сбивъ красныхъ съ переправы черезъ Лабу у станицы Тенгинской, дивизія перешла на правый берегъ рѣки и двинулась вверхъ по ней, тѣсня передъ собою конницу противника.

26 августа я получилъ приказаніе со своей бригадой въ составѣ Корниловскаго, 1 Запорожскаго полковъ и двухъ конныхъ орудій, занять хуторъ Скобелевскій, расположенный сѣвернѣе станицы Петропавловской.

Послѣ небольшого боя, хуторъ этотъ былъ занятъ нами на разсвѣтѣ 27 августа. Противъ насъ была конница Кочубея.

Должно отмѣтить, что въ это время конскій составъ нашихъ полковъ былъ переутомленъ непрерывнымъ походомъ съ Дона и боями на пути къ Екатеринодару, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ очищеніи отъ красныхъ Закубанья. Огнестрѣльныхъ припасовъ почти не было — имѣли то, что удавалось отбить у противника. Наша артиллерія имѣла по нѣсколько десятковъ патроновъ на орудіе, а въ полкахъ винтовочные патроны считались на шулки.

Конница красныхъ также не блистала конскимъ составомъ и была морально надорвана неудачными операціями на Кубани.

Я имѣлъ приказаніе начальника дивизіи, занявъ Скобелевскій хуторъ, ожидать дальнѣйшія его распоряженія.

Послѣ занятія нами хутора, конница противника отошла на востокъ и, получивъ подкрѣпленіе, задержалась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него.

Къ полудню 27 августа наше положеніе было таково: на правомъ флангѣ, выдвинувшись примѣрно на версту-полторы отъ хутора, находились Корниловцы, а лѣвѣе, отдѣленные болотистымъ ручьемъ, — Запорожцы. Единственной переправой черезъ ручей была гребля около хутора Скобелевскаго, по которой конница могла пройти въ колоннѣ по три; около этой гребли стояла въ резервѣ 4 Корниловская сотня подъ командой подъесаула Н. И. Бородачева. Сзади Запорожцевъ, съ вернѣе хутора, у кургана занималъ позицію артиллерійскій наблюдательный пунктъ. 4-я сотня Запорожскаго полка задержалась въ тылу и должна была присоединиться къ полку.

Около часу дня въ Скобелевскій хуторъ прибылъ начальникъ дивизіи генералъ Афросимовъ съ начальникомъ штаба полковникомъ Баумгартенемъ. Только что они успѣли спѣшиться и подняться на наблюдательный пунктъ, какъ Запорожцы сбили красныхъ, и ихъ лава быстро скрылась за перегибомъ мѣстности, преслѣдуя противника. Нашъ артиллерійскій взводъ снялся съ позиціи и послѣдовалъ за Запорожцами.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ картина рѣзко измѣнилась.

Изъ-за бугра показалась лава Запорожцевъ, стремительно отступавшая, а за нею конница красныхъ, мѣстами уже смѣшавшаяся съ Запорожцами. Началась рубка. Наша артиллерія не успѣла сняться съ передковъ и повернула назадъ. Положеніе ея было критическимъ. 4-я Запорожская сотня замѣшкалась въ тылу, Корниловцы не могли атаковать противника, будучи отрѣзаны отъ него болотистымъ ручьемъ, и не могли поддержать Запорожцевъ огнемъ, не рискуя нанести имъ потери.

Конная масса неслась мимо хутора и гребли. Въ этотъ моментъ подъесаулъ Бородачевъ, учтя обстановку, бросился, во главѣ своей сотни, во флангъ противнику. Сотня атаковала черезъ греблю, въ колоннѣ по три. Ударъ 4-й Корниловской сотни былъ настолько стремителенъ и неожиданъ для красныхъ, что они замаялись, а въ это время ихъ атаковала съ фронта 4-я Запорожская сотня, только что подошедшая къ полю боя. Запорожцы ободрились, повернули и перешли въ контръ-атаку. Противникъ былъ опрокинутъ и поспѣшно отошелъ, преслѣдуемый Запорожцами на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Въ атакѣ вражескій кавалеристъ перерубилъ кость правой руки выше кисти командиру Корниловской сотни подъесаулу Бородачеву. Потери сотенъ не велики.

Атака и контръ-атака длились въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Здѣсь была проявлена разумная инициатива подъесауломъ Бородачевымъ и командиромъ 4 Запорожской сотни, фамиліи котораго, къ сожалѣнію, не помню, а казакими ихъ сотенъ — примѣрная храбрость и мужество.

Благодаря ихъ доблести не только былъ отброшенъ противникъ, но и спасены наши орудія.

29 августа 1-ю конную дивизію принялъ новый ея начальникъ генералъ - маіоръ Врангель. Въ тотъ же день красные были отброшены къ станицѣ Михайловской, гдѣ они укрѣпились и задержали наступленіе дивизіи на цѣлый мѣсяць.

В.Науменко

Кубанскій Войсковой хоръ въ Сербіи въ 1921 году.
Въ центрѣ — Войсковой Атаманъ Генералъ Науменко.

Группа Казаковъ - Конвойцевъ.

КУБАНЦЫ

Впервые я увидѣлъ кубанцевъ въ Петербургѣ въ 1891 г. юнкеромъ Николаевского кавалерійскаго училища на первомъ кавалерійскомъ зимнемъ парадѣ государя императора Александра III.

Это былъ Конвой Его Величества.

Среди огромныхъ кирасиръ въ блестящихъ каскахъ и кирасахъ, на крупныхъ лошадяхъ, съ звенящими палашиами, легкихъ гусаръ, уланъ, драгунъ и конно гренадеръ на отличныхъ быстрыхъ коняхъ, прекрасной Донской гвардейской бригады на сытыхъ, рослыхъ лошадяхъ, бородатыхъ уральцевъ на мохнатыхъ здоровыхъ маштакахъ, — конвойцы (кубанцы и терцы) въ своихъ красивыхъ расшитыхъ черкескахъ, блестя серебромъ шашекъ, кинжаловъ, гозырей и конскаго набора, въ высокыхъ черныхъ папахъ, на хорошихъ, быстроногихъ коняхъ — произвели на насъ, юнкеровъ, — впечатлѣніе красоты, быстроты и силы. Ихъ близость къ государю; его довѣріе къ нимъ, какъ къ своей личной охранѣ, — наполняло гордостью наши юныя казачьи сердца:

Царь вѣритъ казакамъ и любитъ ихъ!

А въ то золотое время, когда для насъ, молодежи, государь былъ полубогомъ, великимъ вождемъ могучей арміи, — его вниманіе и ласка къ казакамъ - конвойцамъ чувствовалась нами, какъ довѣріе царя ко всему казачеству, безъ различія войскъ.

Плотный, коренастый, въ формѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ, крѣпко сидя на крупномъ гнѣдомъ конѣ, государь медленно объѣхалъ войска, здороваясь съ ними. Сзади него, передъ свитой, ѣхали два красав-

ца - трубачи конвойцы съ серебряными трубами, — не спуская съ него глазъ. Прекрасно одѣтые, сверкая серебромъ, они рѣзко выдѣлялись на фонѣ сѣрыхъ шинелей и низкихъ барашковыхъ шапокъ — скромной формы царя - миротворца, не любившаго пышности.

Объѣздъ конченъ. Войска перестроились къ церемоніальному маршу. Государь сталъ у воротъ Зимняго дворца противъ величественной Александровской колонны. Звонко прозвучали въ морозномъ воздухѣ серебряныя трубы сигналъ движенія. И впереди, всѣхъ, держа винтовки въ правой рукѣ, плавно, казачьей рысью двинулся Конвой Его Величества — во главѣ всей гвардейской кавалеріи.

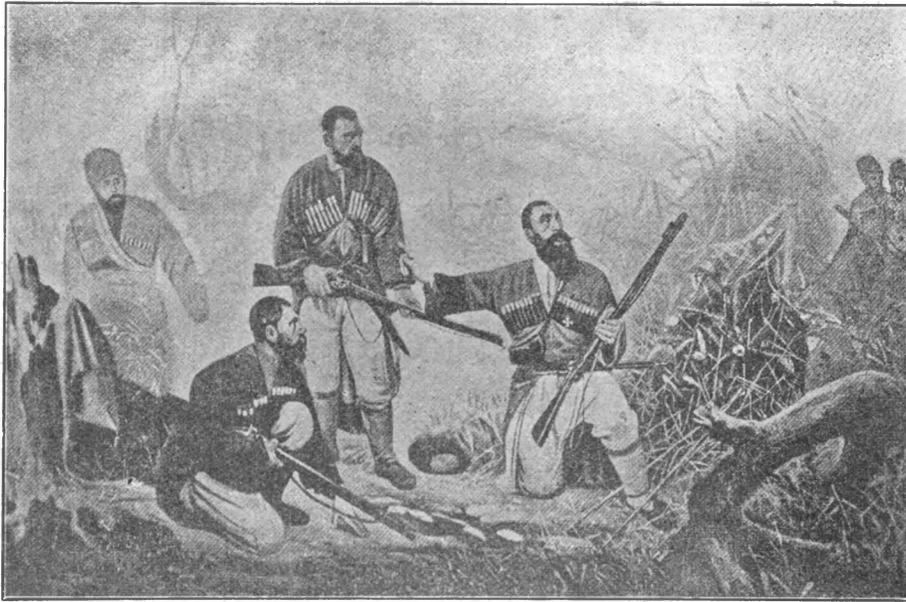
За ними мы — Николаевское кавалерійское училище, за нами — вся кавалерія.

Какъ это было красиво! Легкость, сила, бодрость... Все подтянуто, безъ шума, въ полномъ порядкѣ, съ отличнымъ равненіемъ...

**

Прошло много лѣтъ. За это время мнѣ не приходилось встрѣчаться съ кубанцами въ массѣ, кромѣ того же Конвоя Его Величества, со службою котораго мнѣ пришлось познакомиться ближе и проникнуться полнымъ уваженіемъ къ нему: скромность, строгое исполненіе своихъ обязанностей, отличное знаніе строевой службы — это вошло въ плоть и кровь каждого конвойца.

Наступила грозная Великая война.

Пластуны въ залогѣ на Кубани.

Откомандовавъ 4-мъ Мариупольскимъ гусарскимъ, а затѣмъ Л. Гв. Сводно - казачьимъ полкомъ, — уже въ должности начальника штаба походнаго атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ великаго князя Бориса Владимировича, побывавъ на всѣхъ фронтахъ, гдѣ сражались казаки, я видѣлъ кубанцевъ въ составѣ боевыхъ полковъ и дивизій.

Рослые, здоровые люди, чисто одѣтые, на хорошихъ лошадахъ; порядокъ, стройность на смотру. Начальство свидѣтельствовало, что въ бояхъ — держались молодцами: у многихъ на груди сверкали георгиевскіе кресты. Въ Малой Азіи видѣлъ знаменитыхъ пластуновъ, слышалъ объ ихъ легендарныхъ атакахъ Эрзерума.

Уже въ 1916 году выяснилось, какое страшное напряженіе пришлось вынести казачьимъ Войскамъ въ Великую войну. Казаки дали все, что были въ силахъ, на боевую службу Родинѣ (до 300.000 чел.) и въ штабѣ походнаго атамана начали поступать заявленія отъ наказныхъ атамановъ, что ихъ Войска скоро будутъ уже не въ силахъ давать пополненія въ войсковыя части на фронтѣ. И такое заявленіе первымъ пришло съ Кубани...

**

Наступила наша ужасная революція. Я вернулся въ строй и послѣдовательно командовалъ Забайкальской кзачьей, а затѣмъ — 1-ой Гв. кавалерійской дивизіей. За это время мнѣ не приходилось встрѣчаться съ кубанцами, но среди массы разсказовъ о тѣхъ ужасахъ, какіе творились въ регулярныхъ частяхъ російской арміи въ это время, — я ни разу не слышалъ о чемъ либо подобномъ среди казачьихъ частей, въ томъ числѣ и кубанскихъ.

Въ концѣ 1917 года, когда нѣкогда блестящіе полки 1-ой Гвардейской кавалерійской дивизіи, несмотря на отчаянныя мои усилія сохранить ихъ въ порядкѣ, — разбрелись и ушли по домамъ, я уѣхалъ на Донъ въ распоряженіе атамана Каледина. Черезъ полтора мѣсяца я принялъ участіе въ Ледяномъ походѣ, командуя маленькимъ Партизанскимъ полкомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ, изъ донцовъ. Большую часть этого похода, подъ начальствомъ генерала Корнилова, а затѣмъ Деникина, — намъ пришлось провести на Кубани. И здѣсь впервые я побывалъ во многихъ кубанскихъ станицахъ, ближе познакомился съ населеніемъ, его жизнью, отношеніемъ къ революціи и къ намъ.

Вполнѣ естественно, что масса населенія, въ большинствѣ зажиточнаго, даже богатаго, трудолюбиваго, жившаго до сихъ поръ мирной, спокойной жизнью, — совершенно не сочувствовала революціоннымъ идеямъ и вовсе не желала пришествія благодѣтелей - большевиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя наши ничтожныя силы — боевой составъ Добровольческой арміи не превышалъ 3.000 человекъ, — опасалась за свою судьбу въ случаѣ нашего ухода. Поэтому мы не находили на Кубани, какъ и на Дону, серьезной поддержки, хотя вездѣ въ станицахъ было много фронтовиковъ. Мѣстная мобилизація не давала намъ много новыхъ воиновъ, да и нерѣдко часть ихъ разбѣгалась на слѣдующемъ же переходѣ. Мы были — нежелательные гости, и нашему уходу были рады, въ надеждѣ, что идущіе за нами большевики не тронутъ нашихъ временныхъ хозяевъ. Какъ часто потомъ были обмануты въ этомъ бѣдные кубанцы!

Кончился Ледяной походъ, во время котораго въ теченіе 2 1/2 мѣсяцевъ мы прошли свыше 1000 верстъ и выдержали до полусотни боевъ, потерявъ убитаго подъ Екатеринодаромъ Корнилова и многихъ соратниковъ. Все же вернулись на Донъ почти въ томъ же составѣ, — около 3000 человекъ. Пополненія дала намъ Кубань. Лично у меня за этотъ походъ осталось доброе воспоминаніе о моихъ соратникахъ кубанцахъ, часто молодыхъ парняхъ, въ первый разъ попавшихъ въ бой. Здоровые, молодые ребята весело, съ пѣснями, шли на смерть и упорно отбивали атаки противника.

Никогда не забуду, какъ въ бою подъ ст. Корневской, когда я, командуя бригадой, приказалъ нѣсколькимъ сотнямъ только что набранныхъ молодыхъ кубанцевъ отступить съ позиціи, которую они кое-какъ укрѣпили, — для того, чтобы не подвергать ихъ опасности атаки наступающихъ значительныхъ силъ противника и отвести ихъ въ резервъ, замѣнивъ болѣе опытными частями, — получилъ отъ нихъ просьбу — оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ "все равно, ихъ опять потомъ пошлутъ впередъ, а они утомились". Сказалась хохлацкая лѣнь. Я посмѣялся, но исполнилъ это желаніе, и молодые кубанцы доблестно отбили противника.

**

Прошелъ еще годъ. За это время не разъ Донъ, Кубань и Терекъ освобождались отъ нашествія большевиковъ. Донъ своей грудью прикрылъ своихъ братьевъ отъ кровавой волны съ сѣвера и имъ, имѣвшимъ

Штабъ-трубачи Конвойцы въ льготныхъ лагеряхъ на Кубани

только сравнительно незначительнаго внутренняго врага, легче было съ нимъ справиться. У нихъ раньше, чѣмъ на Дону, стали возможными порядокъ и мирная жизнь, въ то время, какъ на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ Дона не прекращалась упорная война. И наступило время, когда Донъ уже не въ состояніи былъ только своими силами отбивать полчища противника, и мнѣ пришлось, какъ атаману, исполняя желанія донцовъ, обратиться къ ген. Деникину съ просьбой направить кубанскіе и терскіе полки, предназначенные имъ для похода на Орель, — на помощь донцамъ. Это было исполнено. По моему приказанію, нашихъ кавказскихъ братьевъ съ почетомъ встрѣчали въ Ростовѣ и устраивали въ ближайшихъ къ Новочеркаску станицахъ.

Передвинутые затѣмъ на фронтъ кубанцы доблестно сражались съ большевиками и оказали братскую помощь Дону.

Одновременно съ боевыми дѣйствіями на фронтѣ, внутри нашихъ казачьихъ Войскъ шла огромная, упорная работа по налаживанію мирной жизни и исправленію всего, разрушеннаго революціей.

Казачьимъ областямъ пришлось временно стать независимыми государствами.

Не всегда мѣстные интересы нашихъ Войскъ сходились. Происходили иногда тренія, которыя, однако, мирно разрѣшались смѣшанными комиссіями. Я не буду касаться тѣхъ трений, какія происходили у кубанцевъ съ главнымъ командованіемъ. Они принимали иногда трагическій характеръ... Исторія раз-

судить, кто былъ правъ или виноватъ въ нихъ. Ошибки были съ обѣихъ сторонъ. Отъ всей души можно пожалѣть объ этомъ: однимъ изъ послѣдствій этихъ столкновений было то, что кубанцы, съ такой доблестью сражавшіеся подъ Царицыномъ, на сѣверѣ Дона, въ Воронежской губ., — не оказали должнаго сопротивленія врагу, когда онъ на плечахъ отступавшихъ обезсилѣвшихъ донцовъ ворвался въ ихъ родную область...

**

Потомъ Новороссійскъ, Крымъ, Перекопъ, блестящіе бои въ сѣверной Тавриі, герой Бабіевъ, кубанскій десантъ, опять Перекопъ, Ялта и Феодосія, Константинополь, Лемнось... Затѣмъ — кубанская дивизія въ Сербіи, а одиночные кубанцы и небольшія ихъ группы — по всему свѣту.

Сами кубанцы расскажутъ о томъ, что имъ пришлось пережить за эти тяжкіе годы — это дѣло ихъ историковъ. Мы же, донцы, повторяемъ, какъ и всегда, что общее горе, всѣ пережитыя страданія, общія надежды на воскресеніе нашихъ родныхъ краевъ, какъ и прежняя борьба рядомъ противъ общаго злѣйшаго врага, объединяетъ насъ и заставляетъ забывать всѣ прежнія, если какія и были когда-то, тренія между нами, — во имя братской взаимной помощи въ грядущей борьбѣ противъ большевиковъ, для восстановленія нашихъ прекрасныхъ родныхъ краевъ — въ составѣ возрожденной могучей Россіи.

А. Богаевскій

Знамя 1 Кубанскаго полка.

Кубанцы въ Великой войнѣ

(Подвигъ дивизиона 1-го Линейнаго казачьяго генерала Вельяминова полка Кубанскаго Казачьяго Войска войскового старшины Улагая у д. Н. Червище въ августѣ 1916 года).

Донское и Кубанское — два старѣйшихъ войска казачьихъ Россійской Имперіи. Одно росло подъ зліяніемъ великороссійскимъ, пополняясь изъ Москвы, Рязани, Воронежа и Твери. Обычай заимствовало отъ Руси, платье носило великорусское, блюло старую вѣру и крѣпло въ бояхъ съ турками и татарами. Другое пополнялось изъ Малороссіи, изъ польскихъ панскихъ вотчинъ, впитывало въ себя польскую культуру, говорило пѣвучимъ малороссійскимъ говоромъ и крѣпло, ожесточаясь въ бояхъ съ турками и поляками. Закалялось въ Запорожской Сѣчи съ почти монастырскимъ жизненнымъ укладомъ.

Двѣ разныхъ культуры — два разныхъ Войска: Донское и Запорожское — мать Кубанскаго.

Кавказскія войны вѣнчали ихъ бракомъ. Баклановъ и Вельяминовъ были дружками, великій князь Михаилъ Николаевичъ — посаженнымъ отцомъ. Тамъ дрались они братскимъ общимъ строемъ и несли тяжелую докучную службу “на линіи”. Тамъ, на Кавказѣ, запорожцы слились съ линейными донцами и составили Кубанское Войско. Тамъ донцы пѣли протяжно и грустно про пику.

Орловъ Кавказа внемля крику,
Донской казакъ сторожевой,
Безмольно прислонясь на пику —
Онъ думалъ о странѣ родной.

Кубанцы имъ вторили про кривую, легкую шашку, голчокъ, — владѣть которой были они такими мастерами. Арбузъ на скаку перерубали!

Стать атаману съ Михаиломъ,
Передъ войсками на врага —
На шашки удалю прибрязнемъ,
Врагамъ тутъ смерть, а намъ — ура!..

Послѣ покоренія Кавказа донцы вернулись съ Грузинской линіи на Тихій Донъ — кубанцы заселили Кубань, побережье Чернаго моря и сѣверные отроги Кавказскихъ горъ. Покумились съ мѣстными жителями татарами и черкесами, породнились съ князьями и ханами, взяли ихъ одежду и танцы, веселый и лихой ихъ боевой обычай: —

На войну, какъ на охоту,
Съ радостью поидемъ.
Мы турецкую пѣхоту —
Въ полонъ заберемъ...

Черкеска и лезгинки боевымъ куначествомъ связали ихъ съ народами Кавказа. Самъ донецъ, я, если не считать знакомства съ кавказскими казаками Собственного Его Величества Конвоя, впервые повидаль кубанцевъ въ 1903 году, когда зимою объѣхалъ ихъ приграничную “линію” по турецкому и персидскому рубежамъ. 1-й Полтавскій, 1-й Уманскій, 1-й Кавказскій полки несли тамъ пограничную службу въ Каракуртѣ, Аралыхѣ, Кагызманѣ, Игдырѣ и другихъ мѣстахъ, не на всякой картѣ указанныхъ. Помню охоту, поѣздки къ куртинскимъ князьямъ, лихихъ горскихъ коней, терпкое Кахетинское вино и стройныя пѣсни, словно по нотамъ пол-

ковыхъ “пѣвчихъ”. Но то было знакомство мимолетное, дорожное — отъ него остались одни красочныя, краткія впечатлѣнія.

Болѣе подробно узналъ я кубанцевъ, когда получилъ, уже въ разгаръ Великой войны въ командованіи 2-ю казачью Сводную дивизию...

Дивизія эта была одна изъ доблестнѣйшихъ и красивѣйшихъ конныхъ дивизій Императорской арміи. Въ ней соревновались четыре славныхъ Войска: — Донское, Кубанское, Терское и Оренбургское. Донское — въ полкахъ 16-мъ и 17-мъ генерала Бакланова — имѣло представителей низовыхъ — 16-й полкъ — и верховыхъ — 17-й полкъ — донскихъ казаковъ. Кубанское Войско имѣло въ ней 1-й Линейный генерала Вельяминова полкъ, Терское — 1-й Волгскій Е. И. В. наслѣдника цесаревича полкъ и Оренбургское — 2-ю и 3-ю оренбургскія конныя батареи.

Характеръ казаковъ отдѣльныхъ Войскъ особенно сказывался на войнѣ, гдѣ напряженнѣе нервы, душа на распашку и тайно явно.

Помню кануны большихъ боевъ, прорывовъ, сраженій, когда непрерывна канонада нѣмецкихъ орудій и близокъ часъ работы конницы. Тихъ и серьезно нахмуренъ донской бивуакъ. Великорусскій характеръ, старовѣрческій и сосредоточенный въ немъ сказывался: —

...— Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый,
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усь...

На бивуакъ Кавказской бригады — дымъ корьмысломъ. До зари не смолкаютъ трубачи. Играютъ пѣсни, поетъ зурна, бьетъ бубень — идетъ лезгинка съ хлопаньемъ въ ладоши, съ дикими гортанными вскриками, съ револьверной пальбой. Рѣютъ алые башлыки кубанцевъ, развѣваются голубые Волгцевъ. Пиръ — а не война!.. Подлинно: — “на войну, какъ на охоту — съ радостью пойдемъ!...”

Славнымъ боемъ, лихою конною атакою на венгерскую конницу 4-го августа 1914 года подъ Городкомъ начали въ Великую войну безчисленные свои подвиги кубанскіе казаки 1-го Линейнаго генерала Вельяминова полка и необычайно красивымъ и смѣлымъ подвигомъ выручки нашей пѣхоты закончили черезъ два года, въ августѣ 1916 года, у деревни Рудка Червище на рѣкѣ Стоходѣ. Послѣ было мрачное сидѣніе въ окопахъ, революціи и... конецъ...

Подвигъ Линейцевъ въ бою у Рудка Червище по самой своей обстановкѣ необычаенъ. Конныя части пошли впереди пѣхоты черезъ болотистую рѣку, на крутой обрывистый берегъ, на проволоку окоповъ германской пѣхоты!

Въ августѣ 1916 года наша пѣхота 3-й арміи ген. Леша получила заданіе: — пробить германскую сильно укрѣпленную позицію на рѣкѣ Стоходѣ и овладѣть лѣвымъ берегомъ для устройства плацдарма, имѣя въ виду дальнѣйшее наступленіе поздною осенью и весною 1917-го года.

На участкѣ противъ сел. Тобола и дер. Рудка Червище наступала бригада пѣхотной дивизіи (если память мнѣ не измѣняетъ — 25-ой). Здѣсь раньше держалъ сторожевое охраненіе 1-й Линейный казачій генерала Вельяминова полкъ Кубанскаго казачьяго Войска и здѣсь же конно - саперной командой 2-й казачей сводной дивизіи подъ начальствомъ есаула 1-го Волгскаго полка Терскаго казачьяго Войска Зимина, наводились, взамѣнъ пожженныхъ, новые мосты.

Пѣхота, съ разсвѣтомъ начавшая наступленіе, къ полудню подошла къ рѣкѣ и здѣсь залегла. Передъ нею, какъ только вышла она изъ ольховыхъ и осиновыхъ лѣсовъ, открылась мѣстность, поросшая густымъ камышемъ и вся насквозь прострѣливаемая артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. За камышами сквозила рѣка, текущая многими рукавами, темная, невѣ-

домая, казалось: — глубокая, топкая и неодолимая. За рѣкою черно - песчаная, отвѣсныя осыпи вражескаго берега и на нихъ кружевной узоръ проволоки и колебѣвъ и невидимые окопы потревоженныхъ горманцевъ. Вошедшія въ камыши цѣпи смѣшались. Управление было потеряно. Солдаты не видѣли своихъ офицеровъ, офицеры видѣли лишь единичныхъ стрѣлковъ. Тщетны были свистки и крики “впередъ... впередъ!...” Изъ камыша вылѣзали единичные смѣльчаки и гибли, такъ какъ въ топкомъ, болотистомъ грунтѣ нельзя было окопаться. Пѣхотная атака захлестнулась. Артиллерія безсила была ей помочь, и дѣло становилось, что называется: — дрянъ. Единственное средство было — встать и, не останавливаясь — перебрести болотистые рукава, — однако, болѣе версты! — и окопаться на нѣмецкомъ берегу. Начальникъ пѣхотной дивизіи генералъ лейтенантъ В. послѣ полудня вызвалъ меня къ себѣ на наблюдательный пунктъ, на вышку у лѣской прогалины, верстахъ въ двухъ отъ рѣки. Върѣнная мнѣ дивизія переходила въ его подчиненіе.

— Легче въ знойный день по сыпучему песку везти телѣгу, груженую камнями, — сказалъ онъ мнѣ, — чѣмъ двигать впередъ залегшія пѣхотныя цѣпи, потерявшія сердце.

Шель третій годъ войны. Части состояли почти сплошь изъ запасныхъ. Старыхъ офицеровъ и унтеръ офицеровъ было мало.

— Наши; — продолжалъ генералъ В. — бояться идти въ рѣку. Увлеките ихъ своими людьми. Покажите имъ, что рѣка проходима въ бродѣ.

Переговоривъ по телефону съ командиромъ 1-го Линейнаго полка, я вызвалъ къ себѣ войскового старшину Улагая, занимавшаго заставами этотъ участокъ рѣки и приказалъ ему изготвить для боя его 2-й дивизионъ 1-го Линейнаго полка и коннопулеметную команду.

И было между мною и доблестнѣйшимъ войсковымъ старшиною Улагаемъ рѣшено, что Линейцы пойдутъ въ конномъ строю, пошелонно, широко разомкнувшись, имѣя пулеметы на вьюкахъ, что такъ они пройдутъ лѣсъ и камыши, на коняхъ перейдутъ всѣ рукава рѣки и, прижавшись къ неприятельскому берегу и старой дамбѣ мостовъ, въ мертвомъ, необстрѣливаемомъ пространствѣ спѣшатся и ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ съ близкой дистанціи погасятъ на участкѣ противъ сел. Тобола огонь германской пѣхоты и дадутъ возможность нашей рѣхотѣ перейти рѣку.

Предпріятіе безумное, — но во вкусѣ войскового старшины Улагая. Чѣмъ рискованнѣе было дѣло — тѣмъ интереснѣе и увлекательнѣе было для него.

Прошло болѣе часа. Войсковою старшина Улагая давно ухалъ отдавать распоряженія своимъ сотнямъ. Стоялъ жаркій августовскій день. Высокая, некошенная трава широкой лѣсной прогалины не шевелилась и тонкій ароматъ травныхъ сѣмянъ шелъ отъ нея. Жужжали кругомъ пчелы, толклись комарики и трепетали по ту сторону прогалины осины рѣдкаго лѣса. И на мгновение стало тихо, какъ бываетъ тихо въ бою, послѣ полудня, когда захлестнется атака и наступитъ роковая, недоумѣнная минута: — или впередъ, или назадъ... Рѣдко постукивали надъ рѣкою выстрѣлы.

Вдругъ громомъ небеснымъ прокатился залпъ германскихъ батарей. Противъ насъ, на одной высотѣ съ нами стаями бѣлыхъ дымокъ повисли надъ лѣсомъ разрывы шрапнелей. Секунда перерыва и новые залпы, и новыя стайки шрапнельныхъ разрывовъ, точно барашки на небѣ.

Изъ лѣса мягкою, плавною неслышною рысью выходили Линейцы. Гнѣдые кони упруго шли по травѣ. Черныя папахи съ алыми тумачами, сѣрыя черкески, и за плечами чуть колыхали, развѣваясь концами красныя башлыки. Первымъ выхалъ на гнѣдомъ конѣ командиръ 4-й сотни подьесаулъ Тутовъ и съ нимъ хорунжій

Венеровскій, за 4-й сотней, ведя пятую, шель подъесаулъ Пахомовъ и хорунжій Посоховъ, и за ними, пересѣкая зеленое поле на статномъ свѣтло-сѣромъ кра-савицѣ конѣ командиръ шестой сотни подъесаулъ Лисе-вицкій и съ нимъ лихой партизанъ - развѣдчикъ сот-никъ Непокупной. Войсковой старшина Улагай велъ сот-ни. За 4-й сотней шли пулеметные вьюки хорунжаго Малахина.

Удивительной, рѣдкой по красотѣ батальной кар-тиной запечатлѣлись въ моей памяти эти широко разомк-нутыя шеренги сотенъ, проходящихъ подъ грохотъ шрапнельныхъ разрывовъ широкую зеленую поляну на фонѣ ольховаго и осиноваго лѣса. Никто, нигдѣ не раз-равнялся, никто не сбился съ интервала, не потерялъ направленія. Ни одна не заскакала лошадь. Молча, су-рово - нарядно, обвѣянные духомъ побѣды, прошли Линейцы, какъ красивое видѣніе войны, и скрылись въ лѣсу. Ихъ движенія не было больше видно. Оно отмѣ-чалось только дымками шрапнелей... И прошло пять, де-сять напряженныхъ минутъ ожиданія.

Вдругъ бѣшено затрещали ружья и пулеметы вдоль берега. Германская пѣхота обрушилась на Линейцевъ, вышедшихъ изъ лѣса и проходившихъ открыто черезъ камыши.

Первою на вражескій берегъ выскочила 4-ая сот-ня. Во время переправы ни одна лошадь, ни одинъ ка-закъ не были убиты. Точно околдованы были нѣмцы видомъ этой безумной храброй атаки. Но, какъ только казаки попали на чистое, на берегъ съ почти отвѣсными краями, на прямой выстрѣлъ стали поражать Линейцевъ германцы. Впереди — круча и на ней проволока въ де-вять рядовъ кольевъ, влѣво крутая дамба моста. Ко-мандиръ 4-й сотни подъесаулъ Тутовъ только успѣлъ указать казакамъ на дамбу, какъ и упалъ, тяжело ра-ненный. Среди казаковъ произошло мгновенное, пагуб-ное замѣшательство. Часть, увлекаемая доблестнымъ хорунжимъ Венеровскимъ, поскакала къ дамбѣ; за ней увязались пулеметы хорунжаго Малахина. Часть заме-талась вдоль берега. Стали надать убитые и раненыя люди и лошади. Въ эту сумятицу вскочила 5-я сотня. Ея командиръ подъесаулъ Пахомовъ тутъ же упалъ, убитый пулеметнымъ огнемъ. Сотня, оставшаяся на мо-лодого хорунжаго Посохова, смѣшалась. Но въ это мгно-веніе затрещали винтовочные выстрѣлы за дамбой, за-строчили кровавую строчку линейскіе пулеметы. Встав-шіе, было, въ ростъ, германцы спрятали свои круглыя каски и фельдъ-грау мундировъ. Ихъ огонь на время

стихъ. Сотни оправились и съ налета перемахнули дам-бу, укрываясь за ней отъ огня. Тамъ шло проворное спѣшваніе. Порядокъ возстановился. Частый огоньъ сталъ крыть наискось по нѣмецкимъ окопамъ — и толь-ко оправились нѣмцы — вотъ она — валомъ повалила наша пѣхота! Бригада генерала В. густыми цѣпями, ув-леченная казаками, вылѣзала на берегъ. Затрещалъ, за-скворчалъ, какъ масло на сковородѣ пачечный пѣхотный огонь. Развернули свою музыку пулеметы. Нѣмцы ста-ли очищать передовые окопы. Наша пѣхота начала за-крѣпляться на завоеванномъ берегу.

Опасная переправа совершилась.

“Небываемое” стало совершившимся.

Тѣмъ временемъ подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ конные саперы есаула Зимина заканчивали мостъ. Особенно старались Линейцы. Знали: — понадо-бится ихъ мостъ вынести раненыхъ и убитыхъ. И, ког-да наступила августовская темная ночь, по наскоро на-стланымъ доскамъ понесли Линейцы своего любимаго командира сотни, раненаго въ голову подъесаула Туто-ва хорунжаго, убитыхъ и раненыхъ казаковъ Никого не оставили казаки въ болотахъ Стохода, всѣхъ выне-сли — таковъ старый казачій кавказскій завѣтъ, тако-вы традиции отъ предковъ казаковъ Днѣпра и Дона.

Не такъ велики были потери, какъ, казалось, долж-ны были быть. Одинъ офицеръ былъ убитъ и два ранено, около 40 казаковъ выбыло изъ строя, 12 лошадей бы-ло убито и очень много было ранено.

Дивилась пѣхота на кубанскую доблесть!

Дивизионъ войскового старшины Улагая вписалъ послѣднюю страницу въ толстую книгу славы и подви-говъ 1-го Линейнаго генерала Вельяминова полка, въ Великую войну совершенныхъ. На первой страницѣ этой книги подвигъ есаула Тихоцкаго подъ Городкомъ 4-го августа 1914 года, на послѣдней этотъ Червищенскій налетъ дивизиона войскового старшины Улагая... Даль-ше небытіе — до новыхъ подвиговъ гражданской вой-ны.

Торжественно и печально хоронили кубанцы сво-ихъ убитыхъ въ селеніи Грива.

А потомъ, какъ требуется по кавказскимъ дѣдов-скимъ адатамъ, какъ поется въ застольной кавказской пѣснѣ: — Линейцы

...Стремилась къ схваткамъ новымъ,

Не ожидая череды...

Хвала же павшимъ, а здоровымъ

Алла верды!.. Алла верды!..

П. Красновъ

Группа г.г. офицеровъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сер-біи въ 1921 г.

КУНАКИ

Въ сентябрѣ 1829 г. за Кубанью было неспокойно... Темиргоевскій князь Джембулатъ Айтековъ со своими наѣздниками готовилъ набѣгъ на казачьи станицы. Этотъ черкесскій князь пользовался широкой извѣстностью въ горахъ и среди казаковъ, какъ смѣлый и искусный предводитель. Его набѣги были жестоки...

На поиски непріятели отъ Кавказскаго полка былъ высланъ сотникъ Гречишкинъ. Кавказскій полкъ въ это время находился внѣ своихъ станицъ, почему Гречишкину едва удалось собрать отрядъ въ 50 казаковъ — 30 отъ станицы Казанской и 20 — отъ Тифлисской. Съ этими силами онъ переправился черезъ Кубань и двинулся къ р. Зеленчуку.

Казаки шли на рысяхъ. Вдругъ, въ одномъ изъ овраговъ ихъ окружила партія горцевъ человекъ въ 500. Казаки попали въ ловушку. Черкесы, однако, не бросились сразу на нихъ. Дѣло въ томъ, что Джембулатъ Айтековъ былъ кунакомъ (пріятеlemъ) сотника Гречишкина. Послѣдній славился межъ казаками и черкесами выдающейся храбростью. Это былъ великанъ - казакъ, отличавшійся необычайной физической силой. Отважный и храбрый Джембулатъ и не могъ имѣть иного кунака.

— Такъ, вотъ, гдѣ, Андрей намъ съ тобою пришлось встрѣтиться — крикнулъ Джембулатъ Гречишкину.

Обычай куначества свято соблюдался черкесами. Взять кунака изъ сакли черкеса можно было, лишь перешагнувъ черезъ трупъ хозяина сакли. Нанести оскорбленіе кунаку, посягнуть на его жизнь и имущество, въ предѣлахъ владѣній его пріятели, значило то же, что сдѣлать это самому пріятелю. Кунакъ при этихъ условіяхъ былъ равнымъ членомъ семьи. Но — разъ кунакъ переступалъ порогъ сакли или границу владѣній пріятели — обычай снималъ съ послѣдняго обязательства охраны. Кунакъ не былъ тогда уже гостемъ. Но, само собой разумѣется, естественное чувство дружбы тѣсно связывало кунаковъ и внѣ ихъ жилищъ. Кунаки всюду поддерживали другъ друга.

Это чувство заставило Джембулата приказать горцамъ не трогать казаковъ сотника Гречишкина.

Джембулатъ рассчитывалъ переговорами сохранить жизнь своего кунака.

Но... напрасно онъ уговаривалъ Гречишкина сдать ему, въ виду малочисленности его отряда... Напрасно онъ доказывалъ другу, что въ этой сдачѣ лично для Гречишкина нѣтъ ничего постыднаго и что самъ онъ, Джембулатъ, и его наѣздники прекрасно знаютъ дѣйствительную цѣну Гречишкину, какъ храброму и отважному воину...

Напрасно убѣждалъ онъ кунака, что иного исхода нѣтъ, такъ какъ оба они предводительствуютъ двумя враждебными военными отрядами...

Гречишкинъ, отлично говорившій по черкески, рѣ-

шительно заявилъ кунаку, что ни самъ онъ, ни его казаки ни за что не сдадутся въ плѣнъ живыми.

Слѣшившись “для обороны въ кругу” и положивъ лошадей, казаки приготовились къ защитѣ.

Черкесы прекрасно понимали чувство своего джигита - вождя и, въ то же время, негодовали на медлительность, столь несвойственную ему. Самъ Джембулатъ находился въ ужасномъ душевномъ состояніи: онъ не могъ спасти кунака и быть одновременно предводителемъ преданныхъ ему горцевъ. Между тѣмъ, ропотъ среди черкесовъ росъ и усиливался. Долго не получая приказанія — черкесы вдругъ съ гикомъ бросились на казаковъ... Но... Джембулатъ остался на мѣстѣ..

Казаки залпами отразили натискъ. Черкесы остановились и открыли огонь. Кто-то изъ черкесовъ упрекнулъ Джембулата въ нерѣшительности. Этого было достаточно. Выхвативъ шашку, онъ бросился впередъ. Черкесы ринулись за нимъ... На своемъ чудномъ скакунѣ онъ первымъ ворвался въ казачьи ряды, но тутъ же, подстрѣленный, — уронилъ свою шашку къ ногамъ Гречишкина. Нѣсколько черкесовъ подхватили Джембулата и укрыли въ безопасное мѣсто. Но бросокъ вождя сдѣлалъ свое дѣло: массовый напоръ черкесовъ заставилъ храбрецовъ...

Отбиваясь въ рукопашную и изнемогая, “казаки пали всѣ до одного...”

Такъ было сказано объ этомъ въ военной реляціи

И, когда ушли черкесы въ свои аулы съ 84 убитыми наѣздниками и 32 ранеными, съ раненымъ Джембулатомъ, на мѣстѣ побоища прибывшее подкрѣпленіе нашло одни трупы.

Въ знакъ рыцарскаго поведенія кунака сотника Гречишкина — Джембулатъ не позволилъ своимъ наѣздникамъ снять съ убитыхъ оружіе.

(Изъ “Исторіи Кубанскаго Казачьяго Войска” проф. Ф. А. Щербины).

**
*

Десятки разъ, насколько помню свои дѣтскіе годы, мы, цѣлымъ семействомъ, большою “мажарою” ѣздили въ гости въ станицу Казанскую, гдѣ родилась моя мать.

И всегда по главному шляху мы проѣзжали мимо стариннаго станичнаго кладбища. На немъ уже никого тогда не хоронили. Въ углу, подъ сѣнью густыхъ акацій, стояла старая, старая мрачная кирпичная “капличка” съ поржавѣлой и пошатнувшейся надписью на двухъ высокихъ столбахъ, обращенной къ старому шляху.

За давностью, надпись разобрать было нельзя.

Но каждый разъ матушка наша поясняла намъ, что здѣсь “закопаны казаки, порубанные черкесами за Кубанью”.

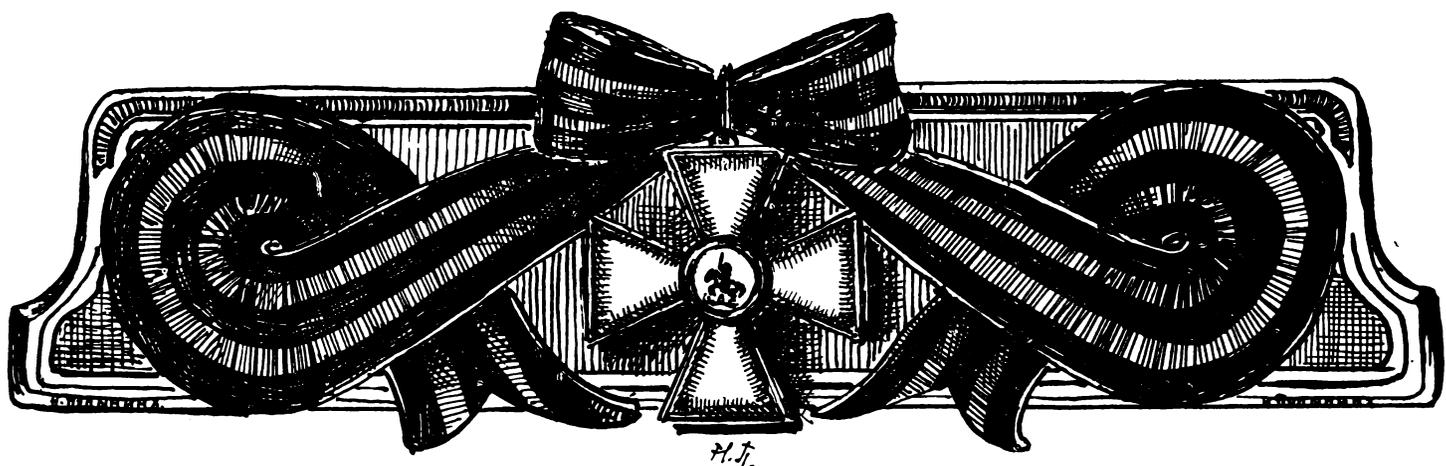
И каждый разъ намъ, дѣтямъ, было жутко слышать эту вѣсть.

Передъ войною, станица построила на кладбищѣ дивный кирпичный храмъ. “Капличка” осталась нетронутой въ томъ же углу и съ тѣми же акаціями. Она — живой памятникъ настоящимъ казакамъ...

Сотникъ же Гречишкинъ, со своими двадцатью станичниками, похороненъ вблизи своей Тифлисской станицы.

Таковы были картины казачьей борьбы съ гордыми и воинственными горцами на протяженіи семидесяти лѣтъ...

Ф. Е.

Взаимная выручка

(“Самъ погибай, а товарища выручай”)

Весной 1916 года Кавказской кавалерийской отдельный корпус ген. Баратова, очистив Персию от турецких отрядов, руководимых офицерами немецкого генерального штаба, выходил, дорогою Александра Македонского, через Хамадань и Керманшахъ въ Месопотамію на соединеніе съ англичанами, занимавшими Багдадъ.

Спустившись съ Иранскаго плоскогорія и перейдя турецкую границу, Кавказской кавалерийской корпусъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны турецкаго корпуса, сосредоточеннаго въ районѣ г. Ханькина и получившаго свѣжія подкрѣпленія, освободившіяся послѣ побѣды турокъ надъ англичанами подъ Кутъ-Эль-Амаромъ.

Передъ корпусомъ разстилалась безжизненная пустыня. Знойный вѣтеръ въ началѣ мая уже выжегъ траву. Люди питались сухарями, растягивая трехдневный запасъ на недѣлю и дольше, а лошади наполняли желудки осокой и камышемъ, росшимъ въ ущельяхъ притоковъ р. Діалы. Глубокое, трудно проходимое, русло р. Діалы, притока могучаго древне - историческаго Ефрата, являясь сильной преградой, способствовало упорной оборонѣ Ханькинскаго стратегическаго пункта. Жара доходила до 60 градусовъ, отъ чего корпусъ началъ нести большія потери. Всѣмъ становилось ясно, что на мѣстѣ оставаться въ такомъ положеніи нельзя.

Подтянувъ части своего корпуса и изготовавшихся для похода въ глубь Месопотаміи, командиръ корпуса рѣшилъ разбить противника, занимавшаго Ханькинъ, и очистить дорогу корпусу на Багдадъ.

Съ этой цѣлью, въ ночь на 21 мая 1916 года, въ тылъ противника былъ брошенъ отрядъ генерала Исарлова, въ составѣ 2-й бригады Кавказской кавалерийской дивизіи (18 драгунской Сѣверской и 1-й Хоперской казачій полки) съ конно-горной батареей и баталіономъ 4 пограничнаго пѣхотнаго полка.

На разсвѣтѣ 21 мая названный отрядъ, имѣя колонновожатымъ командира 5-й сотни 1 Хоперскаго полка сотника Соломахина, обойдя темной ночью Ханькинъ съ юга и пройдя около 35 верстъ по пересѣченному бездорожному пути, только одному колонновожатому извѣстному, появился въ тылу турокъ и пересѣкъ Багдадское шоссе.

Сбивъ, совмѣстно съ Сѣверскимъ дивизиономъ, сторожевое охраненіе, наблюдавшее за тыломъ и охранявшее мостъ черезъ р. Діалу на западной окраинѣ г. Ханькина, 5 сотня съ налета лихой атакіи заняла такти-

ческой ключъ турецкой позиціи, взявъ 45 человекъ плѣнными, бывшими въ передовыхъ заставахъ, и тѣмъ дала возможность всему отряду сосредоточиться за холмомъ въ непосредственной близости къ Ханькинскимъ садамъ.

Эта атака послужила сигналомъ къ общему наступленію всего корпуса на всея фронтѣ. Забухали орудія на главномъ фронтѣ атаки, зарокотали пулеметы сѣвернѣ Ханькина, гдѣ переправлялась черезъ р. Діалу 1 бригада Кавказской кавалерийской дивизіи — 16 Тверской и 17 Нижегородской драгунской полки, — въ обходъ праваго фланга противника, и затрещали винтовки въ глубокомъ тылу на Багдадскомъ шоссе, гдѣ 1 сотня 1 Хоперскаго полка атаквала верблюжій транспортъ въ 30 вьюковъ, шедшій изъ Багдада въ Ханькинъ съ продовольствіемъ и снарядами. Сопровождавшая караванъ сотня бедуинъ была обращена въ бѣгство, а рота прикрытія цѣликомъ взята въ плѣнъ.

Выкатившееся изъ-за Иранскаго плоскогорія солнце застало бой въ полномъ разгарѣ. Наши, всю ночь не спавшіе и продѣлавшіе 35-верстный переходъ, доблестные пограничники, несмотря на усталость, перешли рѣшительно въ атаку на тыловой мостъ, съ цѣлью ворваться съ тыла въ г. Ханькинъ. Но, къ великому сожалѣнію, конно-горная батарея, занявъ прекрасныя фланговыя позиціи, отказала въ поддержкѣ атаки, должествующей рѣшить судьбу окруженнаго турецкаго отряда. То ли вышель воздухъ или испарилось масло изъ компрессоровъ отъ Месопотамской жары, то ли дѣйствительно расшатались части орудій отъ ночного перехода по тропинкамъ, гдѣ нѣкоторыя орудія вмѣстѣ съ лошадьми скатывались въ провалины, но только послѣ пары выстрѣловъ батарея умолкла совершенно. Атака на мостъ захлебнулась... Турки дали сюда подкрѣпленіе... И обходной отрядъ вынужденъ былъ повести выжидательный бой.

Наши пограничники, понесшіе чувствительныя потери при пѣрвой атакѣ, залегли и окопались. Подкрѣпленій взять было не откуда. На главномъ фронтѣ атака наша тоже была отбита. Къ полудню переломъ боя, видимо, склонился не въ нашу пользу, такъ какъ турки, пользуясь превосходствомъ силъ, довольно смѣло производили перегруппировку таковыхъ, готовясь для контръ-удара.

Въ силу обнаруженнаго стремленія турокъ отрѣзать путь отступленія обходному отряду, генералъ Исарловъ перевелъ бригаду за свой правый флангъ, оставивъ въ прикрытіе пѣхоты лѣваго фланга дивизионъ хоперцевъ подъ командой в. ст. Ларісова. И толь-

ко что отошла бригада, какъ турки перешли въ рѣшительное наступленіе противъ обходнаго отряда. Вновь усилился артиллерійскій и ружейный огонь.

**

Пѣхота съ холма передаетъ, что турки идутъ на нихъ въ атаку, что пулеметы отказали въ стрѣльбѣ, нѣтъ воды, и патроны на исходѣ. Командиръ дивизиона приказываетъ приготовиться къ контръ-атакѣ въ конномъ строю. Подтянуты подпруги, осмотрѣны шашки.

— Дивизионъ, садись!

Снаряды и пули даютъ перелетъ, ибо дивизионъ въ мертвомъ пространствѣ.

Выравнились.

Въ этотъ моментъ наша пѣхота снимается съ позиціи и въ безпорядкѣ поспѣшно катится съ холма. Подбѣжавшій фельдфебель роты кричитъ:

— Кавалерія, выручай! Мы потеряли всѣхъ офицеровъ. Пулеметы остались на позиціи, а турки подходятъ къ нашей позиціи сплошной колонной. Черезъ минуту всѣхъ насъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ. Всѣ пропадемъ...

По командѣ: — Эшелонами по полусотенно, разомкнуто, рысью, марш!..." отъ 3-й и 5-й сотенъ выдвинулось по полусотнѣ, на ходу размыкаясь отъ середины. За ними шагомъ двинулись остальные.

Вдругъ правофланговая полусотня 3-й сотни, уже выдвинувшаяся на правый откосъ холма и потому ранѣе обнаруженная, встрѣченная ураганнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, стремительно покатила назадъ... Въ это же время падаютъ оба офицера 1-й полусотни 5-й сотни сотникъ А. Косовъ и хор. Шведовъ, вышедшіе уже почти на самый гребень холма. Казаки головного эшелона остановились и всѣ повернули головы назадъ. Но въ этотъ, самый критическій, моментъ командиръ 5 сотни на призовомъ кровномъ скакунѣ уже вынесся передъ головной эшелонъ своей сотни.

Ободренные казаки слышатъ зычную команду:

— Сотня, шашки къ бою!

На солнцѣ сверкнула и звякнула сталь.

— Съ мѣста, въ атаку. Маршъ-маршъ!

И вся сотня, какъ одинъ, равняясь по шеренгамъ, компактной массой ринулась за своимъ испытаннымъ командиромъ на гребень холма...

Происшедшая потомъ жертвенно-отважная, лихая атака казачьей сотни въ 87 шашекъ на 2 роты 5 гвардейскаго Константинопольскаго пѣхотнаго полка трудно поддается описанію.

Она съ фланга наблюдалась съ начала и до конца начальствующими лицами съ артиллерійской позиціи.

Видѣли всѣ, что рота съ пулеметами въ цѣпи подготавливаетъ атаку своимъ ударнымъ частямъ, что 2 роты, въ сомкнутомъ строю, какъ на парадѣ, двинулись съ ружьями на перевѣсъ на нашу позицію и что въ лобъ имъ изъ-за холма полнымъ ходомъ вынеслась наша сотня.

Казалось, что одинъ-другой залпъ и отъ сотни ничего не останется.

Но тутъ произошло что-то невѣроятное, одно изъ психологическихъ чудесъ современнаго боя, когда духъ побѣждаетъ матерію и технику, опрокидывая всѣ вѣроятные расчеты.

Вотъ что записано со словъ самого командира 5 сотни:

— Вылетѣвъ на вершину холма, я отъ неожиданности рванулъ своего "Магната". Онъ взвился на дыбы. Въ 120 шагахъ передо мною, съ ружьями на перевѣсъ, на насъ стройно двигались 4 шеренги въ защитной формѣ съ интерваломъ между ротами въ десять-пятнадцать шаговъ. Офицеры въ бѣлахъ кителяхъ шли

на своихъ мѣстахъ, какъ на парадѣ. Поставивъ коня и оглянувшись назадъ, я увидѣлъ всю свою сотню, наметомъ вплотную подхлотившую ко мнѣ.

Взмахнувъ шашкой въ сторону турокъ и еще разъ крикнувъ — маршъ - маршъ! ура!, — я ринулся внизъ по отлогому откосу холма на средину турецкаго баталіона. Баталіонъ остановился, какъ вкопанный, ошеломленный, видимо, нашей внезапной дерзостью. Справа въ цѣпи трещали турецкіе пулеметы. Никакихъ командъ и распоряженій со стороны начальства баталіона не подавалось...

И, быстро приближаясь къ баталіону, я успѣваю захватить инициативу: въ тридцати шагахъ, что было силы кричу по турецки:

— Силляхи тюфенкэ эре атъ! (Бросай оружіе на землю).

И, къ моему удивленію, вижу, что изъ первой шеренги винтовки летятъ на землю. Середина баталіона разступается, даетъ проходъ моему коню. Въ головѣ молніей мелькаетъ мысль: проскочу въ тылъ и, когда за мной также пробьются казаки, скоманую "налѣво кругомъ", и весь баталіонъ цѣликомъ заберемъ въ плѣнъ.

**

Но произошло нѣчто другое.

Поравнявшись съ первой шеренгой, я взмахнулъ шашкой и, рубкой налѣво, черкнулъ голову турка, продолжавшаго держать прямо передъ собой винтовку "на руку". Удобнѣе и естественнѣе было рубить направо, но правѣ прохода стоялъ турокъ безъ винтовки. Второго я ударилъ по головѣ въ первой шеренгѣ второй роты, въ то время, какъ тотъ поднималъ винтовку для защиты головы. И третьяго, наискось, по лицу, сразилъ труса, бѣжавшаго въ тылъ.

Повернувъ потомъ коня и собравшись подать приготовленную команду, я застылъ на мѣстѣ.

Ко мнѣ никто изъ казаковъ не пробился, какъ я предполагалъ. А, врѣзавшись въ гущу баталіона, казаки перемѣшались съ турками и рубили ихъ. Турки, съ какими-то криками сперва топтались на мѣстѣ, а потомъ, подгоняемые шашечными ударами, сдвинулись съ мѣста и побѣжали правѣ меня по линіи наименьшаго сопротивленія къ Ханькинскимъ садамъ. Своимъ флангамъ я кричалъ и показывалъ шашкой — загнуть еще больше фланги и замкнуть кольцо, но меня никто, конечно, не слышалъ, такъ какъ артиллерія открыла бѣглый огонь по всей этой группѣ, ибо, черезъ холмъ къ намъ вводились плѣнные и уходили казаки, лишившіеся лошадей.

На моментъ мое вниманіе привлекла небольшая группа на правомъ флангѣ: три казака окружили офицера въ бѣломъ. Онъ вертѣлся между ними, какъ волчокъ, сверкая чѣмъ-то бѣлымъ, видимо отстрѣливаясь изъ револьвера. И, когда надъ его головой скрестились шашки, передо мной шелкнулъ затворъ. Перевожу взглядъ и вижу, что въ трехъ шагахъ отъ меня коренастый смуглый турокъ цѣлитъ мнѣ въ голову, впившись въ меня глазами. Моментъ — я шашкой хлестнулъ коня. Онъ прыгаетъ съ мѣста въ полъ-оборота вправо и спасаетъ мнѣ жизнь. Раздавшійся выстрѣлъ обжигаетъ мнѣ лѣвую щеку... Я взмахиваю шашкой, наклонившись налѣво, но — шашка оказалась короткой. Дѣлаю вольтъ направо и направляюсь къ нему. Забросивъ винтовку на плечо, турокъ убѣгаетъ, дѣлая зигзаги, и зорко, черезъ плечо, слѣдитъ за моими дѣйствіями. Настигаю и заносу назадъ шашку, изготовляясь для нанесенія удара. Но онъ быстро и ловко перехватываетъ винтовку за дуло и, ставъ, какъ вкопанный, отражаетъ меня прикладомъ. Исключительно совкій конь съ намета дѣлаетъ

вновь прыжокъ вправо. Я шашкой разрѣзаю воздухъ, а онъ прикладомъ лупить мать сухую землю... Описавъ снова вольгъ, я въ третій разъ, стиснувъ отъ бѣшенства зубы, приближаюсь къ упорному пѣхотинцу, на этотъ разъ бѣгущему отъ меня подъ гору. Въ лѣвой рукѣ онъ тащитъ по землѣ винтовку, а правой быстро машетъ по воздуху, видимо, осушивъ ее при ударѣ прикладомъ о землю. Я что-то крикнулъ, кинулся конемъ прямо на него. Онъ остановился и тяжело поднялъ винтовку для удара, далеко забросивъ ее назадъ... Стенувъ коня шашкой по крупу я, не занося уже шашку для рубки, прямо отъ крупы съ прыжкомъ коня впередъ дѣлаю уколъ. Раздался нечеловѣчскій крикъ... И мнѣ пришлось лечь на крупѣ лошади, чтобы не выпустить изъ рукъ шашки, которую онъ увлекалъ за собой при паденіи...

Покончивъ съ отважнымъ пѣхотинцемъ, оглядываюсь и вижу, что, сдѣлавъ, во время поединка, нѣсколько крупныхъ вольговъ, я приблизился къ Ханькинскому саду. Тамъ, за канавой, за деревьями, стоятъ свѣжіе стрѣлки. Оттуда слышится какая-то команда. Мелькнула мысль: если бѣгущіе турки попадаютъ на землю, то конныхъ садовые стрѣлки сметутъ залпами. Полнымъ ходомъ направляюсь къ остаткамъ сотни, продолжающимъ рубить бѣгущихъ турокъ, и кричу:

— Хоперцы, за мной!

Обезумѣвшій конь прыгаетъ въ густую бѣгущую толпу и топчетъ человѣчскія тѣла. Шашка моя звенитъ при ударахъ о винтовки, ибо я, занятый мыслью вывода сотни изъ боя, уже не смотрю, куда падаютъ мои удары. Надо сказать, что въ это время среди бѣгущихъ турокъ слышатся ободряющіе голоса, внятно слышно:

— Алла, Алла!

И нѣкоторые изъ нихъ, видимо, придя въ себя, даже отстрѣливаются. Пробившись наискось черезъ бѣгущую толпу турокъ и очутившись на просторѣ, я даю коню поводъ. Вдругъ воздухъ прорѣзаетъ свистъ стального бича — залпъ изъ Ханькинскаго сада. Чувствую, что я опускаюсь въ сѣдлѣ... конь какъ бы переломился, тяжело стонетъ... Быстро бросаю лѣвое стремя... Конь, въ силу инерціи, дѣлаетъ еще два-три маха... Второй залпъ... И конь рушится на землю. Я лечу, ударяюсь о землю и нѣсколько шаговъ продолжаю скользить по сухой землѣ, на нѣсколько секундъ потерявъ сознание... Придя въ себя, вижу, что стою у головы своего коня, поддерживаемый казакомъ. Другой казакъ старается снять съ коня сѣдло. Кричу ему:

— Сорви бурку и разруби сѣдло!

Сорвавъ бурку, онъ два-три раза ударяетъ шашкой по сѣдлу. Конь мой приподнимаетъ голову, вытягиваетъ и ставитъ переднія ноги на землю (заднія ноги были перебиты) и тянется головой, касаясь моей груди. Изъ умныхъ глазъ скатываются слезы и нѣмымъ преданнымъ взглядомъ онъ какъ бы говоритъ:

— Не бросай! Возьми!

Я обнимаю его голову; на меня брызжетъ фонтаномъ кровь.

Магнатъ тяжело застоналъ и рванулся всѣмъ тѣломъ въ послѣднихъ судорогахъ.

Отъ толчка въ грудь я падаю навзничъ и вновь теряю сознание. Узнаю потомъ, что казаки положили меня поперекъ сѣдла на подведенную лошадь и вывезли за гребень холма, откуда была начата атака...

Открываю глаза, вижу на небѣ палящее желтое солнце... Меня поддерживаютъ подъ руки сотенный вахмистръ Ф. Шевченко и какой-то казакъ. Фельдшеръ перевязываетъ разбитое при паденіи съ коня колѣно. Спрашиваю вахмистра:

— А гдѣ сотня?

— А, вотъ, на позиціи, въ цѣпи вправо и влѣво отъ насъ.

— Такъ мало?

— Отъ сотни налицо 30 человекъ, остальные сопровождають убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ.

— А наши потери?

— Семь казаковъ убито, шестнадцать ранено; въ томъ числѣ два офицера.

— А пѣхота наша? Что съ ней?

— Во время нашей атаки пѣхотинцы вернулись, забрали свои пулеметы, всѣхъ раненыхъ и подъ прикрытіемъ 3-й сотни благополучно отошли къ главнымъ силамъ отряда.

— А всѣхъ ли убитыхъ и раненыхъ забрали съ поля боя?

— Всѣхъ до одного, чѣмъ распоряжался я самъ. На полѣ осталось 12 убитыхъ лошадей, да все самыя лучшія изъ сотни. Жаль Вашего Магната.

У меня покатила слеза.

— Ваше Высокоблагородіе. Да пустите вы, наконецъ, шашку, — говоритъ мнѣ фельдшеръ.

— Возьми! Я ее не держу.

Онъ начинаетъ выкручивать изъ руки шашку.

Мнѣ больно.

Оказывается, кисть руки онѣмѣла. Фельдшеръ растираетъ руку спиртомъ и освобождаетъ шашку.

**

Черезъ часъ было получено распоряженіе присоединиться къ бригадѣ. Я вышелъ на самый гребень холма и въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на поле, почти сплошь усыянное турецкими трупами до самыхъ Ханькинскихъ садовъ. Понуро стояли три тяжело раненыхъ лошади. Внукъ знаменитаго "Гальтимора" — мой Магнатъ, вытянувшись во весь свой ростъ чернѣлъ отдѣльно...

Подѣзжаю къ бригадѣ. Навстрѣчу выходятъ вр. командующій бригадой полковникъ Гревсъ, командиръ Сѣверскаго драгунскаго полка и командиръ 1 Хоперскаго полка полковникъ Николай Митрофановичъ Успенскій, умершій въ 1919 г. на посту Кубанскаго Войскового Атамана.

— Вотъ, это настоящій боевой видъ. Посмотрите на героя сегодняшняго дня, онъ весь въ турецкой крови — говоритъ первый.

— Это не турецкая кровь: моего боевого друга, Магната, не разъ спасавшаго мнѣ жизнь и на Германскомъ фронтѣ, и здѣсь въ проклятой Мессопотаміи, — отвѣчаю я.

Цѣлуютъ и поздравляютъ съ несомнѣннымъ награжденіемъ высшимъ офицерскимъ орденомъ.

— Дайте глотокъ воды; вотъ, что мнѣ будетъ сейчасъ высшей наградой!

Оказывается, нѣтъ ни у кого ни капли. Меня подводятъ къ бѣгущему роднику: тамъ только влажный песокъ. Я припалъ къ нему пересохшими губами и сосалъ съ жадностью до тѣхъ поръ, пока не утолил слегка жгучую жажду.

Черезъ нѣсколько дней приказомъ по Экспедиціонному корпусу 5 сотня 1 Хоперскаго полка была награждена 50 Георгіевскими крестами разныхъ степеней, а въ "Русскомъ Инвалидѣ" былъ помещенъ приказъ, которымъ подѣсаулъ Михаилъ Соломахинъ награжденъ орденомъ святого Георгія 4 степени.

Хоперець.

**Начальник походаго штаба Кубанскаго Войскового Атамана
Причисленный къ Генеральному Штабу
Полковник Соламахинъ Михаилъ Карповичъ.**

Казакъ ст. Некрасовской Майкопскаго отдѣла К. К. В.
Родился 8 іюля 1888 г. Окончилъ Майкопское техничское, Майкопское реальное и Елисаветградское кавалерійское училище въ 1911 г., и во время Великой войны — Военные курсы 1-й и 2-й очереди Николаевской Военной Академіи Генеральнаго Штаба.

Въ гражданскую войну состоялъ командиромъ 2-го Кубанскаго конно-партизанскаго полка 1-й Кавказской казачьей дивизіи и въ Крыму командиромъ бригады Кубанской казачьей дивизіи.

Начальникомъ Походаго Штаба съ 1921 года.

П Л А С Т У Н Ы

Вѣроятно не многіе знаютъ, что въ составѣ нашей арміи въ до-военное время находилась, помимо Кубанской конницы и артиллеріи еще и пѣхота, — Кубанская Пластунская бригада.

Нѣкоторые кубанскіе пластунскіе баталіоны принимали участіе еще въ оборонѣ Севастополя и 2-й изъ нихъ былъ награжденъ Георгіевскимъ знаменемъ именно за оборону.

Кубанскіе пластуны обыкновенно формировались изъ малосостоятельныхъ казаковъ. Отправить старикъ-казакъ человѣкъ пять сыновей, приходитъ очередь шестому и старику для облегченія его расходовъ, дается эта льгота. Всѣмъ извѣстно, что казаки всѣхъ войскъ и родовъ оружія справлялись на службу на свой счетъ, и Россійской казнѣ не приходилось ни одного рубля тратить на казачье вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и коня.

Въ составѣ отдѣльной Кубанской пластунской бригады входило 6 баталіоновъ казаковъ. Командиръ баталіона пользовался правами начальника отдѣльной части. Въ до-военное время, Кубанская пластунская бригада находилась въ предѣлахъ Закавказья. Штабъ бригады — въ Тифлисъ, а баталіоны были расквартированы по небольшимъ городамъ. Начальникомъ ея былъ тогда генераль-маіоръ Пржевальскій.

Въ 1912 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я прибылъ добровольцемъ на службу въ Кубанскій пластунскій баталіонъ.

Мы основательно проходили пѣхотное ученіе и стрѣльбу. Суровая, но справедливая дисциплина дѣлала изъ пластуновъ закаленныхъ воиновъ.

Когда грянула Великая война и началась мобилизація, въ трехдневный срокъ намъ нужно было быть готовыми. Все вооруженіе, снаряженіе, продовольствіе и личное имущество пластуновъ было приведено за эти три дня въ порядокъ и на четвертый пластунскіе баталіоны выступили изъ своихъ штабъ-квартиръ по направленію къ границѣ Турціи.

Однако, пластунамъ не суждено было сразу же ввязаться въ бой съ противникомъ. Они стояли въ пограничныхъ съ Турціей русскихъ городахъ. Офицеры и казаки томились этимъ сидѣніемъ. Имъ хотѣлось, по возможности скорѣе, столкнуться съ противникомъ. Нѣкоторые офицеры ходатайствовали о переводѣ ихъ въ часть, уже дѣйствующую на фронтѣ, боясь, что война можетъ скоро окончиться и имъ не придется въ ней принять участія.

Но событія не заставили долго ждать и Пластунской бригадѣ было приказано идти на фронтъ. Съ полной боевой укладкой пѣхотинца, по тропинкамъ высо-

кихъ Кавказскихъ горъ, пластуны шли гуськомъ къ турецкой границѣ.

Нужно ли здѣсь писать о всѣхъ подробностяхъ ихъ дѣйствій противъ турокъ? О, нѣтъ! Какъ рядовой участникъ многихъ сраженій, скажу одно: пластуны на Кавказскомъ фронтѣ никогда не отступали. Никогда... Шли впередъ, не думая о томъ, — удобна ли позиція. Это были, въ полномъ смыслѣ слова — Суворовскіе чудо - богатыри.

Офицеры едва сдерживали порывъ казаковъ, стараясь вести ихъ по возможности рѣже и приказывая укрываться за холмами, такъ какъ шли они, какъ на парадъ, во весь ростъ. Безостановочное продвиженіе пластунской бригады совместно съ другими частями Кавказской арміи вглубь Турціи продолжалось.

Неожиданно получаемъ распоряженіе: пластунамъ вернуться обратно на Саракамышъ.

Въ чемъ дѣло?

Оказывается, армія Энверъ-Паши прорвала фронтъ армянскихъ добровольцевъ и безпрепятственно движется на Саракамышъ и дальше, съ цѣлью занять Карсъ и угрожая, такимъ образомъ, всей нашей Кавказской арміи съ тыла. Новость не изъ пріятныхъ. Остается спѣшить и спѣшить на выручку малочисленнаго гарнизона гор. Саракамыша и тѣхъ немногочисленныхъ частей, которыя случайно тамъ еще задержались. Начинается походъ казаковъ - пластуновъ черезъ горы, долины и рѣки. Уставшіе, неспавшіе цѣлыми сутками, голодные, холодные, пластуны, наконецъ, добираются до Саракамыша и сразу же вступаютъ въ бой съ войсками Энверъ-Паши. Бой неравный. Но что могло сломить русскую силу да еще на родной землѣ?!

Бой длился нѣсколько дней. Въ результатѣ: армія Энверъ-Паши разбита на-голову: одинъ корпусъ взятъ въ плѣнъ, нѣсколько десятковъ тысячъ убито и ранено, и лишь съ немногими уцѣлѣвшими частями Энверъ-Паши пришлось ретироваться во-свои. Такъ Кубанскіе пластуны покрыли себя новымъ ореоломъ славы. Послѣ этихъ боевъ сразу же запестрѣли скромные Георгіевскіе кресты и медали на грудяхъ доблестныхъ пластуновъ.

По полученіи этихъ извѣстій съ фронта, Кубань немедленно посылаетъ своихъ вѣрныхъ сыновъ пополнить ряды родной бригады. Приведя себя въ порядокъ, бригада выступаетъ на фронтъ. И снова подвиги. Теперь уже подъ начальствомъ ген. Гулыги. Ген. Пржевальскій назначенъ командиромъ корпуса.

Весною 1915 года, по распоряженію Главнаго Ко-

мандованія, пластуновъ перебрасываютъ съ Кавказскаго фронта на Австро-Германскій. Маршрутъ былъ данъ сухопутный на Севастополь. По прибытіи пластуновъ въ Севастополь имъ дается заслуженный отдыхъ; они пополняются прибывшими съ Кубани маршевыми сотнями.

На Австро-Германскомъ фронтѣ пластунамъ пришлось встрѣтиться съ противникомъ въ непривычной для нихъ обстановкѣ — на равнинѣ. Но и здѣсь они творятъ чудеса храбрости. Высшее начальство всегда даетъ имъ самые отвѣтственные участки. Пластуны и здѣсь все возлагаемая на нихъ обязанности исполняютъ блестяще. Помню, еще въ Буковинѣ генераль Келлеръ разговариваетъ съ однимъ изъ командировъ пластунскаго баталіона:

— Знаете, нѣтъ храбрѣе пластуновъ. Они дерутся, какъ львы. Я отъ нихъ въ восхищеніи. Я постараюсь не быть скупымъ на награды. Они все достойны ихъ.

Высоко цѣнилъ боевую работу пластуновъ и ген. Лечицкій. Бывшій начальникъ Кубанской области и наказный атаманъ Кубанскаго казачьяго Войска ген. Бабычъ, получая неоднократно благодарности за своихъ героевъ казаковъ отъ начальниковъ, въ распоряженіи которыхъ они дѣйствовали, въ свою очередь благодарить отцовъ и матерей казачекъ за ихъ храбрыхъ сыновъ, защищающихъ на фронтѣ отечество.

Весной 1916 года съ Австро-Германскаго фронта, пластуновъ перебрасываютъ моремъ на Кавказскій фронтъ въ турецкій городъ Ризе, уже взятый нашими войсками. Высадившись въ Ризе и поступивъ въ распоряженіе командующаго войсками черноморскаго побережья ген. Ляхова, пластуны вмѣстѣ съ другими частями Кавказской арміи ведутъ энергичное наступленіе на гор. Трапезундъ и, послѣ ряда боевъ, занимаютъ его.

За всю Великую войну пластуны пополняли свои ряды до 15 разъ. Верховное командованіе, убѣдившись воочію въ огромной пользѣ казаковъ - пластуновъ, спѣшно отдаетъ распоряженіе въ Донское и Терское казачьи войска о формированіи подобныхъ же пѣшихъ частей.

Кубанское Войско въ эту Великую войну выставило 4 очереди пластуновъ, которые составили четыре отдѣльныхъ пластунскихъ бригады, сведенныя въ 1917 году въ Отдѣльный пластунскій корпусъ.

Въ гражданскую войну Пластуны сведены были въ 3 отдѣльныя бригады и, какъ всегда, доблестно сражались бокъ о бокъ съ кубанскими конными частями, для освобожденія поруганной Родины.

Пластунъ.

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска особо отличившіеся при защитѣ Севасто-

Атака на батарею

10 августа 1914 года, 2-я казачья сводная дивизия ген. Павлова выступила из гор. Черткова по шоссе на гор. Бучачь.

1-й Линейный полк Кубанского казачьяго Войска шелъ въ головѣ главныхъ силъ. Я шелъ впереди 2-й сотни съ двумя младшими офицерами, сотником Никитинымъ и хорунжимъ Иноземцевымъ.

Около 11 часомъ дня, совершенно неожиданно для насъ, надъ полкомъ и всей колонной дивизии, стали рваться непріятельскія шрапнели.

Нашему полку генераль Павловъ приказалъ свернуть отъ дороги вправо, войти въ ложбину и тамъ спѣшиться. Остальные полки дивизии отошли влѣво отъ дороги, а взводъ Оренбургской батареи, выбравъ позицію, открылъ огонь. Вскорѣ противникъ усилилъ огонь, и развѣдкой было установлено, что по нашей дивизии стрѣляютъ двѣ батареи, — одна, стоящая отъ насъ вестахъ въ четырехъ, а другая дальше.

Опредѣливъ положеніе непріятельскихъ батарей, казачьи батареи открыли по нимъ огонь. Все поле сразу оживилось. По всѣмъ направленіямъ скакали казаки съ донесеніями и приказаніями.

Къ нашему полку отъ генерала Павлова прискакалъ его ординарецъ хорунжій Зиминъ и передалъ командиру полка приказаніе атаковать ближайшую къ намъ батарею.

Батарея стояла у сел. Джурина. Командиръ полка назначилъ для атаки мою 2-ю сотню, 4-ю сотню подъесаула Арканникова и 6-ю сотню подъесаула Конст. Ткачева.

Непріятельская батарея стояла отъ насъ укрытой. Точное мѣстоположеніе ея намъ не было извѣстно. Моя сотня была назначена направляющей. Разъяснивъ приказаніе своей сотнѣ и развернувъ взводы, я повелъ рысью. Такимъ образомъ, каждый взводъ за взводомъ шелъ въ одну линію разомкнуто.

Противникъ быстро замѣтилъ наше движеніе, и артиллерійскіе снаряды стали часто рваться надъ нашими головами. Въ то же время и огонь нашихъ батарей усилился. По направленію разрывовъ нашихъ снарядовъ я скорѣ увидѣлъ, что иду неправильно.

Измѣнивъ направленіе на наметѣ и выравнивъ сотню, я пошелъ къ цѣли крупной рысью. Впереди насъ въ ложбинѣ — засверкала какая-то водяная полоска. Скакавшіе дозоры останавливались, бросались влѣво и

вправо, и по ихъ нервнымъ движеніямъ видно было, что мы нарвались на какое-то препятствіе.

Я выскочилъ впередъ.

Четыре большихъ пруда преграждали мнѣ путь. Каждый прудъ былъ отдѣленъ отъ другого узкой гатью, -- шириной аршина въ полтора, -- а посреди каждой гати были устроены глубокіе шлюзы — соединяющіе пруды. Вправо и влѣво отъ прудовъ виднѣлись на довольно большомъ разстояніи болотистыя ложбины. Пруды, повидимому, питались водой изъ этихъ ложбинъ.

За такимъ препятствіемъ стояла укрытая непріятельская батарея.

Для меня стало ясно, что обойти пруды нельзя и что единственнымъ переходомъ на ту сторону служили только гати. Подошедшей сотнѣ я приказалъ проскакать по гатямъ на другую сторону. 6-ая сотня оторвалась отъ меня влѣво; 4-я сотня, шедшая справа, дошла до линіи прудовъ, спѣшилась и прудовъ не перешла. Атаку продолжала вести одна вторая сотня.

Обѣ непріятельскія батареи, имѣя точныя данныя о разстояніи до прудовъ, открыли при моемъ переходѣ сильный сосредоточенный артиллерійскій огонь. Шрапнели рвались въ прудахъ и выбрасывали на поверхность воды громадные столбы жидкой грязи. Вода въ прудахъ клокотала и пѣнилась, — точно гигантскія печи были расположены подъ ними. Гати стали скользкими и покрылись грязью. Сотня начала нести потери. Нѣсколько казаковъ свалились съ гатей въ пруды и барахтались тамъ, пугая переходящіе взводы. Конечно, о помощи имъ не могло быть и мысли. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ 2-я сотня все же перешла на другую сторону прудовъ и выравнила взводныя линіи.

Небольшое возвышеніе по ту сторону отдѣляло насъ отъ противника. По его выстрѣламъ чувствовалось, что мы вблизи непріятельской батареи. Оставалось около 1000 шаговъ.

Я приказалъ вынуть шашки. Казаки сняли папахи, перекрестились. Трубачъ, урядникъ Рѣдько, безъ моего приказанія, заигралъ сигналъ. Поднявъ лошадей въ наметъ и выйдя на бугорокъ, мы, наконецъ, увидѣли передъ собой стрѣляющую намъ въ лобъ батарею.

Наши батареи перенесли огонь на сел. Слободку и своимъ мѣткимъ огнемъ приостановили движеніе непріятельскихъ передковъ, стремившихся спасти свою батарею.

Кубанская Войсковая Рада.

Собранная въ 1906 г. для распредѣленія Войсковыхъ земель и разрѣшеніи вопроса и надѣленіи малоземельныхъ станицъ горнаго района изъ Войскового земельного запаса и юртовыхъ излишковъ.

Сотня шла въ полномъ порядкѣ. Влѣво, неподалеку отъ меня скакалъ хорунжій Иноземцевъ. Ясно вижу, какъ надъ нимъ разрывается шрапнель, и рѣзкимъ движеніемъ онъ наклоняется впередъ, потомъ отваливается и, окровавленный, падаетъ съ лошади.

Слѣдующій разрывъ снаряда, и его красавица - кобылица, сдѣлавшая нѣсколько прыжковъ безъ всадника, падаетъ убитой. Черезъ нѣсколько мгновеній еще снарядъ разрывается надъ третьимъ взводомъ, и мой другой офицеръ сотникъ Никитинъ, раненый въ голову и руку, падаетъ съ лошади въ густую траву. Изъ офицеровъ при сотнѣ остался одинъ я!

Чѣмъ ближе подходилъ я къ батареямъ, тѣмъ ожесточеннѣе и беспорядочнѣе противникъ велъ стрѣльбу. Чувствовалось, что онъ сильно нервничалъ, и стремясь остановить наше движеніе, посылаетъ навстрѣчу снарядъ за снарядомъ. Послѣднія очереди противникъ далъ за сорокъ-тридцать шаговъ. Еще моментъ, и мы подскакиваемъ къ пушкамъ. Казаки одни свалились съ лошадей, другіе верхомъ рубили артиллерійскую прислугу.

4 орудія и 4 зарядныхъ ящика были трофеями атаки.

Въ центрѣ Войсковой и Наказный Атаманъ, — генерал-лейтенантъ Михайловъ. Правѣе его — председатель Рады Ф. А. Щербина.

Въ “Военномъ Вѣстникѣ” генеральнаго штаба полковникъ Н. Петровскій такъ описываетъ эту атаку:

Неприятельская батарея мнѣ была хорошо видна. Окруженная пылью отъ выстрѣловъ, лихорадочно и торопливо посылала она снарядъ за снарядомъ навстрѣчу кубанцамъ. Ежесекундно впереди атакующихъ линій и надъ ними рвалась неприятельская шрапнель, и дымъ обволакивалъ сотню сѣрой пеленой. Меня охватило волненіе, и я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за атакой. Казалось, что вотъ вотъ или казаки не выдержатъ огня, или замолчитъ батарея и прислуга броситъ орудія. Но съ каждой секундой разстояніе становилось все меньше и меньше, — кубанцы быстро приближались, а огонь батареи не только не ослабѣлъ, но становился все болѣе жестокимъ. Напрягая послѣднія усилія, австрійцы огнемъ “на картечь” пытались остановить атаку... Послѣдніе выстрѣлы въ упоръ, и казаки достигли батареи. Они окружили орудія и рубили прислугу: на солнцѣ были видны взмахи шашекъ....”

Это была первая батарея 7 австрійскаго конно-артиллерійскаго дивизиона.

Полковникъ Евгений Тихоцкій

Трагедія Кубанскаго войска

Я попалъ на Кубань въ самомъ концѣ 1919 года — послѣ крушенія Восточнаго (Сибирскаго) фронта.

Къ этому времени Новочеркасскъ и Ростовъ уже были заняты большевиками. Добровольческая и Донская арміи отошли за Донъ и Манычъ. Екатеринодаръ и сѣверныя станицы Кубанскаго войска наполнялись бѣженцами и тыловыми учреждениями обѣихъ армій.

Незадолго передъ моимъ приѣздомъ въ Екатеринодаръ скончался войсковой атаманъ Кубанскаго Войска ген. Успенскій.

Первое, что бросилось въ глаза по прибытіи въ столицу Кубани: въ городѣ не было хозяина.

Поражало обиліе всякаго рода учреждений, штабовъ и разныхъ управленій, никѣмъ и ничѣмъ не объединенныхъ. Согласованности въ работѣ не чувствовалось. Совершенно особнякомъ держались иностранныя миссіи съ многочисленнымъ личнымъ составомъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія кубанской краевой Рады, избравшей войсковымъ атаманомъ Букретова, а въ началѣ января 1920 года собрался Верховный Кругъ изъ представителей Дона, Кубани и Терека.

При открытіи Рады и Верховнаго Круга я привѣтствовалъ братьевъ кубанцевъ, донцовъ и терцевъ отъ имени оренбургскихъ казаковъ.

О ходѣ борьбы на югѣ Россіи у насъ, въ Оренбургскомъ Войскѣ — да и вообще въ Сибири — знали очень немного. Регулярной связи не было; приходили время отъ времени отрывочныя свѣдѣнія.

Съ обстановкой на Дону, Кубани и Терекѣ я познакомился лишь послѣ того, какъ пробылъ нѣкоторое время въ Екатеринодарѣ, гдѣ встрѣтилъ многихъ изъ своихъ сослуживцевъ и начальниковъ по прежней службѣ, а также знакомыхъ по Петербургу.

На засѣданіяхъ Верховнаго Круга и Рады мнѣ впервые пришлось узнать во всѣхъ подробностяхъ о тѣхъ прискорбныхъ событіяхъ, какія разыгрались на Кубани въ связи съ дѣломъ Колабухова.

Какъ исторически сложилось Кубанское Войско я зналъ, но никакъ не могъ предположить, чтобы въ періодъ смертельной борьбы, передъ лицомъ страшнаго врага, среди самихъ бойцовъ не было согласія.

Расхожденія между черноморцами и линейцами особенно рѣзко обозначились — уже на моихъ глазахъ — послѣ неудачъ на фронтѣ, когда въ Радѣ стала брать верхъ черноморская партія, стоявшая въ оппозиціи къ главному командованію.

Присматриваясь къ работѣ войскового правительсва, наблюдая народныхъ избранниковъ въ Радѣ и на Верховномъ Кругѣ, бесѣдуя съ офицерами и казаками, — я постепенно приходилъ къ выводу, что на верхахъ у кубанцевъ, среди войсковой старшины, не было авторитетнаго руководителя, который объединилъ бы вокругъ себя всю Кубань.

Выборъ въ войсковые атаманы ген. Букретова — ставленника черноморцевъ и не-казака по происхожденію — нисколько не измѣнилъ безотрадной картины безвластия.

Букретовъ оказался фигурой весьма тусклой и неопредѣленной. Въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ онъ никогда не давалъ отвѣтовъ на самые простые вопросы; отдѣлывался общими фразами или загадочно молчалъ. Такой человекъ не могъ быть вождемъ.

Когда я еще ближе познакомился съ положеніемъ дѣлъ на Кубани, меня поразили такіе факты.

Кубанцы выработали краевую конституцію; организовали власть — исполнительную и законодательную — въ лицѣ войскового правительства и рады, по всѣмъ правиламъ западно - европейской парламентской прак-

тики; издали рядъ законовъ и постановленій, регулировавшихъ жизнь въ краѣ; плохо ли, хорошо ли, сговорились съ иногородними, представители которыхъ застѣдали въ Радѣ мѣстѣ съ природными казаками; мобилизовали значительныя военныя силы для борьбы на общемъ антибольшевистскомъ фронтѣ; словомъ — проявили большую творческую энергію и провели цѣлый рядъ разумныхъ мѣропріятій.

Все это надо отнести къ чести и заслугамъ Кубанскаго Войска.

Но кубанцы не сдѣлали главнаго — съ чего должны были начать — они не создали арміи своей собственной кубанской арміи, какъ это сдѣлали донцы, оренбурцы, уральцы.

Кубанскія части доблестно дрались на поляхъ Ставрополя подъ Царицыномъ, на Украинѣ, въ Донецкомъ бассейнѣ, у себя на Кубани. Но кубанской арміи, предводительствуемой своимъ казакомъ, у кубанцевъ все-таки не было.

Въ этомъ — по-моему — коренная причина всѣхъ неурядицъ и столкновеній, происходившихъ на Кубани.

По странной игрѣ случая во главѣ кубанскихъ вооруженныхъ силъ стояли талантливые военачальники и во всѣхъ отношеніяхъ достойные люди, но не казаки. Въ нормальное время это обстоятельство не играло бы никакой роли, но въ годину смуты и всеобщаго шатанія умовъ личность вождя приобретаетъ особенное значеніе.

Надо было очень хорошо знать мѣстныя условія и очень умѣло разбираться въ той запутанной обстановкѣ, какая сложилась на Кубани послѣ революціи. Требовалось правильное пониманіе казачьей психологіи и проникновеніе въ душу казака. Рубить съ плеча не всегда было можно. Иногда самая благія намѣренія начальниковъ не-казаковъ, ихъ слишкомъ прямолинейныя дѣйствія, на кубанской почвѣ и въ казачьей средѣ давали какъ разъ обратные результаты.

Если бъ во главѣ кубанскихъ войскъ стоялъ свой казакъ — онъ сумѣлъ бы объединить теченія, которыя просачивались сквозь кубанскую толщу.

Даже крутыя мѣры своему брату- казаку кубанцы всегда бы простили.

Командующій кубанскими войсками изъ казаковъ нашель бы общій языкъ и съ командующимъ Добровольческой арміей; онъ выполнилъ бы свою миссію по координированію дѣйствій много лучше, чѣмъ это пытались дѣлать нѣкоторые кубанскіе политики.

Какая иронія судьбы! Богатое и многолюдное Кубанское войско, славное своимъ историческимъ прошлымъ и вѣковыми традиціями, полки котораго служили украшеніемъ Россійской Арміи — это Войско въ періодъ гражданской смуты 1918-20 г.г. являло собою картину внутреннихъ несогласій и раздоровъ, тогда какъ должно было представлять монолитное цѣлое.

По горькому замѣчанію одного члена Верховнаго Круга кубанцы создали кубанскую армію только тогда, когда отъ ихъ полковъ остались обрывки, а отъ территории Кубани — одинъ Екатеринодаръ.

И даже въ этотъ послѣдній моментъ, какъ самое формированіе кубанской арміи, такъ и назначеніе ея командующаго состоялось безъ прямаго участія войско-вой власти.

И вотъ, спустя десять лѣтъ, вдумываясь въ событія на Кубани, я, какъ наблюдатель со стороны и казакъ, считаю: трагедія Кубанскаго Войска заключалась въ томъ, что на Кубани не было хозяина, замѣнить котораго не могли никакія учрежденія и соглашенія.

Кубанцамъ нужны были вождь и армія.

Полковой хоръ трубачей 1-го Уманскаго полка въ Карсѣ, въ
1891-мъ году.
Въ центрѣ — Командиръ полка Полковникъ Ржевусскій.

Т Ы Ж Н Е В А

(изъ прошлаго станичной жизни).

Случай, о которомъ я хочу рассказать, имѣлъ мѣсто въ станицѣ... О, нѣтъ! лучше не назову станицы, а то и станичники меня не поблагодарятъ, да и ихъ чужіе засмѣютъ.

Было это за два-три года до войны. Пора стояла страдная, началась косовица, урожай былъ хорошій, и казакъ, трудившійся надъ землей - кормилицей, пожиналъ плоды своихъ трудовъ.

Въ воскресный день казакъ Черникъ пріѣхалъ въ станицу, купилъ, что нужно, изъ провизіи и уже собирався ѣхать въ степь, когда станичный десятникъ, вручилъ ему повѣстку. Послѣдняя гласила, что на будущей недѣлѣ Чернику нужно явиться въ станичное правленіе на Тыжневу. Почесалъ казакъ за ухомъ, ругнулся, но дѣлать нечего. Уѣхалъ въ степь, все время раздумывая, какъ же быть съ тыжневой. Въ такое, обычно, время при станичномъ правленіи отбываютъ повинность старики и подростки, отсутствіе которыхъ въ хозяйствѣ не такъ сказывается.

Оторваться отъ работы самому Чернику никакъ нельзя, нанять за себя некого, да и лишній рубль нуженъ на непредвидѣнные расходы; сломаются ли косилка, раскуется ли лошадь или спадетъ шина съ колеса, вотъ тутъ-то и нуженъ запасный рубль. Только и разговору было о тыжневой. Порой думалъ Черникъ — не послать ли за себя сына, вѣдь, уже въ шестой классъ перешелъ, смысленный вполнѣ. Въ разговорахъ уже намекалъ о своемъ рѣшеніи. Женѣ его это нравилось.

— Отдохнетъ сынъ немного, а то другіе хоть лѣтомъ имѣютъ отдыхъ, а нашъ и лѣто и зиму не выпрягается...

Въ пятницу вечеромъ за ужиномъ Черникъ объявилъ сыну Николаю, что онъ пойдетъ отбывать тыжневу. Нужно пріучаться къ службѣ.

Въ субботу рано молодой Черникъ заѣздилъ лошадь и отправился въ станицу. Къ вечеру, одѣвшись казакомъ, отправился въ станичное правленіе, и зашелъ въ комнату станичнаго атамана.

— Здравствуйте, г. атаманъ, — сказалъ вошедшій, стараясь говорить басомъ.

— Здравствуйте Ладымыровичъ, що скажете нового? — отвѣтилъ атаманъ, протягивая вошедшему ру-

ку. Атаманъ съ большимъ уваженіемъ относился ко всѣмъ учащимся, какого бы возраста они ни были, всѣмъ давалъ руку и считалъ такъ:

— Нічого ны зробишь — учена людына.

— Тыжневу прышовъ за батько отбувать, — продолжалъ молодой Черникъ, переходя на родное нарѣчіе.

— О, цѣ діло, отакъ козатцво ны згынѣ.

— Ну добре, значить завтра въ обідъ, до діжурного; Вы йому будете якъ нахідка.

Въ воскресенье Николай Черникъ явился въ указанную часть на службу. Дежурный обрадовался и тутъ же заявилъ, что ни въ какой нарядъ его не пошлетъ, а будетъ держать при себѣ.

— Вы тількы подумайте, Ладымыровичъ, що я безъ Васъ зроблю якъ прійде зъ отдѣла пакетъ съ хвостомъ. Вы знаете, скількы тамъ пысать? І часы і минуты треба роспысать, та ще й до ладу, — говорилъ дежурный.

Безъ особыхъ приключеній шла недѣля, но въ пятницу разыгралось событіе, которое долго потомъ на всѣ лады и во всѣхъ ближайшихъ станицахъ высмѣвалось. Наканунѣ привели арестованнаго, препровождавшагося въ тюрьму на два мѣсяца, приговореннаго мировымъ судомъ за кражу не то куръ, — не то бубликовъ. Сопровождать въ тюрьму “арестанта” назначили дѣда Алистрата, который отбывалъ тыжневу. Взявъ винтовку и книжку съ пакетомъ, дѣдъ Алистратъ вмѣстѣ съ арестантомъ спѣшилъ на поѣздъ.

Дойдя до базара, вспомнилъ, что нѣтъ табаку; послѣдній разъ набивалъ трубку уже изъ чужого кисета.

День былъ базарный, народу въ каждой лавкѣ полно. Всѣ спѣшаютъ въ степь. Никакъ дѣдъ Алистратъ не могъ сообразить, какъ же ему пролѣзть въ лавку съ арестантомъ да еще и съ ружьемъ.

Рѣшилъ арестанта и ружье оставить въ рядахъ.

— На, подержъ ружжо, а я піду куплю табаку, — сказалъ онъ арестованному, протягивая винтовку. Послѣдній отъ удивленія раскрылъ ротъ, но все же взялъ “ружжо”.

Продавъ минутъ десять, видя, что дѣдъ - конвоирь не возвращался, онъ пошелъ обратно въ станичное правленіе.

Въ корридорѣ сидѣлъ молодой Черникъ. — Ви

Группа Кубанских джигитовъ войскового старшины А. Н. Крикливаго.
Крикливый — крайній справа.

дять — чему сначала не хотѣлось вѣрить, — идетъ арестованный съ винтовкой.

Въ пяти словахъ объяснилъ дѣло и передалъ испуганному дежурному винтовку. Арестованнаго посадили въ “дідарню” и стали ждать діда Алистрата.

Точно молодой парубокъ, бѣжалъ онъ съ базару къ правленію, въ корридоръ котораго стояли дежурный и Черникъ.

— Біда, г. діжурный, біда, — запыхавшись, говорилъ дѣдъ Алистратъ.

— Что случилось? съ дѣланнымъ испугомъ спросили въ одинъ голосъ дежурный и казакъ.

— Та бачь біда, — нѣсколько отдышавшись продолжаетъ дѣдъ, — арыстантъ утікь і ружжо вкравъ! Собрался весь народъ, стали спрашивать; дѣдъ рассказываетъ какую-то исторію о побѣгѣ арестованнаго,

запинаясь на каждомъ словѣ.

Дежурный далъ знакъ,

Приведи арестованнаго.

Дѣдъ отъ удивленія остолбенѣлъ и стоялъ съ открытымъ ртомъ, не найдя словъ выразить свое удивленіе...

Со слѣдующимъ поѣздомъ молодой Черникъ отвезъ арестованнаго въ тюрьму и сдалъ, кому слѣдуетъ. Въ станицѣ долго потомъ смѣялись надъ дѣдомъ Алистратомъ. Часто, собравшись въ кружокъ, болѣе молодые спрашивали:

— Ну, діду, розкажитъ, якъ вы арыстанта ганялы і якъ він утік, та ще й ружжо вкрав.

— Ну та що тутъ розказувать, — отвѣчалъ обыкновенно дѣдъ, — всі знаютъ; попутавъ нычистый. Отъ і все...

Е. Я.

НА СЛУЖБУ

(Изъ романа “Гремучій Родникъ”)

Устинѣ Ивановнѣ до тошноты надоѣла близость постылага зятя. Отъ него и въ хатѣ стало какъ бы не повернуться. Къ тому же обнаружилась его крайняя умственная скудость, да такая, что про себя Устинья Ивановна ставила его чуть ли не въ ровень съ Афоней.

Зять Миронъ не могъ осилить даже молитвы Господней, а, между тѣмъ, знаніе ея было обязательно для казаковъ приготовительнаго разряда, и она спрашивалась на занятіяхъ “словесностью”.

Устинья Ивановна видѣла и слышала, какъ билась съ Мирономъ Химка, чтобы втолковать ему смыслъ и порядокъ словъ молитвы, но почти что безрезультатно.

И гордости казачьей у него какъ-то не было. Самъ же по вечерамъ рассказывалъ, какъ вахмистръ въ казармѣ заставлялъ другого больше соображавшаго казака подняться на скамью и тащить туда къ себѣ Мирона за уши.

Когда кончился такой неудачей судъ съ Колыха-

ловымъ и потѣряли надежду скоро переселить Мирона и Химку въ особую хату на своемъ дворѣ, то Устинья Ивановна настояла, чтобы для нихъ была куплена хата на отдѣльномъ дворѣ и шли бы они туда обзаводиться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, Миронъ, какъ единственный сынъ у матери, имѣлъ къ тому же право на льготу и предполагалось, что на дѣйствительную службу онъ не пойдетъ. Такъ и рѣшили, было, станичный сборъ. Да въ тотъ годъ военное начальство потребовало вдругъ отъ станицы усиленнаго набора молодыхъ казаковъ, и Мирону пришлось въ спѣшномъ порядкѣ собираться.

Каждый годъ станица высыдала свыше полсотни здоровыхъ молодыхъ казаковъ въ полкъ въ Закавказье на замѣну возвращавшихся со службы людей.

И вотъ ко времени, когда перевалило за полдень и стало прохладнѣе, Маликовская бесѣда двинулась со двора. Впереди пошли въ два ряда любители пѣсни — бабы и мужчины. Шли они такъ, что первый рядъ подвигался впередъ, обернувшись лицомъ къ пѣвцамъ второго ряда, который какъ бы наступалъ на тѣхъ...

Заводилъ пѣсню и проявлялъ большую ретивость въ ней высокій человѣкъ Ларька. Онъ, собственно, былъ почти что чужимъ и для Мирона и для Маликовыхъ, но, сосѣдя съ ними участками въ степи, привыкъ считаться за свойственника. Въ горячее время работы другъ другу помогали “спрягались” и звали поэтому другъ друга супрягачами. При такомъ семейномъ дѣлѣ, какъ проводы казака, безъ него обойтись почти что и нельзя было.

Голосъ у него звучалъ чуть надтреснутой трубой. Вышагивая, онъ размахивалъ руками, вытягивалъ въ особо чувствительныхъ мѣстахъ и безъ того длинную шею и старался вообще такъ, что въ уголкахъ губъ набивалась даже замѣтная полоска пѣны...

Какъ супрягачъ, Ларька, такъ и всѣ другіе изрядно подвыпили, и было неясно, веселье ли вырывалось у нихъ изъ-подъ печали разставанія или печаль пряталась подъ веселье.

— Пра-ща-а-й, лю-у-без-на-я-а-я ста-ни-ца

И вся ро-дна-а-я сто-ро-на-а...

— Пра-ща-а-й-те, отецъ-ма-а-ать род-ны-е,

И всѣ пре-доб-ры-е дру-зь-я...

Сейчасъ же за пѣсельниками шель Миронъ въ полномъ обмундированіи, рядомъ съ нимъ Химка и тутъ же Алдоша, Устинья Ивановна и другіе близкіе.

Позади Луканька вель въ поводу Миронова коня съ притороченными къ сѣдлу буркой, башлыками, вьюками и съ переметными сумами.

Горловъ Фома тоже провожалъ въ этомъ году сына, и на широкой улицѣ обѣ бесѣды объединились. Здѣсь главной пѣсельницей была Марфа Андреевна, жена Сенюткина; у нея былъ звонкій раскатистый подголосокъ, а одинъ изъ братьевъ Горлова игралъ на пищичикахъ, вставленныхъ въ рогъ. Мощной рѣкой покатились пѣсны...

На просторной площади у общественныхъ магазиновъ съ хлѣбнымъ запасомъ остановились. Сюда же съ разныхъ улицъ приваливали новыя бесѣды съ провожаемыми казаками. Неподалеку около “лизертиной” казармы, гдѣ преподавалась двѣ зимы уходящимъ теперь изъ станицы казакамъ, “словесность”, собрались атаманъ, другія должностныя лица и духовенство. Отслужили молебень. Старый священникъ отецъ Григорій окропилъ святой водой и людей и коней и сказалъ напутственное слово... Большинство этихъ, препоясанныхъ теперь шашками и кинжалами людей, онъ же и крестилъ въ старой церковной купели...

Соединенный хоръ двухъ церквей спѣлъ громогласное “Многая лѣта”.

Послѣ молебна еще разъ разошлись по своимъ бесѣдамъ “погладить дорожку” уходящимъ...

Алдакимъ Прокофѣвичъ пригласилъ къ своему кругу причтъ новой приходской церкви, недавно передъ тѣмъ прибывшій въ станицу.

Священникъ, отецъ Михаилъ, отдавъ честь хлѣбу-соли, уѣхалъ, а псаломщикъ Іона Тихоновичъ остался... Онъ немного сюсюкалъ, не осиливая шипящихъ звуковъ, и сразу опредѣлился, какъ любитель общества слабаго пола...

— Ивона Тихоновичъ... Да вы шъ наши отцы духовнаи... Ну, выпейте... Не побрезгайте нами...

— Отцы духовнаи... Вы подумайте! — повторяла Марфа Сенюткина и разливалась раскатистымъ смѣхомъ. Она была еще очень красивая казачка, а объ ея голосѣ Іона Тихоновичъ про себя тутъ же рѣшилъ: “аки кимвалъ бряцающій”...

Григорій Антиповичъ Сенюткинъ подошелъ къ Миронову коню:

— Ну какъ, Алешка?!.. Чѣшъ, братъ, какихъ трудовъ придется хлебнуть, когда черезъ Казбеки придется иттить?.. — Лошадь-она умная животная... Смотри, Луканька, какой Алешка сумной... Будто даже слеза ево прошибаетъ. Онъ все понимаетъ...

— По ко-о-нямъ! — пронеслось отъ лизертиной казармы, и чудесное значеніе команды вдругъ сказалось на всѣхъ. Засуетились, заспѣшили. Химку едва оторвали отъ Мирона, плачетъ да еще причитаетъ:

— На каво шъ ты покидаешъ меня, соколь мой яснай?!..

Передъ построившимся фронтомъ сказалъ еще нѣсколько словъ атаманъ:

— Ну, смотрите жъ, ребята, станицу не обезславьте... Служите, какъ слѣдуетъ быть...

А потомъ вахмистръ скомандовалъ: —

— Справа по-три... Пѣсенники впередъ... Шагомъ ма-а-аррршъ...

Пока колонна разворачивалась и вытягивалась на дистанцію, ѣхали молча, а потомъ вахмистръ приподнял надъ головой руку съ плетью и сдѣлалъ въ воздухѣ нѣсколько движеній, намѣтивъ ими тактъ требуемой пѣсны...

Слѣдуя за этими движеніями, началъ запѣвала немало сдавленнымъ и дребезжащимъ голосомъ:

— Пол-но ва-мъ, снѣ-жеч-ки,

На та-ло-й зем-лѣ ле-жа-ать...

Рука вахмистра вдругъ провалилась внизъ, а потомъ снова взметнулась надъ шапкой. За ней съ той же стремительностью рванулъ весь хоръ пѣсельниковъ:

— Пол-но вамъ, ка-за-чень-ки,

Го-ре го-ре-ва-а-ть...

Легкимъ облакомъ закружилась пыль, и въ тактъ пѣсенъ какъ будто различалось цоканье лошадиныхъ подковъ подобравшейся колонны...

— Ас-та-вимъ тас-ку пе-чаль во тем-ныхъ во
лѣ-са-ахъ...

— Будемъ при-вы-ка-а-ть къ чу-жой даль-не-ей
сто-ро-нѣ-ѣ...

Лишь когда колонна скрылась за курганомъ и замеръ въ посвѣжѣвшемъ воздухѣ серебряный звонъ тарелокъ и подголоска, провожавшіе потянулись назадъ по домамъ. Устинья Ивановна повела подъ руку отчаявшуюся совсѣмъ Химку.

Горловъ снова настроилъ свои пищичики, и Ларька и Марфа Андреевна въ обнимку съ другими бабами и казаками понесли веселую пѣсню.

— Ужъ ты, ба-ба-чка ба-бе-ноч-ка мо-я-а!

Ой, чер-ноб-ро-ва-я ха-ро-о-шень-ка-я-а!

Псаломщикъ Іона Тихоновичъ слѣдовалъ въ ногу съ Алдакимомъ Прокофѣвичемъ, ловя краемъ уха Марфинъ “кимвалъ бряцающій”.

Казаци въ Парижѣ на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата

Казаци на Елисейскихъ поляхъ. Впереди Атаманъ Богаевскій.

Впервые, думаю, со времени Наполеоновскихъ войнъ — казаки появились въ военной формѣ и съ флагами въ Парижѣ, на площади Etoile, подъ Триумфальной Аркой, — для возложенія вѣнка и возжженія огня на могилѣ неизвѣстнаго солдата.

Въ этомъ же году въ первый разъ возжигалъ огонь и Русскій обще - воинскій союзъ.

Это — извѣстное моральное достиженіе наше, насъ русскихъ — военныхъ, за десять лѣтъ жизни за рубежомъ.

И то обстоятельство, что казакамъ было разрѣшено присутствовать на церемоніи въ военной формѣ — свидѣтельствуеетъ о подчеркнутомъ особомъ вниманіи къ казачеству. Краткое обращеніе атамана Богаевского въ мѣстныхъ газетахъ о “возжженіи лампы” — дошло до казачьихъ сердецъ. На собраніи начальниковъ и старшихъ группъ былъ выработанъ церемоніаль.

6-го сентября сборный пунктъ на историческихъ казачьихъ Елисейскихъ Поляхъ запертъ значками,

черкесками, лампасами... Кубанцы пришли первыми съ Войсковымъ флагомъ — сине-малиново-зеленымъ — знакъ единства Войска: — линейцы, черноморцы, горцы. Его несъ заслуженный георгиевскій кавалеръ хорунжій Ф. И. Черновъ, имѣя ассистентами, въ черкесахъ и погонахъ — хорунжаго Рокова и педхорунжаго Захарьина. Высокое голубое древко съ копьемъ, и развѣвающимся цвѣтнымъ полотнищемъ обозначало флангъ кубанцевъ.

Пришли терцы со своимъ голубымъ, расшитымъ серебромъ стягомъ...

Красочно и мощно прибыли донцы. Твердою и широкою поступью, въ мягкихъ сапогахъ и широкихъ гвардейскихъ темносинихъ шароварахъ, въ безкозырькахъ на бравую бровь — они шегольнули отчетливо. Мягко, въ чевякахъ, словно скользя по торцовой мостовой, безшумно прошелъ цѣлый взводъ кубанскихъ казаковъ въ черкесахъ...

То былъ почти полностью кубанскій хоръ въ Па-

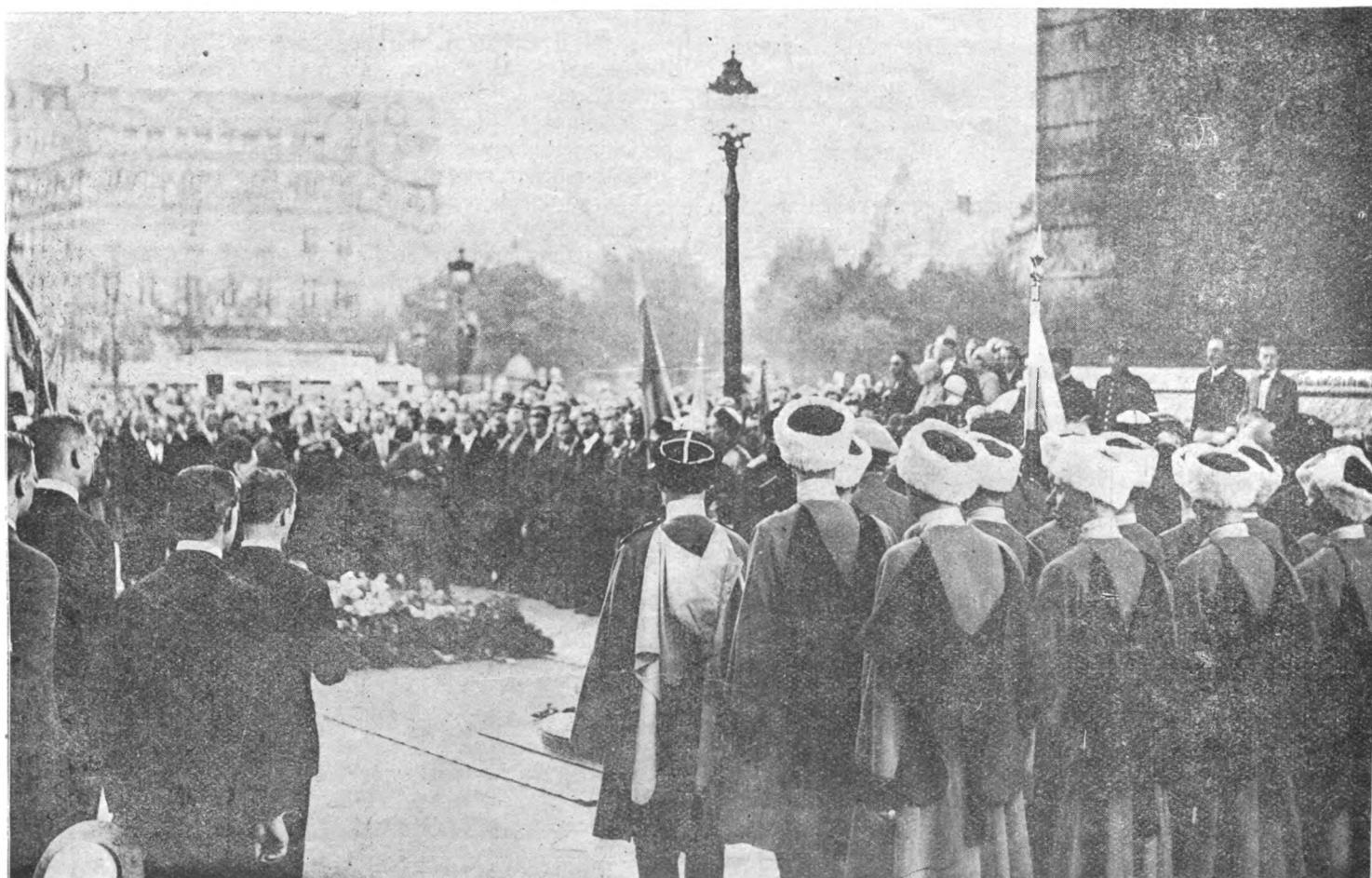
Подъ Триумфальной Аркой. Передъ возложеніемъ вѣнка.

Возложеніе вѣнка на могилу Неизвѣстнаго Солдата.

Послѣ возженія пламени. Минута молчанія.

Кубанскій взводъ

Кубанцы передъ парадомъ:

Въ центрѣ — полковникъ **Ф. И. Елисеѣвъ**. Правѣ его — значковый хорунжий **Ф. И. Черновъ** и лѣвѣ — ассистентъ подхорунжий **С. Е. Захарынь**.

рижѣ, пополненный другими кубанцами. Ихъ вель доблестный есаулъ, всегдашній и безкорыстный радѣтель за казачью долю, **А. Р. Збронскій**, имѣя замѣстителемъ **Я. М. Ковалева**.

Выстроилась подъ сине - малиновымъ значкомъ Уральская казачья станица.

Въ 6 часовъ вечера всѣ въ сборѣ. Прибыль атаманъ **Богаевскій**.

Атаманъ не воздерживается, здороваается и, взводъ, наполовину состоящій изъ офицеровъ, — отвѣчаетъ громко, по военному. Атаманъ обходитъ строй. Своимъ безукоризненнымъ воинскимъ видомъ онъ привлекаетъ взоры всѣхъ, подкупаетъ и миритъ недруговъ...

Атаманъ Богаезскій росписывается въ Золотой Книгѣ

Мундиръ Лейбъ-Атаманскаго полка, мягко - голубой, такъ идетъ къ нему...

Процессія двигается.

Впереди Русскій національный флагъ. Его несетъ георгиевскій кавалеръ, гигантъ лейбъ-казакъ, имѣющій ассистентовъ по бокамъ. За флагомъ — атаманъ **Богаевскій**, представляющій объединенное казачество; за нимъ — шеренга Войсковыхъ флаговъ — **Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Уральскаго, Донской гвардейской бригады, Атаманскаго училища и Донскаго кадетскаго корпуса**. За значками, на дистанціи, слѣдуетъ громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, перевитый національною лентою съ надписью: —

“Казакъ — неизвѣстному солдату”. Его несутъ казаки Кубанскаго Войска — генералъ **Н. И. Малышенко** и полковникъ **Ф. И. Елисеѣвъ**. За вѣнкомъ слѣдуетъ весь казачій генералитетъ и представители казачьихъ организаций. Среди нихъ, въ военной формѣ, генералъ **Н. Н. Баратовъ**, **Б. И. Хорошкинъ** и **О. И. Лебедевъ**. Взводъ кубанскихъ казаковъ, строемъ, слѣдуетъ за старшими начальниками. Далѣе до 1.500 казаковъ всѣхъ Войскъ въ штатскихъ костюмахъ, въ колоннѣ по-шести. Процессія двигается медленно и торжественно. Подъ аркою всѣ выстраиваются широкимъ квадратомъ, лицомъ къ могилѣ. Возлѣ вѣнка позади него — сгруппировались всѣ высшіе казачьи военачальники. Войсковые флаги выстроены въ рядъ слѣва. Кубанскій взводъ противъ нихъ. Справа два взвода лейбъ-казаковъ въ одноцвѣт-

По окончаніи церемоніи

Редакція журналу "Россія" приносить благодарность редакціямъ газеты "Excelsior" и журналовъ "Жизнь и Судь", "Иллюстрированная Россія" и "Часо-

ныхъ штатскихъ костюмахъ. — Они ласкають глазъ зна-тока строя.

Выстроились. Пауза. Щелканье аппаратовъ, и вѣнокъ съ участіемъ старшихъ военачальниковъ, торже-ственно возлагается на могилу.

Безногий барабанщикъ - французъ бьетъ короткую дробь.

Предсѣдатель "Комитета Пламени" торжественно вручаетъ Атаману Богаевскому тяжелый мѣдный жезлъ. Упоромъ въ отверстие жерла — онъ сдвигаетъ съ мѣста воронку; неугасимое пламя вспыхиваетъ клубкомъ. Барабанщикъ бьетъ дробь вновь. Минута молчанія.

Всѣ берутъ подъ козырекъ.

Тутъ же, подъ сводами Арки, атаманъ Богаевскій

вой" за любезное предоставленіе фотографій и клише шествія казаковъ на могилу Неизвѣстнаго Солдата.

расписывается въ "Золотой Книгѣ". Отъ каждаго Войска расписывается одинъ изъ старшихъ генераловъ. Отъ Кубанскаго — генераль Малышенко и Лебедевъ.

Въ шествіи участвовалъ предсѣдатель обще-воинскаго союза генераль Е. К. Миллеръ.

Церемонія окончена.

Казакі пересѣкли площадь "Etoile" и останавливаются на Avenue de Bois du Boulogne, окруженные многолудною толпою французовъ. Яркими звѣздочками мелькають военные мундиры и черкески.

День 6-го сентября 1930 г. останется памятнымъ историческимъ днемъ въ казачьемъ заграничномъ бытіи-страданіи...

Казакъ Бідолага

На древнем рубежѣ

Часть третья.

I.

Съ колоколенъ во всѣ концы буйно разносился жизнерадостный трезвонъ.

Въ столовой звенѣли ножи, вилки, разставляемая посуда. “Накрываютъ столъ для духовенства” — подумалъ, проснувшись, Лукинъ.

Едва онъ успѣлъ привести себя въ порядокъ, пришелъ батюшка съ причтомъ. Пропѣли “Христоръ Воскресе!”, поцѣловались и сѣли за пасхальный столъ.

Батюшка расположился въ углу подъ образами, рядомъ съ нимъ Лукинъ, затѣмъ высокой, плоской уставщикъ съ выпуклымъ подвижнымъ кадыкомъ Терентій Галактіоновичъ. Напротивъ священника — учитель церковнаго пѣнія Изотъ Карпычъ, острья лопатки котораго рѣзко выдѣлялись подъ тонкимъ бешметомъ. Еще правѣ сверкалъ сѣрыми холодными глазами пономарь. Далѣе потряхивалъ жиденькой рыжей бородкой діаконъ Хрисанфій. Самыми молодыми представителями клира были пѣвчіе, три парня въ черкескахъ. Глядя на этихъ здоровенныхъ ребятъ, Лукинъ невольно вспомнилъ “циплять Гапо”.

— И не знаешь, Иванъ Петровичъ, какъ умомъ раскудывать, куда итти, гдѣ сѣять, — говорилъ отецъ Онуфрій, справляясь съ тарелкой наваристаго краснаго борща.

— Почему, батюшка? — положилъ ему кусокъ пирога хозяинъ.

— Солдаты-то наши почти всѣ служатъ въ Болотномъ въ красной арміи.

— Печально, конечно, однако, что жъ подѣлаешь? — пожалъ плечами Лукинъ; — сейчасъ все противъ насъ. Даже, кажется, время въ заговорѣ съ большевиками.

— У моего Яшки намедни, блоккъ, винтовку не отняли на базарѣ, — обсасывая подкрашенные чихиремъ сѣдые усы, сказалъ уставщикъ.

— Говорятъ, будто съ перваго богача Бондарева двѣсти тысячъ собрали, а домъ Дьяконова отвели подъ клубъ, да заставили его, высуня языкъ, бѣгать по городу, собирать тридцать столовъ да полтора стульевъ. Въ три часа чтобы все было, иначе разстрѣль!

За такое сообщеніе желтозубый Изотъ Карпычъ почелъ долгомъ вознаградить себя зубровкой.

— Это что, свать! Они на каждое ведро вина печать антихристову наложили, въ свою казну гребутъ налоги. Дождались слободы! Сѣоро за Теречную воду карманы тряси, — будто хлопалъ лѣстовкой пономарь, разрѣзая жаркое.

— Слыхать генерала Корнилова убили, — сказала тетка Настя.

— А, чего выдумала? Откуда на хвостѣ принесла? — потчуга гостей, одернула ее хозяйка.

— Когда я былъ взводнымъ урядникомъ, — началъ было, священникъ...

Въ это время Мухтаръ съ громкимъ лаемъ бросился къ воротамъ. Лукинъ выскочилъ на крыльцо. Черезъ порогъ калитки шагнулъ сухощавый, нервный подъесаулъ Язычковъ. За спиной его виднѣлся Субботинъ, потомъ показался Терцовъ, Малогриценко, Акимъ, цѣлая шеренга франтовато одѣтыхъ казаковъ. Во дворѣ замелькали черныя и бѣлыя папахи. Всѣ курпей были тщательно взбиты, черкески свѣже выглажены, оружие блестяло. Среди станичниковъ, къ удивленію Лукина, сменилъ совершенно ему незнакомый маленькій рябой армянинъ въ щегольскомъ драповомъ пальто.

— Христоръ Воскресе, господинъ есаулъ, — почти у забора высоко поднялъ широкополую шляпу улыбающійся незнакомецъ.

— Воистину Воскресе! — поклонился Лукинъ. — Пожалуйте въ залъ, — пригласилъ онъ къ знатному пасхальному столу, похристосовавшись со всѣми.

— Здравствуй Гришка! Здравствуй Шяшя! — здоровались вошедшіе слѣдомъ за гостями работники есаула. Новые шапки, штаны, бешметы, какъ нельзя, лучше, гармонировали съ общимъ праздничнымъ настроеніемъ.

— Пошли Богъ тебѣ хорошую жену, — говорили ногайцы, осушая рюмки водки.

— Сабуль! Сабуль! — не успѣвалъ благодарить хозяинъ.

Монголы закусили баранины, индюка, попробовали сырной пасхи.

— Окорочка что же? Поросеночка съ хрѣномъ? Вотъ ветчинка, — разсмѣялся Язычковъ.

— Магометъ по шеѣ надаешь, — отвѣтилъ мурза.

— Ну, трогай дальше, ребята! — поднялся Аипъ, получивъ отъ хозяина магарычъ на всю компанію.

— Господа! Токай, Мускатъ, Рислингъ. Кому водки? — спрашивалъ Лукинъ, наполняя бокалы, — сердечно благодарю за вниманіе. Поздравляю съ праздникомъ! — Всѣ встали, раздался звонъ хрусталя.

**

— Священники сладкій пирогъ доѣдаютъ. Сейчасъ поднимутся — шепнула Лукину вошедшая тетка.

— Простите, на минутку! — бросилъ есаулъ, вскакивая со стула. Оставшись одни, гости измѣрили глазами громадныя венеціанскія зеркала, потомъ стали пристально разсматривать симметрично развѣшенные на стѣнѣ портреты семьи императора Николая II.

— Н-да! — тяжело вздохнулъ Язычковъ, — освободились...

— Дожили, нечего сказать, царя — въ тюрьму! Ахъ! — стиснулъ кулаки Малогриценко. На глазахъ его сверкнули двѣ крупныя слезы.

— Господа! За избавленіе августѣйшаго семейства! — предложилъ вернувшійся Лукинъ. Всѣ встали.

— Да хранитъ Господь царственныхъ узниковъ!

Казаки перекрестились и выпили до дна. Нѣсколько мгновений длилось тягостное молчаніе.

— Городъ Болотный делегировалъ Егора Каспарыча просить тебя съ сотней освободить ихъ отъ ига красноармейцевъ. Награда — поль-милліона, — прострочилъ Язычковъ, едва заговорили вокругъ. Армянинъ одобрительно кивнулъ головой, потомъ вплотную подсѣлъ къ хозяину.

— Мы, кажется, какъ таранкамъ, оторвали бы имъ башки! — при этомъ громадный носъ армянина угрожающимъ тараномъ двинулся къ головѣ есаула.

— За чѣмъ же остановка? — откинулся изъ предосторожности Лукинъ.

— Нѣтъ, вы только посмотрите, господинъ есаулъ, что они дѣлаютъ! Захотятъ грабить — грабятъ, сунуть въ тюрьму — сунуть, и пикнуть не смѣй. На дняхъ приходятъ ко мнѣ и — смаху: “Давай двадцать тысячъ. Разъ!” — “Дорогіе товарищи!” — кричу. “Очень дорогіе! Давай двадцать тысячъ. Два! Давай двадцать тысячъ! Три! Давай тридцать тысячъ! Разъ!” — Я сижу, точно рыба на угляхъ. Ничего не понимаю. А они уже: “Давай пятьдесятъ тысячъ! Два!” Всѣ въ бомбахъ. Винтовки со штыками. Кинулся туда-сюда. Даю двадцать. Не берутъ! Бухъ имъ въ ноги! Ради Бога, дорогіе товарищи, возьмите. Сейчасъ остальные... Опять кинулся

сюда-туда. Даю еще десять. Взяли. Деньги въ карманъ заткнули, меня — въ тюрьму. “Пока такой-сякой кро-вопѣецъ, не заплатишь остальной долгъ, будешь къ каталажкѣ прикомандированъ, а черезъ недѣлю отчислимъ въ штабъ Духонина”. — “Ва, товарищи!” — “Мы”, — кричатъ, — “товаръ ищи, а ты деньги тащи, да не ва-кай, а то припаяемъ по настоящему! Даромъ, что ли, просить у тебя пришлось почти полчаса”. Кинулась ве-черомъ жена по знакомымъ, приноситъ остальные двад-цать. “Еще десять”, кричатъ, — “за казенную кварти-ру да почетъ! Мы его, какъ губернатора, конвоировали черезъ весь городъ!” Чего подѣлаешь? Принесла. Вы-пустили утромъ и говорятъ: “Завтра, быть можетъ, опять пожалуемъ въ гости. Понравился намъ дюже. Ты — че-ловѣкъ хороший.” При этомъ армянинъ досталъ клѣт-чатый платокъ и вытеръ капли пота, заблестѣвшія на лбу. — Пахъ! Пахъ! Пахъ! Иванъ Петровичъ, что это такое? На всѣхъ перекресткахъ кричатъ: “свобода! сво-бода!”, а люди ходятъ, да оглядываются, какъ бы за горло не схватили! Свобода грабить средь бѣлаго дня! Пахъ! Пахъ! Пахъ! Горожане секретно послали меня просить васъ освободить городъ отъ этихъ... Пахъ! Пахъ! Пахъ! У черта въ книгѣ и то не найдется имъ на-званія... За полъ-милліона рублей, а вамъ будетъ столько же отдѣльно, — послѣднее произнесъ онъ такъ тихо, что разслышать могъ только Лукинъ.

— Пожалуйста, господа, пейте, закусьвайте! — угощаль хозяинъ, — Болотный, Егоръ Каспаровичъ, могъ бы своими силами скрутить въ бараній рогъ, вы-стройте всѣхъ вашихъ боеспособныхъ горожанъ — вер-ста по фронту... Однако, что вы сдѣлали до настояща-го времени? Неужели только и всего, что вспомнили о моей сотнѣ?!

— Мы, господинъ есаулъ, организуемся. Вашу по-мощь обѣщаль Ксенофонтъ Самойловичъ Язычковъ, — заерзалъ на стулѣ армянинъ, будто подбросили подъ не-го нѣсколько горячихъ угольковъ.

— Да, да, да, Иванъ Петровичъ! — засуетился подъесаулъ, — необходимо обуздать этихъ бандитовъ. Я говорилъ уже со многими. Всѣ согласны. Вѣдь, съ неба деньги не падаютъ, а поторговаться — круглень-кій милліончикъ на ладошкѣ улыбнется.

— Не знаю, съ кѣмъ ты вель переговоры, но я пойду только на помощь дѣйствительно возставшимъ противъ этихъ грабителей. Какъ только горожане пока-жутъ готовность умереть за свое освобожденіе, мы вы-ступаемъ, — высказался Лукинъ.

— Какъ? Почему? — подпрыгнувъ Язычковъ: — добровольцы бьются за Великую Россію, а мы, сложа руки, будемъ сидѣть?!

— У казаковъ, Ксенофонтъ, пока нѣтъ естествен-наго обостренія, а искусственно агитаціей разжигать не-нависть мнѣ претитъ. Я понимаю, конечно, — дойдетъ до насъ. И въ своихъ рамкахъ къ борьбѣ готовлюсь. Но стоитъ сунуться теперъ, все полетитъ на смарку. Каза-ки не поумутъ и осудятъ навязанную имъ роль осво-бодителей. Вѣдь, угнетенные и пальцемъ не шевелятъ! Накипить у станицъ — другой разговоръ. Меня коро-бить этотъ коммерческій взглядъ, исключительный раз-счетъ на деньги! А гдѣ же благородный порывъ? Гнѣвъ? Оскорбленное самолюбіе? Долгъ? — задумался Лу-кинъ, — но, вѣдь, они боятся рискнуть однимъ своимъ волосомъ! — его глаза сверкнули. — Въ силу мате-риальныхъ соображеній сотню я не поведу! — рѣзко оборвалъ Лукинъ и осушилъ бокаль.

— Ты, Ваня, подумай, а вечеромъ загляни ко мнѣ, буду ждать, — пригласилъ Язычковъ.

— Господа, предлагаю поздравить Степана Ива-новича! — придержаль его за рукавъ Лукинъ.

Всѣ пошли къ выходу.

— Маша! Къ намъ идетъ отъ Усовыхъ православ-ное духовенство, — крикнулъ Лукинъ, приостановив-шись около калитки.

— Идите! Идите! Мы съ Надеждой Петровной по-сидимъ, — христосовался смущенный отецъ Але-ксандръ, сзади котораго стоялъ на готовѣ сухопарый дьяконъ.

Лукинъ быстро догналъ свою компанію. Почти на каждомъ кварталѣ поскрипывали высокія качели. “Ахъ!” “Охъ!” слышались поминутно взвизгиванія дѣвчатъ. “Нажми! Прязь!” кричали парни, то присѣдая, то вы-прямляясь.

**

— А-а! Здравствуй, Каспарка! Христось Воскресе, — Иванъ, Ксенофонтъ, Петръ, Григорій! — приговари-валъ Усовъ, лобызаясь въ гостинной. — Прошу къ столу! — пригласилъ полковникъ жестомъ. — Прижигаютъ большевики пятки, что къ командиру примчался? — выпалилъ онъ въ лицо горожанина.

— Ва, Степанъ Ивановичъ, Вы откуда знаете? — вытарасилъ глаза армянинъ.

— Вся станица говоритъ. Сразу всѣ догадались... Слушай, Иванъ. Пошли на выручку ногайцевъ подъ во-дительствомъ косога Зарака.

— Пахъ! Господинъ полковникъ! Вы поведете? Мы согласны!

— Егоръ! Если я возьмусь, сразу начну съ васъ, чтобы на себя надѣялись, за свою честь и достоинство въ огонь и воду шли, а за деньги дураковъ не искали.

II.

Какъ ни торопился Лукинъ къ Язычкову, гдѣ онъ мечталъ встрѣтить Дуню, ему пришлось нѣсколько за-поздать. Почти около забора тетки Насти онъ столк-нулся съ Аленой — вдовой Егора, умершаго при по-слѣдней холерной вспышкѣ. Лукинъ зналъ ея непро-глядную нужду и давно собирался помочь несчастной. Однако, очередныя заботы дня, какъ нахально зазываютъ торговцы, тянули въ сторону. Занятый дѣлами, онъ иногда забывалъ о существованіи Алены, ея бабушки и кучи голодныхъ дѣтей. Потомъ что-то вновь напоминало ему. Онъ сердился на себя, рѣшалъ завтра же помочь, но снова отвлекался.

Увидѣвъ Алену сегодня, Лукинъ почувствовалъ большую неловкость, словно онъ позволилъ себѣ под-лость по отношенію къ этой женщинѣ. Преслѣдуемый совѣстью, есаулъ бросился въ калитку.

Не успѣла Анастасія Петровна предложить ему ви-на, какъ Лукинъ сунулъ ей кредитный билетъ.

— Да это — на годъ хлѣба! — говорила тетка, подвязывая платокъ.

— Тѣмъ лучше для меня. Только, пожалуйста, не говори отъ кого, а догадается — чтобы никому ни зву-ка! Я подожду.

— Скажу! Скажу! — повторяла она за дверью.

Лукинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія. Теперь каждое мгновеніе отмѣчалось ударами его серд-ца.

Не только по сіяющему лицу вернувшейся, но еще раньше, по топоту ея ногъ въ передней, Лукинъ понялъ все: на мгновенье онъ увидѣлъ озаренную радостью убогую комнату и множество дѣтскихъ улыбокъ вокругъ пустого стола. “Какъ просто — шевельнулъ бровью, и сразу все преобразилось. Я счастливъ”... шепталъ онъ...

**

Веселый, жизнерадостный шелъ Лукинъ къ Языч-кову. Безпокоилъ его только вопросъ, тамъ ли Дуня? Онъ сосчиталъ дни отъ послѣдняго свиданія. “Чертъ возьми, больше недѣли. А вдругъ, разсердившись на ме-ня, она уѣхала, въ Жаркую къ теткѣ?” встревожился Лукинъ. До мельчайшихъ подробностей онъ вспомнилъ послѣднюю ночь въ объятіяхъ Дуни. Его бросило въ жаръ. Воротникъ душилъ. Кровь стучала въ вискахъ. Онъ не чувствовалъ подъ ногами земли. Но стоило ему шагнуть къ Язычкову, какъ въ него будто ударили хо-лодная, острыя струи воды; со всѣхъ сторонъ на Лу-

кина ринулись собаки. Заливаясь на всю станицу, онъ метался вокругъ, норовя виѣпиться въ полы черкески.

— Принимаешь, нечего сказать! — приговаривалъ отрезвѣвшій есаулъ, энергично отбиваясь кинжаломъ.

— Цицъ! Тубо! — наконецъ раздался голосъ хозяина. Свора вмѣгъ заняла выжидательное положеніе. Смѣхъ, громкій оживленный разговоръ несся изъ глубины двора. Тамъ, во флигелѣ Лукинъ различилъ сидящихъ за столомъ бабъ и казаковъ.

“Дуня здѣсь?” — чуть не прыгнуло съ языка Въ темнотѣ точно блеснули глаза красавицы. Когда они вошли въ комнату, сестра Язычкова, молодая чернбровая баба, подавала вино на жестяномъ черномъ подносѣ, расписанномъ красными лиліями. “Неужели нѣту?” мелькнуло въ мысляхъ Лукина, но тотчасъ пріятная теплота разлилась по всему тѣлу: на него возбужденно смотрѣла Дуня, еще болѣе красивая, еще жарче охваченная огнемъ страсти.

— Садись, садись, красная дѣвица, между Дуней и кумой Мотей, а за опозданіе — штрафъ, ковшикъ чихиря! хлопоталъ хозяинъ, въ то время, какъ Лукинъ христосовался со всѣми подрядъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ Дунѣ. Руки ихъ на мгновенье срослись, они слились губами, задыхаясь отъ счастья.

— Иванъ Петровичъ! Чуръ сегодня не малханить! Изволь подъ корешокъ! — насѣдалъ на него хозяинъ, обремененный наполненнымъ фаянсовымъ ковшемъ.

— Будь дѣвка, второй бы попросилъ, — подмигнула Дуня.

— Нѣтъ, выпьетъ! крикнула Мотья. Вырвавъ изъ рукъ рыжебородаго Антона графинъ, она налила чайный стаканъ и, кланяясь, поднесла есаулу. Лукинъ осушилъ до дна и трижды поцѣловалъ задорную бабу.

“Ты, грушица, грушица моя,
Грушица зелена, садова”...

Запѣла Дуня.

Ударяя въ поднось, она плавно начала плясать лезгинку

“Почто ты не зелена стоишь,
Груша, не лазорева цвѣтешь?”

Подхватили всѣ.

“Да какъ же мнѣ зеленой быть?
Съ вершинушки солнышко печеть,
Подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Въ свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Разумныя рѣчи говорить:
Нынеча такія времена —
Сушать женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ — дальніе друзья”...

— Правда; Вы женитесь? — повернулась къ сосѣду разгоряченная пѣсней Мотья.

— На комъ? — улынулся Лукинъ.

— Извѣстно, — на Каткѣ.

— На Катѣ? — протянулъ удивленный есаулъ; — это большая для меня новость!

— Не ври! Не ври! Все время у нихъ пропадешь, зря она сурмитъ брови-то? Вмѣсто платка, газъ на головѣ! Подумаешь, барышня!!!

— Честное слово, разговаривалъ съ нею всего раза два. Заходилъ справиться о нашемъ станичникѣ генералѣ Максимовѣ. Вѣдь, Катя только что пріѣхала изъ Благодатной, гостила у его дочери.

Между тѣмъ отъ соприкосновенія съ Дуней Лукинъ горѣлъ на медленномъ, мучительно сладкомъ огнѣ. Страсть бушевала въ его крови, захватывая Дуню и одновременно опьяняя обоихъ.

— Бабы! Бабы! Спойте “Селезня” Ивану Петровичу! крикнула Мотья. Не дожидаясь, она взяла высокимъ голосомъ:

“Селезень, мой селезень”...

Селезень мой молодой! — дружно подхва-

тила комната.

“Почто же ты, селезень,
Не веселый сидишь?
Да какъ же мнѣ, селезню,
Веселому да мнѣ быть?
Съ вечера позднешенько
Утица со мной была,
По утру ранешенько,
Слышу, — прострѣленная.
Не жалко, прострѣлена,
Если утка на водѣ,
А жалко, прострѣлена
На шелковой на травѣ.
Травушка - муравушка,
Все шелкова трава...
Какъ на той на травушкѣ
Стоялъ синь шелковъ шатеръ.
Во шатрѣ, задумавшись,
Добрый молодецъ сидѣлъ.
Почто же ты, молодецъ,
Не веселый сидишь?
Да какъ же мнѣ, молодцу,
Веселому да мнѣ быть?
Съ вечера позднешенько
Дѣвица со мной была,
По утру ранешенько,
Слышу — просватаная.
Не жалко, просватана
Если дѣвка за меня,
А жалко просватана
За злодѣя моего...”

Еще не замерли послѣдніе звуки пѣсни, какъ весело заиграла гармонія. Пальцы лихо понеслись по ладамъ въ присядку. Гармонистка улыбалась Лукину.

— Иванъ Петровичъ! Иванъ Петровичъ! Твой ладъ. Изволь танцовать! — кричалъ подвыпившій хозяинъ.

— Просимъ! Подмигнула Дуня, разжигая Лукина. Всѣ дружно ударили въ ладони. Длиннобородый Панфиль ловко забарабанилъ по столу ножомъ и вилкой. Есаулъ выскочилъ изъ-за стола.

— Харцъ! Харцъ! крикнула фельдшериха, мужъ которой пристально слѣдилъ за ловкими па танцующаго.

— Экій чертъ! Экій дьяволъ! Ты въ балетѣ учишься?! — покачиваясь на широко разставленныхъ ногахъ, громко восхищался Язычковъ.

И вотъ, на кругъ, по приглашенію Лукина, выплыла Дуня.

Станъ гибкій, какъ виноградная лоза, бюстъ, слегка колыхающийся подъ бѣлой кофточкой, — все пьянило его горячую кровь, дразнило воображеніе... Онъ танцевалъ, танцевалъ, пока не остался одинъ. Сердце билось, точно рвалось наружу. Лодочкой на волнахъ колыхается полъ! Еле переводя дыханіе, Лукинъ выскочилъ на крыльцо. По станицѣ шумно разливались хоро- воды, а въ комнатѣ все ходуномъ ходило отъ пляски.

— Сестра! Мой ладъ! — донесся голосъ Язычкова. Вытеревъ вспотѣвшій лобъ, Лукинъ глянулъ на небо. Широко раскрытыми глазами любовалась Привѣтной луна. Мириады звѣздъ ярко сіяли на черномъ бархатномъ пологѣ, высоко раскинутомъ надъ станицей. Лукинъ услышалъ переговаривающееся въ дремотѣ стадо гусей. О ноги терлись собаки. Повиливая хвостами, онѣ словно извинялись за устроенную ему встрѣчу. Лукинъ осторожно погладилъ двухъ жеребятъ, безмятежно растянувшихся около своихъ матерей... Вдругъ кто-то однимъ взмахомъ сзади закрылъ его глаза.

— Дуня! — узналъ Лукинъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? — тихо простонала красавица.

— Приходи завтра. Мужъ въ городъ поѣдетъ за

купоросомъ, — прошептала она и страстно поцѣловала его въ губы. Земля качнулась подъ ногами Лукина, улекая въ преисподнюю дворъ, флигель, животныхъ.

— Хорошо! Прямо отъ Субботиныхъ къ тебѣ, — прижалъ ее къ груди есауль.

— Увижутъ! — бросила Дуня. Выскользнувъ изъ объятий, она скрылась во мракѣ.

— Ты что, Ваня? Смотрю, смотрю, гдѣ человекъ дѣлся? Папаха — на рогахъ, калошки у дверей, а его нѣту, — проговорилъ подскочившій Язычковъ.

— Прости за безпокойство. Видимо, хлебнулъ лишняго, въ головѣ заплясало, — не глядя на хозяина, отвѣтилъ Лукинъ.

— Идемъ, идемъ въ комнату. Сейчасъ твою любимую...

“Гой-да не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ” запѣлъ Язычковъ, отворяя дверь и держа Лукина за рукавъ черкески:

Гой-да не дубравушка во полѣ шумить”...
подхватили гости.

“То не сизые орлы во полѣ клекочуть,
Гой-да по надъ небесью орлы летучи,
То не сѣрые гусюшки тогочуть
Гой-да по надъ бережкомъ гуси сидючи.
То расплакались Гребенскіе козаченьки
Гой-да передъ Грознымъ царемъ стоячи.
Ужъ ты батюшка, ты нашъ царь-надежа,
Гой-да православный ты нашъ государь!
Какъ бывало-чи ты, нашъ царь-надежа,
Гой, много дарилъ насъ, много миловалъ,
А теперича ты, нашъ царь-надежа,
Гой, чѣмъ подаришь насъ, чѣмъ пожалуешь?
— Я пожалую васъ, Гребенскіе козаченьки,
Гой, рѣкой Терекомъ со притоками,
Гой, отъ Гребня-горъ до Синя моря,
Гой, до Синя-моря, до Хвалынскаго...

— За выздоровленіе и процвѣтаніе Великой нашей матери Россіи — ура!... — крикнулъ Лукинъ прежде, чѣмъ откатились послѣднія волны любимѣйшей пѣсни терскихъ казаковъ.

— Ура! Ура! — орлами летѣли могучіе крики.

— За нашего радушнаго дорогого хозяина! Ура! — возгласилъ Лукинъ, и снова затряслась комната, за колыхались на окнахъ кисейныя занавѣски.

— За гордость нашей станицы! Командиру сотни! — ура! гаркнулъ Язычковъ.

— Ура! Ура!

— Юнкерскую, Ваня, юнкерскую, которую пѣлъ въ пятнадцатомъ году на Днѣстрѣ съ однокашниками кубанцами и донцами. Я подтяну! — не унимался Язычковъ.

— Просимъ! Просимъ! — поддержали дружно во кругъ.

Лукинъ поднялся... Словно боевой конь, почувявшій сигналъ, онъ весь преобразился. Ярко заблестѣли глаза, ноздри слегка вздрагивали, а откинутая назадъ голова была воплощеніемъ порыва, энергіи, мощи. Въ комнатѣ воцарилась тишина, точно къ вину никто не прикасался.

“Сѣрый день едва мерцаетъ,
Скоро ночь придетъ,
Офицерство начинаетъ
Свой лихой обходъ”

высокимъ баритономъ запѣлъ Лукинъ традиціонную пѣсню сотни Николаевского училища.

“Блещутъ шашки боевыя,
Шпоры чуть звенятъ,
На погонахъ золотыя
Звѣздочки блестятъ.

Впереди полковникъ бравый,
Съ нимъ хорунжихъ рядъ.
Жаждой удали и славы
Очи ихъ горятъ.
Раздаются пѣсенъ звуки
Славныхъ казаковъ
Про великія заслуги
Дѣдовъ и отцовъ,
Про Сибири покоренье,
Вѣчную войну,
Про Азовское сидѣнье
И тоску въ плѣну,
Запорожскіе походы
Къ туркамъ, полякамъ,
Покоренные народы —
Храбрымъ казакамъ
Русь! Смотри, какую силу
Казаки таятъ,
За тебя сойти въ могилу
Каждый будетъ радъ.

— Ура! сорвался мурлыкавшій Язычковъ.

— Ура! Ура! — надрывались остальные.

— Ты скажи, какая пѣсня — громко протянулъ замечтавшійся Панфилъ. Стаканы снова зазвенѣли.

— Иванъ Петровичъ! Гдѣ завтра будешь? Хочу тебя поздравить съ праздникомъ, — лукаво поглядывая на взволнованнаго пѣсней есаула, спросила Мотька.

— Милости прошу... Отдохну, потомъ на вечеръ къ Субботину. Больше никуда...

— Врешь! Врешь! Полетишь съ Катькой христоваться! Ай, постой, чего Дуня за тобой выскакивала, какъ ланя? — размѣялась бабенка.

— Я не видѣлъ.

— Не видалъ. А глаза куда съѣхали?

**

Ночь сворачивала огромныя черныя знамена, когда гости шумно двинулись по улицѣ.

— Ай, бабы, бабы! Мимо Катькинаго двора, — взвизгнула Мотька. Толпа послушно завернула за уголь.

“Горѣла горѣлочка”

затянула Мотька, едва впереди показалась мишень,

“Воску ярова свѣча,
Ждала, ждала дѣвица
Удалого къ себѣ молодца”

подхватила компанія.

“Не дождалася красная,
Ложилася она спать одна”.

На всю станицу звенѣлъ серебряный голосъ Дуни.

“Какъ на утренней зоренькѣ
Вдоль по улицамъ младець прошель,
Онъ любимую пѣсенку
На свисточекъ ее просвисталь.
Ужъ ты спишь, не спишь, дѣвица,
На умѣ себѣ кого держишь?
Ужъ я спать не сплю, красная,
На умѣ тебя, младца, держу!”

Гм! Кхм! громко кашлянула Мотька. Черезъ нѣсколько кварталовъ они подошли къ дому Лукина.

“Ты стой, расти, калинушка,
Расти, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься!”

запѣла Дуня. Всѣ тотчасъ подхватили, стали въ кругъ и дружно ударили въ ладони. За станицей отозвалось

эхо. На середину безъ шапки выскочилъ Язычковъ и, покачиваясь, пошелъ за Дуней.

“Придетъ тоска кручинушка, —
Пойди — разгуляйся,
Пойди, пойди, разгуляйся,
Съ милымъ поводишься,
Отъ мово ли, отъ милова,
Въстей не дождуся...
Прислалъ милый поклонъ вѣрный —
Коня воронова,
Коня, коня воронова,
Сѣделище ново,
Подъ сѣделищемъ попона
Зеленова шелка,
Зеленова шелка,
Пахвы золотыя,
Пахвы, пахвы золотыя,
Стремена литыя,
Ты, дѣвица - красавица,
Душа моя, сердце,
Загадаю я загадку, —
Изволь отгадати...”

Здѣсь пѣсня оборвалась. Лукинъ пожалъ всѣмъ руки : началъ пятиться въ калитку, но Язычковъ схватилъ его за рукавъ. Остальные двинулись дальше. По всей станицѣ разбрелись засидѣвшіеся гости. Кое-гдѣ хлопали въ ладони. До изступленія всюду драли глотки пѣтухи. Разсвѣтало.

— Ты... Ты... Ваня... Пойдешь... въ Болотный? — еле сплелъ фразу Язычковъ

— На эту тему лучше поговоримъ завтра, но долженъ предупредить: пока не поднимется городъ, не поѣду. Не за горами. Сразу домчимся...

— Ну... я... я... пойду... Самъ... Одинъ... — бормоталъ тотъ.

III.

Темнѣло, когда Лукинъ подходилъ къ дому Субботина.

— Иванъ Петровичъ! Фомичъ сію минуту вернется, повелъ коня напоить къ дядѣ Игнаткѣ, нашъ колодецъ нынче ночью обвалился, — высунувшись въ окно, встрѣтила Лукина прапорщика. Въ это время стукнулась о заборъ настежь распахнутая калитка, и хозяинъ ввелъ лоснящагося, широкаго, гнѣдаго коня. За нимъ шла Дуня. Глянувъ на Лукина, красавица улынулась.

— Добрый вечеръ! — нѣжно коснулся ея голосъ сердца есаула.

— Уѣхаль? — тихо спросилъ онъ. Дуня кивнула головой.

— Читай, нечистый духъ, Збранную! — раздался окрикъ прапорщика изъ семейной комнаты.

— Дѣтей укладываешь? — спросила Дуня съ порога и вошла къ хозяйкѣ.

Въ нежилой комнатѣ, куда пригласилъ гостя прапорщикъ, почетное мѣсто занимала парадная постель, затянута покрываломъ съ синими пѣтухами. Строгая, величавая, она стояла точно саркофагъ, украшенный іероглифами. Лукину стало немного не по себѣ, но въ этотъ мигъ въ глаза ударилъ яркій свѣтъ лампы.

— Иванъ Петровичъ! Прошу сюда, рядомъ съ Дуней, — разсаживалъ хозяинъ за пасхальный столъ, отравившійся въ простенькомъ стѣнномъ зеркальцѣ.

— Мускатъ изъ бабинькаго сада, мое приданое, — отрекомендовалъ прапорщикъ, разливая по стаканамъ душистое вино.

— Кустикомъ! — предложилъ хозяинъ. Всѣ чокнулись вкупѣ.

— Каспарычъ-то ожегся, Иванъ Петровичъ! — заговорилъ хозяинъ.

— Неужели мы должны, очертя голову, кидаться на всякую приманку? — принялъ вызовъ есаулъ.

— Все Язычковъ нагородилъ. Встрѣтились на станицѣ Жаркой, поговорили и хлопъ-хлопъ по рукамъ.

— Это не цыганская кляча, чтобы съ кондачка, — вставилъ Лукинъ.

— Я предупреждалъ, что не согласитесь, но Язычковъ такъ раскипятился, что не дай Богъ! Иначе, — кричить, — и намъ капуть!

— Совершенно вѣрно. Однако, сейчасъ подниматься преждевременно. Плодъ далеко не созрѣлъ, станицы только начинаютъ возмущаться наглостью красныхъ. Вотъ, когда насъ царапнуть, — иное дѣло, но тянуть казаковъ теперь — веревка лопнетъ, и мы полетимъ. А тонъ первыхъ полковъ? Съ этой молодежью нельзя не считаться. Правда, второочередные вполне благонадежны, но ихъ слишкомъ недостаточно. Надо всякому дѣлу смотрѣть въ конецъ, — совершенно неожиданно для себя выпалилъ есаулъ.

А Дуня? — тотчасъ выросъ передъ нимъ жгучій вопросъ. Смущенный, Лукинъ глянулъ на красавицу. Дуня поймала его взглядъ. “Меня хочеть”, — подумала она, вспыхнувъ до корней волосъ. Голосъ Дуни на мгновенье потерялъ обычную твердость.

— Писаръ изъ отдѣла пріѣхалъ къ Федоткѣ Ермалаеву, — поймалъ Лукинъ однимъ ухомъ разговоръ женщинъ, — вмѣстѣ служатъ. Катьку, говорятъ, сватаеви, а она ждетъ его, не дождется, — подмигнула красавица на Лукина. Хозяйка улынулась, а Дуня незамѣтно крѣпко стиснула руку есаула. “Мой, никому не дамъ” — рѣшительно заявило пожатіе У Лукина алчно загорѣлись глаза.

Когда они вышли, Дуня за калиткой слегка отстранила Лукина и прислушалась, не задержалась ли чета Субботиныхъ на крыльцѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ распахнулись объятія Лукина и быстро, быстро забились сердца, разжигаемыя поцѣлуями. Гармоніи, пѣсни, бубны неслись со всѣхъ сторонъ. Каждая улица плясала до упаду. Гулкое эхо не смолкало за станицей, словно и тамъ веселились хороводы.

Очутившись у себя на крыльцѣ, Дуня тихо отворила дверь и пропустила Лукина въ комнату. Хотя стани были наглухо закрыты, она задернула окна занавѣсками и лампу поставила на шестокъ. Въ полумракѣ просторной комнаты вырисовывался пасхальный столъ, придвинутый къ нарамъ.

— Ты, кажется, водку не пьешь? — спросила она, подсаживаясь къ гостю.

— Ну ее! — отмахнулся тотъ, притягивая красавицу.

— Постой! Сначала попробуй моего чихиря, — поднесла Дуня чашку свободной рукой. — Гдѣ ты пропадалъ все время? — томно спросила красавица.

— Куемъ, Дуня, желѣзо. По приглашенію, ѣздилъ на круги въ нѣкоторыя станицы. Побывалъ за Тереккомъ... Кунаковъ у меня — слава Богу. — Лукинъ утаилъ о своемъ посѣщеніи г. Болотнаго, гдѣ онъ съ Язычковымъ разгуливалъ два дня, высматривая укрѣпленія города. Въ лохмотьяхъ босяковъ они свободно изныряли окопы красныхъ и зашли переговорить съ Егоромъ Каспаровичемъ. “Вы съ ума сошли! Ради Бога! Ради Бога! Меня разстрѣляютъ!” лепеталъ въ передней армянинъ въ отвѣтъ на запросы о мощности организациі заговорщиковъ. Лукинъ вспомнилъ его жалкую фигурку, до смѣшного длинный носъ и улыбнулся.

— Ты чего? Завтра гдѣ будешь? — жгла его глазами Дуня.

— Въ аулъ поѣду — таврить жеребятъ.

— На все и тебя время, кромѣ меня. Вечеромъ къ кому пойдешь?

— Надо выспаться.

— Къ Каткѣ не залетишь?

— Не знаю, можетъ быть. Хотѣлъ сегодня — не удалось.

— Если хоть на минуту заглянешь, ворота ей дегтемъ вымажу! — тяжело дыша и гнѣвно сверкая глазами, твердо выпалила Дуня.

— Что-о? протянулъ опѣшившій Лукинъ, — откуда у тебя такая дичь?

— Узнаешь, откуда. Такъ осрамлю дѣвку, что до гробовой доски на улицѣ не покажется.

— Шутишь, Дуня.

— Вотъ тебѣ святая икона, разрисую! истово перекрестилась красавица на икону.

— Не только ее. Съ кѣмъ вечеромъ увижу, то ошельмую. Вѣдь, ты на Каткѣ не женишься?

— Богъ съ тобой! Конечно, нѣтъ! — не выпуская Дуни изъ объятий, отвѣтилъ Лукинъ.

— Отчего же въякомъ извиваешься?

— Неправда. Всего раза два разговаривалъ съ ней.

— А она-то, дура, на тебя лапки сложила, — протянула Дуня, веселѣя.

— Ворота собираешься мазать, а сама? Что, если Гавриль узнаетъ про твои художества?

— Мужъ-то? Ты — мой царь! Какъ юнкеромъ былъ, съ тобой плясала и влюбилась. Просватывали — не спрашивали. Сколько лѣтъ думала о тебѣ... Что слезъ пролила, когда ты уходилъ на войну да заѣхалъ въ станицу попрощаться. А теперь меня ты истерзалъ на своемъ Мюридѣ. Ночи не сплю. Закрою глаза, на этомъ бѣсѣ вертишься; открою, тянетъ къ окну, не ты ли потопотилъ.

— Хорошо, къ Катѣ не пойду. Но, вѣдь, это сумасшествіе... Развѣ такъ можно?!

— Можно можно, — шептала Дуня, опьяняя его поцѣлуями.

(продолженіе слѣдуетъ)

П. Ергушевъ.

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Въ Парижѣ образовалась группа Кубанцевъ, задавшихъ цѣлью — въ періодическихъ изданіяхъ, матеріаломъ о Кубанскомъ Войскѣ и богатыми иллюстраціями — возстановить въ памяти бывшее нашей Кубани — матери

Ко всѣмъ, кто живетъ мыслью о Родинѣ и кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, братская просьба влиться въ наши ряды и принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе казачьи снимки, гравюры, портреты, рисунки, картины.

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія... Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ, родные Кубанцы, — отзовитесь!...

Писать по моему адресу: M-r Elisseeff. 10, rue des Cordelières. Paris 13.

Полковникъ Елисѣевъ

Настоящій номеръ посвященный Кубанскому Казачьему Войску, составленъ по инициативѣ и при содѣйствіи полковника Ф. И. Елисѣева.

Редакторъ

Первая Русская Колбасная Фабрика

ФАЛИКЪ

41, RUE BROCA, PARIS (5).

Изготавливаетъ всѣ сорта русскихъ колбасъ высшаго качества. Цѣны умеренныя. Доставка на домъ. Заказы принимаются по телефону: **Gobelins 24-24.**

Тиражъ

2.000 экземпляровъ.

Грамофоны и пластинки

20.000 ПЛАСТИНОКЪ

вновь получены. Последнія новинки Вертинскій, Морфесси, Варя Панина, Плевицкая, Вальцева, Смирновъ, хоръ Жарова, кварт. Кедрова, церков. пѣніе и др.

Главное дело русскихъ и иностранныхъ пластинокъ.

SPEISER 34, rue des Rosiers.

M-ro St.-Paul. Tél: Archives 74-49:
Открыто по воскресеньямъ.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ
ЛУЧШИЙ
ПО КАЧЕСТВУ

Чай

ПОДЪ ФИРМОЮ
Торгово-Промышленного Товарищества
преемникъ

Алексъя Губкина А. КУЗНЕЦОВЪ и Ко

ASIAT. TRAD. CORP. LTD., LONDON.
53, rue Jean-Jacques-Rousseau, Paris

Главный складъ во Франціи:
(1^е). Tél. Richelieu 91-63.

Ресторанъ „СИРЕНА“

9, RUE RENNEQUIN (M-ro: Ternes et Pereire).

PRIX FIXE 6,50. завтраки, обѣды и A LA CARTE

Шефъ кухни — владѣлецъ ресторана
Открыто до 2-хъ часовъ ночи.

РЕСТОРАНЪ „ЧАЙКА“

Paris XV. 2, Rue Laure Surville. Métro: Javel.

Цѣны умѣренныя. — По четвергамъ пельмени.

Въ субботу и воскресенье блины. — Осетрина.

Веранда. Кухня изысканная, подъ наблюдениемъ шефа В. С. КАЛИНОВСКАГО.

Ресторанъ Брага

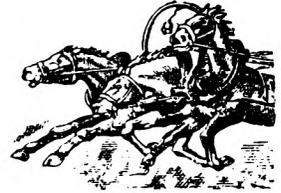
70, rue Sébastien - Mercier, M-ro Beaugrenelle

По субботамъ и воскресеньямъ большая артистическая программа, при участіи извѣстныхъ исполнителей цыганскихъ романсовъ ЕЛЕНЫ ИЛЬИНИЧНЫ НЕВСКОЙ и баритона В. д-АЛЬДЭ.

У роляя проф. Страховъ.

Цѣны прежнія.

Оптовое - Розничное. Колбасно - Гастроном.
МАГАЗИНЪ И. РОСТОВЦЕВЪ
28, RUE DE LA REINE-BLANCHE
Paris (13) M-o: Italie. Tél.: Gob 23-08

Рус. водка, запек., спотык., вишневка, рябинов. и др. Сельди, огурцы. Крупа гречневая. Пшено. Манная. Геркулесъ. Таранъ Вобла. Хрѣнь. Чай. Требуите каталогъ. Отправка въ провинци. и загр.

La Voix Magique

77, Rue de Rennes

Métro: St. Sulpice et Rennes

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ МАГАЗИНЪ

Граммофоновъ

и

радіоаппаратовъ

На складѣ большой выборъ русскихъ пластинокъ: русскія оперы, Шаляпинъ, Смирновъ, Вергинскій, Морфесси, Вяльцева, Плевницкая, хоръ Скрябина, Платова, Жарова; хоръ Летучей Мыши, квартетъ Кедровыхъ. Всѣ иностранныя пластинки.

Граммофоны и радіоаппараты всѣхъ марокъ.

Заказы въ провинцію выполняются по полученіи стоимости. Каталогъ по первому требованію бесплатно.

Ресторанъ „ВОЛГА“

10, rue de Cordelières, Paris - 13

Métro: Gobelins (près du B-d Arago)

Ежедневно музыкальная программа.
свѣтлое просторное и нарядное помѣщеніе
удобное для подписныхъ обѣдовъ

Владѣлецъ Ф. И. Елисеєвъ.

П-о-л-и-к-л-и-н-и-к-а

КОНСУЛЬТ. РУССК. КР. КР. ДОКТОРЪ Р. БАРАБО.

ВНУТР. ДѢТСК., КОЖН. еж. 9-12 и 3-7 ч. в.
ЖЕНСК. И АКУШЕРСТВО пон., четв. 7-8 ч.,
вторн., ср., пятн. 1-3, четв., суб. 10-12 и
и 3-5, вторн. 3-5 час.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ, ПНЕВМОТОРАКСЪ,
час по согл.

Электротерапія, свѣтотерапія. Диатермія. Массажъ. Лабораторія медиц.
Посѣщеніе больн. на дому.

При постоянномъ составѣ профессоровъ и врачей.

НЕРВ. И ДУШЕВН. пятн. 3-4 и ежедн. 4-7.
ВЕНЕР. СИФИЛИСЪ, МОЧЕПОЛОВ. УРЕ-
ТРОСКОПІЯ, ЦИСТОСКОПІЯ, ежедн.
12-3 и 5-9, воскр. 10-12 ч.

УХО, ГОРЛО, НОСЪ, ежедневно отъ 10-12
ч. дня и 6-8 ч. веч. Воскр. 10-12 ч.

120, Boulevard de Grenelle, Paris,

Métro: Motte - Ploquet

Tél. Inval. 31-48

ХИРУРГИЧ. ср. 7-8, суб. 7-8 и 10-12 ч.

ГЛАЗНЫЯ ежедн. 5-7; воскр. 10-12.

РЕНТГЕНОВСК. КАБИНЕТЪ: 4-7, ежедн.

КРАСНЫЯ, СИНІЯ И УЛЬТРА ФІОЛЕТ.

ЛУЧИ ежедн. отъ 9-12 и 3-7 час.

ЗУБН. БОЛ. ежедн. 10-12 и 3-7 ч. Техн. раб.

анализ. Accident de travail.

ПЛАТА ОБЩЕДОСТУПНАЯ.

Поликлиника 4, RUE CAMBRONNE, 4

Métro: Cambronne. Tél.: Ségur 94-31

Пріемъ приходящихъ больныхъ профессорами и врачами -специалистами.

ВНУТРЕННЯЯ БОЛ. (легочная, сердца и сосудовъ, желудоч-
но-кишечная, почечная, обменная веществъ, крови). Ежедн.
2-6 час. и 7-10 час. веч. Воскр. 10-12 час. утра.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ — вторн., четв., суб. отъ 6 до 8 час. вечера.

КОЖН. И ВЕНЕРИЧ. (сифилис, остр. и хронич. трипперъ).
Ежедневно отъ 10-12 час. и 4-9 час. веч., воскр. 10-12 ч.

ВЕНЕРИЧ. БОЛ. ЖЕНЩИНЪ, бол. кожи и волосъ.
(женщ.-врачъ). Ежедневно отъ 1-3 час.

УХО ГОРЛО, НОСЪ вт. суб. 3-4
ГЛАЗНЫЯ пон., четв. 6-7,
вт., пятн. 10-12

ЖЕНСКІЯ И АКУШ. Ежедневно
отъ 4 до 6 час. веч.

НЕРВНЫЯ ср. 3-4, пон., ср.
пятн. 7-8 ч.

ХИРУРГИЯ ежедневно 4-6 ч.
ДѢТСКІЯ вт., четв. суб. 2-3 ч.

ЗУБОВРАЧ. КАБ. (всѣ технич.
работы) отъ 10 до 9 ч. в.

РЕНТГЕН. КАБ. ежедн. 3-8 час.

ЭЛЕКТРО - СВѢТОЛЕЧЕНІЕ по
соглашенію.

ОБЩАЯ МЕДИЦИНА и
accidents de travail
во всякое время.

Мед. свидѣтельства. Мед. анализы. Аутовакцины. Спермокультура. Спец. веч. пріемъ 8-10 ч. Посѣщ. врач. больн. на дому. Плата общед.

СОЦІАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ — ПРИЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ПО ВСѢМЪ СПЕЦІАЛЬНОСТЯМЪ.

Всякій можетъ

ОМОЛОДИТЬ СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ И УМСТВЕННО. СНОВА СТАТЬ ЗДОРОВЫМЪ, СИЛЬНЫМЪ, ТРУДОСПОСОБНЫМЪ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМЪ и ПРОДУКТИВНО ДОЛГОЛѢТНИМЪ, кто очиститъ свой организмъ отъ ядовъ нарушеннаго обмена веществъ (мочевина, мочевая кислота, ураты и др.), или посредствомъ постоянной фруктово-овощной діеты по методу Физиса, или кратковременными курсами по способу Броуна-Секара при помощи энергетворнаго омолодителя и очистителя КАЛЕФЛЮИДА Д. КАЛЕНИЧЕНКО, безъ измѣненія своихъ привычекъ

Калефлюидъ необходимъ всѣмъ ослабленнымъ болѣзнями, дурнымъ питаніемъ или пищевареніемъ, переутомленнымъ, подавленнымъ тяжкими воспоминаніями и пр

Цѣлебное свойство Калефлюида удостоено врачами на миллионѣхъ больныхъ за 28-лѣтнее существованіе лабораторіи Д. Калениченко, какъ напримѣр: проф. ШЕКИНЪ, пишетъ: «У меня были запоры по 4, 5 дней. Никакія медицинскія средства мнѣ не помогли. Послѣ Калефлюида мой желудокъ урегулировался и за три недѣли я помолодѣлъ на 20 лѣтъ. вѣсъ тѣла увеличился на 8 фунт.»

Д-ръ РІАРДЪ ГУСЕИНЪ, КАИРЪ: «Калефлюидъ, драгоцѣнный медикаментъ для лѣченія артритическихъ болѣзней, для восстановленія здоровья, нервовъ и

нормальнаго кровообращенія, нарушеннаго мочевой кислотой»

БОЛЬНЫЯ ПИШУТЪ:

Г-жа М. БРАКЕ, Рошъ Тайе, Франція.

«Я болѣла 15 лѣтъ нервной болѣзью и особенно во время менструацій, теряла сознание, становилась почти сумасшедшей и полагала, что настала мой конецъ. Я примѣняла всевозможныя лѣченія безрезультатно. Теперь я помолодѣла, стала неузнаваемой, окрѣпла, благодаря чудесному Калефлюиду».

ДРАГОЛЮБЪ СИМИЧЪ, Сопотъ, Сербія: «Два года я страдалъ въ больницахъ на курортахъ, примѣнялъ много лѣкарствъ — все безрезультатно. Лѣченіе Калефлюидомъ дало мнѣ полное облегченіе»

Г-жа ШИПОННИКОВА, Лионъ, 7, ул. Пьеръ Верже: «Я страдала головной болью почти ежедневно. Послѣ 4 недѣли лѣченія Калефлюидомъ мои боли почти исчезли. Я приняла 2 съ полов. флакона и сейчасъ совершенно не страдаю, моя мигрень исчезла, какъ по волшебству».

А. ГРОЦКІЯ, 88, ул. де Бри, Муаверъ-Грандъ (Мозель). «Я былъ боленъ легкими два года и харкалъ кровью. Послѣ лѣченія чудеснымъ Калефлюидомъ, я вновь сталъ сильнымъ, кровохарканіе прекратилось и я работаю на шахтахъ къ удивленію моихъ товарищей».

І. РЕЙДИХЪ, 7, ул. Кюръ, Ноель-ле-

Минъ (П. Д. Ц.): «18 лѣтъ я страдалъ желудкомъ. Послѣ одной бутылки Калефлюида, боли прекратились и желудокъ дѣйствуетъ нормально».

НИЗЕЛЬСКОВЪ, Госпиталь Божонъ, Парижъ: «Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я принимаю Калефлюидъ, но я считаю себя уже воскресшимъ изъ мертвыхъ. У меня исчезла рвота, которая мучила меня два года; боль въ костяхъ стала быстро исчезать, и я сплю, не просыпаясь».

ОТТО, Доманъ де Сэда, Джебейда, Тунисъ: «Послѣ трехъ флаконовъ Калефлюида я совершенно поправился. Болѣзни мои были: расширеніе сердца, нервность, летучій ревматизмъ, подавленное настроеніе и постоянная усталость. Теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ»

КАЛЕФЛЮИДЪ награжденъ на выставкахъ въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ, Флоренціи и Римѣ, 5 гранъ-при и 5 большими золотыми медалями.

Безплатно франко высылаются объяснительная литература о причинахъ и лѣченіи болѣзней.

КАЛЕФЛЮИДЪ находятъ въ аптекахъ, гдѣ нѣтъ — высылаются наложеннымъ платежомъ.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСУЙТЕ:

Société Kalefluide

D. KALENITCHENKO,

5, Cité Pigalle, Paris (9).

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Бессель и Ко

78, r. de Monceau (M-o Villiers)

Tél. Laborde 02-13. Paris-8e.

РУССКАЯ МУЗЫКА

Оперы, романсы, инструм. музыка

Каталоги высылаются бесплатно

Русскія ноты

Musique
Russe

23, rue de Liège, 23. Paris (8)

Изданія М. П. Бѣляева, Юргенсона и др.

Каталоги бесплатно

Tél.: Central 31-78

РУССКІЙ НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ S. A. des Grandes Editions Musicales

НОТЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГИТАРЫ

22, RUE D'ANJOU. PARIS (8)

Tél.: Anjou 09-26.

Требуйте каталоги

Издание книгъ

на русскомъ языкѣ принимает на себя журналъ "Россія".

Авторы благоволят писать на имя редактора.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„Москва“ въ Парижѣ
LIBRAIRIE «MOSKWA»

9, rue Dupuytren, Paris 6e.

Tél.: Littré 37-01

Представительство на Францію и Бельгію объединенныхъ берлинскихъ книжныхъ складовъ Ладъжничкова, Логосъ, Москва, Слово и Девриенъ изъ Берлина (70% всѣхъ заграничныхъ русскихъ изданій) Библиотекамъ и общественнымъ организациямъ скидка. Въ предѣлахъ Франціи пересылка книгъ бесплатно

М. М. ЧЕРНЫЙ ПОДЪ ФИРМОЙ
«MICHEL»

29 лѣтъ въ Парижѣ.

Большой выборъ мужского платья новаго, случайнаго и подержаннаго отъ первоклассныхъ портныхъ.

Инвалидамъ 5% скидки.

10, rue Caffarelli (derrière la Mairie du 3-e). Métro: République et Temple. Téléph.: Archives 36-06.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. ROVOLOZKY & CIE
13, RUE BONAPARTE, PARIS-VI
Tél Littré 42-01.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СЕРГѢЯ КОМАРОВА

„ВЪЧНЫЙ ТАНЕЦЪ“

(изъ современной жизни)

Цѣна 20 фр.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA - PRESS
10, B-d Montparnasse, Paris, 15.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ЗАЙЦЕВЪ, Борисъ. — Преп. Сергій Радонежскій ... 0. 50
ГІЛЬДИНЪ, В. Н. — Св. Серафимъ Саровскій ... 0. 65
КЛЕПИНИНЪ, Н. — Св. Александръ Невскій ... 0. 79
СКОБЦОВА, Е. Ю. — Жатва Духа. Житія святыхъ. Вып. I и II по ... 0. 20
ГР. ТОЛСТАЯ, А. Д. — Прав. Іуліанія Лазаревская ... 0. 20
ГИППУСЪ А. Н. — Св. Тихонъ Задонскій ... 0. 25
ПРОТ. БУЛГАКОВЪ. — Свв. Петръ и Іоаннъ, два первоапостола ... 0. 35
ФЕДОТОВЪ, Г. П. — Св. Филиппъ, Митрополитъ Московскій ... 0. 70
КАРСАВИНЪ, Л. П. — Свв. отцы и учителя Церкви ... 1. 10
ПРОТ. С. ЧЕТВЕРИКОВЪ. — Оптина Пустынь ... 0. 50
ОТКРОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ СТРАННИКА — своему духовному отцу ... 0. 70

Подробный каталогъ высылается бесплатно. Книги Издательства продаются во всѣхъ Русскихъ книжныхъ фирмахъ.

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
AU VIEUX LIVRE

17, Rue de l'Odéon Paris-6

Tél.: Littré 89-88.

Большой выборъ рѣдкихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Исполнение заказовъ на любое изданіе. Книги о казачествѣ. Покупка книгъ на всѣхъ языкахъ

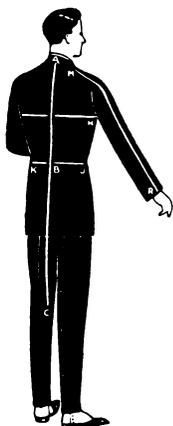
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

МУЖСКОГО БѢЛЫЯ

новаго и подержаннаго, лучшихъ парижскихъ портныхъ. Цѣны внѣ конкуренціи. Собственная мастерская для передѣлокъ.

З. ПИНЧЕВСКІЙ

3, rue Perrée, Paris (3). Métro: Temple et République. Téléph.: Archives 77-97.

МУЖСКОЙ И ДАМСКІЙ ПОРТНОЙ ГОТАРЪ

Предлагаетъ большой выборъ английскихъ и французскихъ матеріаловъ. Элегантный покрой, тщательная и аккуратная работа. Специальный мѣховый отдѣлъ. Получены новѣйшія американскія машины для утюжки костюмовъ. Стопажъ, перелицовка платьевъ. Всевозможныя передѣлки.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ

249-251, rue LECOURBE.

Tél.: Vaugirard 51-58.

1, avenue EMILE ZOLA, Métro: Javel.

Tél. Vaugirard 33-57.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

44, AVENUE DES CHAMPES-ELISEES

Tél.: Elisée 42-40

Получены новинки для зимнего сезона

Элегантную и прочную обувь

по доступнымъ цѣнамъ
покупайте въ русскомъ магазинѣ

„RAMO” (Рашковскій)

94, rue St-Antoine. 94, Paris (4).
Tél. Archives 38-26.

Напротивъ метро и церкви St-Paul.
Отдѣленіе: Constantinople: 6, Rue du
Tunel, 6. Nice: 31, Rue de France, 31
Открыто по воскресеньямъ.

**ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ
ВЪ РОССІЮ**

COMITÉ RUSSE DE SECOURS

33, rue de Prony, Paris (17).

Métro: Monceau ou Malesherbes.

Tramways: № 5, 30, 31.

Часы приема ежедневно (не исключая и
субботы) 3-7 ч. (кр. воскр. и праздн.).

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И. А. КИРИЛОВА

Дѣла судебныя, административныя и
бракоразводныя. Договоры, уставы и
регистрація коммерческихъ обществъ.
Оформленіе документовъ. Сотрудниче-
ство французскихъ адвокатовъ.

46, RUE DE PROVENCE, PARIS (9)

около Rue Lafayette.

Métro: Chaussée d'Antin et Le Pe-
letier. Tél.: Trud. 08-04.

**УЧАСТКИ, ВИЛЛЫ И ПОСТРОЙКИ ВЪ КРЕДИТЪ ДАЧЪ И ДОМОВЪ ВЪ
ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАРИЖА**

на очень льготныхъ условіяхъ. Земля можетъ быть и не оплощенной. Отъ 10 до 12 и
отъ 5 до 7 час. 30 мин.

12, rue Blanche. Mro Trinité. Tél.: Trudaine 49-41, Reimers et Kossovitch.

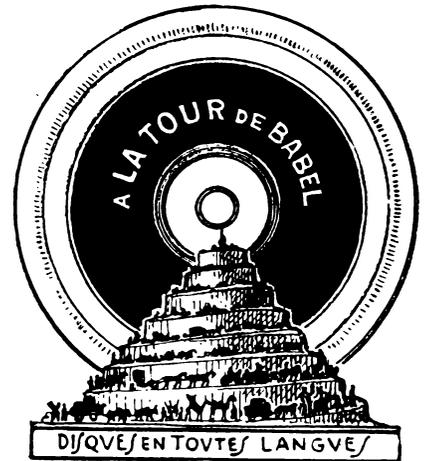
TORPÉDO

**la machine sérieuse
portative et de bureau**

**PAYABLE AU COMPTANT
ET PAR MENSUALITÉS**

HAÏK-TYPEWRITER

142, Rue Montmartre. PARIS

РУССКІЯ ПЛАСТИНКИ

лучшихъ артистовъ
вы найдете въ большомъ выборѣ
A la Tour de Babel

а также диски на всѣхъ языкахъ.
Jos. de Padova

316, RUE SAINT - MARTIN, PARIS, 3

Tél.: Archives 11-33

Производитъ

T. S. F. et MALLETTES PORTATIVES

Льготныя условія платежа.

Посылки и деньги въ Россію

на исключительно выгодныхъ условіяхъ

A. GODOVANNIKOFF. 36, rue Dieulafoy. Tél. Gobelins 20-68. Métro: Tolbiac

ДЕНЬГИ ПЕРЕВОЖУ ОТЪ 30 Р. И ВЫШЕ ИЗЪ РАЗСЧЕТА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЧЕРВОНЦА И СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДА МОЖЕТЪ БЫТЬ МНѢ УПЛАЧИВАЕМА ПО ПОЛУЧЕНИИ ВАМИ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЗЪ РОССИИ, ТАКЖЕ КАКЪ И СТОИМОСТЬ ПОСЫЛКИ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЧТОВОЙ РАСПИСКИ ОБЪ ОТПРАВЛЕНИИ. Приемъ ежедневно, не искл. праздниковъ.

КАКЪ ДОСТИГНУТЬ ПОКОЯ?

Чтобы русская колонія перестала тратить напрасно деньги, что для этого нужно? Обратиться немедленно къ Mr Schayder'у, онъ Вамъ укажетъ, какимъ образомъ Вы можете и должны пробрѣсти въ одномъ изъ 20 направлений отъ Парижа (или у пляжа) участокъ земли и немедленно построить виллу по Вашему вкусу и средствамъ. Эта операція ни въ коемъ случаѣ не разстроитъ даже Вашъ самый маленькій бюджетъ, а, наоборотъ, Вы убѣдитесь, какъ непроизводительно расходуете на квартиру или на лѣтній отдыхъ.

ОБЕЗПЕЧЬТЕ СЕБЯ И ВАШИХЪ БЛИЗКИХЪ ПОКОЕМЪ.

Запросите письменно или зайдите (ежедн. до 10 час. утра и 6-8 час. веч.).

MR SCHNAYDER, 117, RUE DU TEMPLE. Tél.: Archives 79-29.

Travaux de Plomberie, de Peinture et d'Électricité

NICOLAS

ПОСТРОЙКА ДОМОВЪ

Полный ремонтъ зданій. Проводка газа, электричества, водопровода (водяное и паровое отопленіе), полная покраска зданій внутри и снаружи. Столярныя и декоративныя работы.

Крупныя постройки подъ наблюденіемъ французскихъ архитекторовъ.

Лучшія референціи.

R. C. Seine 378,837

Адресъ для корреспонденціи:

Métro: Duroc

Mr. NICOLAS

10, Bd. du Monparnasse, Paris (15°)

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

Въ русскомъ кварталѣ (Парижъ, 15)
открыта

Русская аптека

O. HENRY,

Pharmacien de 1re classe
63, Bd de Grenelle.

Трам. 25, Aut. AN, AQ,
напротивъ метро Дюплексъ

Изготовленіе рецептовъ г.г. русскихъ врачей. Всѣ русскіе препараты. Патентованныя средства Парфюмерія. Косметика. Цѣны минимальныя. Исполненіе заказовъ въ провинцію и за границу, и по телефону въ Парижѣ: Сегюръ 18-51
Tél.: Ségur 18-51

АМБУЛАТОРІЯ
магистра ветеринарныхъ наукъ и профессора зоотехніи

Н. А. Ильина

бывшаго Придворнаго ветеринар. врача.
Приемъ больныхъ

отъ 2 ч. дня до 6.

20, rue Scheffer

Métro: Passy, Trocadéro, Pompe
Tél.: Passy 81-11.

СОБСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЛѢЧЕНИЯ
ЧУМЫ И ГРИППА СОБАКЪ

Аптека для русскихъ

PHARMACIE CENTRALE DU
BOULEVARD DE GRENELLE

H. FOUCHER

Pharmacien de 1re classe

77, Boulevard de Grenelle, 77.

Автобусы: V, AQ, AN,

Трамваи: 25, 26

Grenelle.

M^o Duplex, La Motte-Picquet.

Спеціальное приготовленіе лекарствъ по русской фармакопее, русск. провизоръ. Всѣ французскія и иностранныя патент. средства. Общ. складъ парфюмеріи и патентованныхъ товаровъ.
Цѣны ниже всѣхъ аптекъ
Tél.: Ségur 11-45.

INSTITUT DE BEAUTÉ PHYLLIS EARLE (London)

PARIS, 50, AV. TOKIO. Tél. Passy 26-23.

Окончившіе получают дипломы. Говорят на 5 языкахъ. Русскимъ льготныя условия
 ПРОГРАММА: Новѣйшіе методы англо-американскаго массажа, леченіе электричест-
 вомъ дефектовъ лица, кожи, волосъ. Manucure. Pédicure. Окраска волосъ, гримъ, те-
 атральный и для жизни. Физическая культура. Цикль лекцій г.г. врачей по анатоміи. Фи-
 зиолог. бол. кожи, электрич. эстетич. хирургія. Справки письменно, лично отъ 2 до 5
 у Директриссы: M-me Alex.

Пріемъ клиентокъ по всѣмъ **SOINS MEDIC - ESTHETIQUES** у Mme ALEX в.орн., четв., субб 10-12 ч. и по соглашенію
 Tél Auteuil 91-50 122, Bd Murat, entré 84 2 ét. gauche

INSTITUT COSMETIQUE „MACO”

278, Bd Raspail
 Paris, 14

Téléph. Danton
 73-99

1) КУРСЫ КОСМЕТИКИ (ПРИГОТОВЛЕНІЕ КРЕМОВЪ, ПУДРЪ, ОДЕКОЛОНОВЪ И Т. П.), 2) КУРСЫ
 УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ДЛЯ ОКОНЧИВШИХЪ ИНСТИТУТЫ КРАСОТЫ (ЛЕЧЕНІЕ ДЕФЕКТОВЪ КОЖИ НО-
 ВѢЙШИМИ СПОСОБАМИ И АППАРАТАМИ), 3) КУРСЫ ГИМНАСТИКИ И МАССАЖА ОТЪ ОЖИРѢНІЯ.
 ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ДИПЛОМЪ.

American Lloyd

13, Bd. Malesherbes, Paris (8)

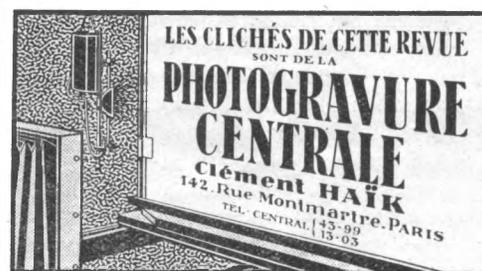
Tél.: Anjou 07-45

ПРОДАЖА ШИФСКАРТЪ ВО ВСЪ
 ПОРТЫ МИРА НА САМЫХЪ
 ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

СПЕЦИАЛЬНО: Дальній Востокъ (Шанхай,
 Харбинъ и т. д.), Ближній Востокъ (Египетъ,
 Палестина, Сирія) Австралія, Уругвай, Параг-
 вай, Бразилія и т. д.

СПРАВКИ БЕЗПЛАТНО

Говорятъ по-русски.

LES CLICHÉS DE CETTE REVUE

SONT DE LA

PHOTOGRAVURE

CENTRALE

Clément HAÏK

142, Rue Montmartre, PARIS

TEL. CENTRAL 45-99
 13-05

ROCHET chapelier spécialiste

21, av. de la République, Paris.

FOURNIT DE LA BELLE CHAPELLERIE POUR HOMMES ET ENFANTS TRES GRAND CHOIX

Брокеръ Parfumerie

8, RUE CARDINAL MERCIER, PARIS

ВЕЗДЪ ВЪ ПРОДАЖЪ ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ И LOTION «POLONAISE». Tél.: Louvre 52-14.

На улицѣ Marbeuf въ районѣ Елисейскихъ Полей привлекаетъ общее вниманіе недавно отстроенный грандіозный гаражъ извѣстнаго французскаго промышленника Бюно - Варилла.

Цѣлая стѣна по фасаду составлена изъ огромныхъ стеклянныхъ прямоугольниковъ.

Съ улицы вы сразу увидите блестящій залъ съ пестрыми рядами разнообразныхъ машинъ и висящія надъ нимъ въ воздухѣ параллельно расположенныя галереи.

Архитекторъ Лапрадъ, оригинально скомбинировавшій желѣзныя скрѣпленія, сумѣлъ дать для гаража максимумъ удобства и полезной площади.

Гаражъ Marbeuf — одинъ изъ крупнейшихъ въ Европѣ магазиновъ автомобилей. 250 машинъ выставлено въ галлереяхъ. Остальныя располагаются въ смежномъ зданіи, гдѣ въ 10-ти этажахъ есть мѣсто еще для 1.250.

Автомобили поднимаются съ этажа на этажъ по охватывающимъ зданіе подъёмнымъ дорожкамъ. Въ центральномъ помещеніи лифтъ.

Для спуска имѣется специальная рампа, почему опасность столкновения автомобилей совершенно исключена.

Нашъ соотечественникъ, А. М. Жеребковъ, начальникъ одного изъ отдѣловъ, отмѣчаетъ исключительный интересъ, проявляемый парижанами и иностранцами, къ своему грандіозному сооруженію.

Зданіе завершается обширной террасой. Здѣсь производится проба машинъ и иногда даются уроки ѣзды на автомобилѣ.

Въ гаражѣ работаютъ около пятидесяти человекъ русскихъ.

Отдѣлъ школы цѣликомъ русскій. Преподаваніе производится на машинахъ послѣднихъ моделей опытными русскими инструкторами - преподавателями. Механику преподаетъ инженеръ П. П. Полузковъ, извѣстный преподаватель автомобильной механики и авторъ русскаго и французскаго автомобильнаго учебника "Катехизисъ Автомобилиста", — въ специально оборудованномъ классѣ для изученія механики, на особыхъ учебныхъ приборахъ. Классъ оборудованъ по послѣднему слову автомобильной техники.

Авто - школа "Marbeuf", по оборудованію, по подготовкѣ учащихся и по своей добросовѣстности является одной

Гаражъ „MARBEUF“

изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ школъ Франціи

При гаражѣ имѣются всевозможныя мастерскія: почиочныя, для покраски машинъ и проч.

Auto-Ecole Marbeuf

GARAGE MARBEUF.

Concessionnaire Citroën.
32-34, rue Marbeuf (Champs-Élysées), Tél.: Elysées 58-83 et 97-61 et la suite. Métro: Marbeuf et Rond-Point des Champs-Élysées.

САМАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ
АВТОМОБИЛЬНАЯ ШКОЛА
Carte-rose. Grand-remise. Poid-lourd. Cours de mécanique.
Papiers-taxis.

Уроки на специальной террасе нашего гаража, в Булонском лесу и в городе от 8 час. утра до 9 час. вечера на машинах последних моделей, с правым и левым управлением.
Приходите осмотреть наш гараж в 10 этажей, на 1500 машин, самый большой в Париже, в районе Champs-Élysées нашу школу, оборудованную по последнему слову автомот. техники

ЕДИНСТВЕННАЯ СТАРАЯ
АВТО-ШКОЛА
ACADEMIE D'AUTO DES CHAMPS-ÉLYSÉES
Б. СПЪ, «ЗНАНИЕ»

Обучение їздѣ
на автомобилѣ,
механикѣ

(практической) и (taxi)

Tél.: Elys. 33-22 et 41-22

- 1) 78, Av. Champs Élysées
- 2) 74, Av. Mozart (Passy, Auteuil)
- 3) Billancourt, 28 rue Nationale
- 4) 31, rue Marbeuf 31.

Авто-Perfection-Школа

Обучаетъ на машин. послѣдн. моделей
Citroën C4, Renault, Peugeot
LEÇONS D'AUTO

Картъ-розъ съ гарантией
Курсъ такси и механики

Tél. : Auteuil 44-11.
Métro : Eglise d'Auteuil

4, rue Désaugiers, Paris-16.

Открытъ отъ 8 — 20 час.
ДИРЕКТОРЪ В. А. ЮРКОВСКИЙ

Vous trouverez

tous les disques
de toutes les marques
et les derniers succès

PARISONOR

PHONOGRAPHE AMPLIFICATEUR

SALONS D'AUDITION:

12, ROND-POINT DES CHAMPS-ÉLYSÉES. PARIS

TÉLÉPHONE: ÉLYSÉES 53-33

ЗАЛЫ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ ГРАММОФОНОВЪ

Banque Industrielle du Centre

85, rue de Richelieu, 85, Paris (2). Tél. Louvre 09-11. Centr. 35-67.

ТЕКУЩЕ СЧЕТА И ВКЛАДЫ; БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦИИ

СЪ ОГРАНИЧЕННЫМЪ РИСКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ ДЕНЕГЪ ВЪ РОССИЮ И ДР. СТРАНЫ

въ кратчайшій срокъ съ предст. обратн. расписокъ. — ПОКУПКА РУССКИХЪ
БУМАГЪ (рента, займы, закл. листы, акции), и страхов. полисовъ.
ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая гарантированные Франц. Правительств.
ВЫИГРЫШНЫЕ (съ процентами) БИЛЕТЫ на специальныхъ условияхъ.

ВЫИГРЫШИ ПО **1.000.000** ФРАНК. ЕЖЕМЪСЯЧНО.

Цѣна билетовъ отъ 60 до 600 фр. съ получениемъ ссуды до 80 проц. стоимости
Подробные проспекты и свѣдѣнія объ операцияхъ на Парижской Биржѣ высылаются
по первому требованію; корресп. по-русски.

Т-ВО ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ
П. М. КУЗМИЧЕВЪ СЪ С-МИ
P. M. KOUSMICHOFF & SONS

Въ Лондонѣ — 11, Queen Victoria street
 Въ Парижѣ — Бюро 75, Av. Niel
 — Магазинъ 11 bis, Av. Victor Hugo
 Въ Берлинѣ — Бюро Blücherstr. 62-63.
 — Магазинъ Kleiststr. 24
 Въ Бѣлградѣ — Бюро Kralja Milana 8

Агентства во всѣхъ странахъ міра.

Огромный выборъ всевозможныхъ сортовъ чая.
 Жареный кофе собственной фабрики. Турецкій кофе.
 Самовары, кофейники, чайники. Чайная русская и японская посуда.

Товары отсылаются почтою во всѣ страны.
 Требуйте преискуранты.

Отдѣлы продовольственныхъ посылокъ въ Россію.

Фирма П. М. Кузмичевъ съ С-ми въ своихъ контрактахъ принимаетъ заказы на отсылку продовольственныхъ посылокъ въ Россію.

Продукты отправляются самаго высокаго качества, специальной заготовки и укупорки (мука отправляется упакованною въ холщевыхъ мѣшечкахъ). Посылки тщательно задѣлываются въ прочную, но легкую упаковку и обшиваются хорошимъ холстомъ. При отправкѣ соблюдаются всѣ установленныя правила и нормы. Обычно посылки доставляются въ Москву и Ленинградъ чрезъ двѣ недѣли, а въ другія мѣста нѣсколько позже.

На основаніи вновь опубликованныхъ правилъ, каждое лицо имѣетъ право получать изъ-за границы продовольствіе, но посылки не должны превышать 10-ти кило. Полученіе посылокъ не можетъ служить къ какому-либо ограниченію для получателя въ его правахъ. Посылки должны быть посылаемы съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, на этотъ предметъ установленныхъ.

Для каждаго продукта установлена особая годовая норма, больше которой получать нельзя. Эта норма слѣдующая: мука, крупа, рисъ, масло сливочное, са-

харъ — 5 кило въ годъ. Чай, кофе, какао, шоколадъ 2 кило въ годъ.

Мы отпускаемъ продукты по слѣдующимъ цѣнамъ: чай высокаго качества 56 фр. за кило, цейлонскій по 42 фр. кило. Кофе жареный 38 и 26 фр. за кило. Какао 16 фр. за кило. Мука крупчатка въ мѣшечкахъ 4 фр. 60 с. за кило. Рисъ карол. и крупа манная по 5 фр. 60 с. за кило. Сахаръ кусковой 4 фр. 80 с. за кило, сах. песокъ 4 фр. 40 с. за кило. Масло сливочное въ жестянкахъ 24 фр. за кило. Оливковое масло 20 фр. за кило.

За упаковку и пересылку каждой посылки мы взимаемъ по 50 фр. за посылку въ 5 кило и по 80 фр. за посылку въ 10 кило. Въ простой упаковкѣ на 5 фр. дешевле.

Стоимость таможенной пошлины въ СССР можетъ быть нами переведена получателю по оффиціальному курсу. Пошлина слѣдующая: за рисъ, крупу и муку по 10 коп. за кило; за чай около 20 рублей за кило; за кофе и какао по 15 р. за кило; за сахаръ 1 р. 50 к. за кило; за слив. масло 3 рубля за кило.

Выпущенъ новый проспектъ, который высылается немедленно по требованію.